

28021

ГЕННАДИЙ
ФИШ

КЛЯТВА

ГОСЛИТИЗДАТ

КНИГА
В СОХРАНЕНИИ

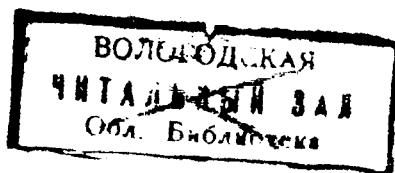

Теннадий Фии

К Л Я Т В А

*История
одного отряда*

РОМАН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“
МОСКВА, 1941

2802/1

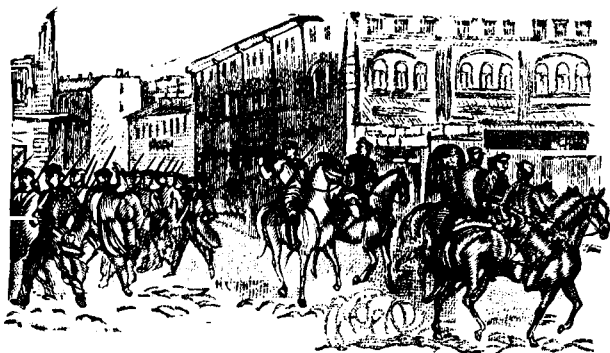
Редактор И. Ф. Трусов

Тираж 50 000 экз.

**Подписано в печ 11.XII 1940 г.
А22084. 11³/₄ печ. листов. Авт.
листов 14,88. В печ. листе
43 280 знаков.**

Цена в переплете 5 р.

**Отпечатано с матриц в типографии им. Воровского
Госпланиздата, г. Калуга
Зак. 158**

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

«Много теснили меня от юности
моей, но не одолели меня».

1. КОВБОЙ

Высокий молодой человек — товарищи называли его Ялмар — торжественно сказал:

— Забастовка началась! Забастовка! Объявляю: отныне ипподром конфискован и поступает в распоряжение Красной гвардии! — и он обратился к конюху: — Имей в виду, в твоих же интересах смотреть за лошадьми. Кони должны быть напоены, накормлены и всегда в порядке. Понятно?

Красногвардейцы выводили из конюшен лошадей.

Да, это были красногвардейцы, хотя на тридцать человек приходилось всего четыре винтовки, два маузера и два браунинга. Винтовки дер-

жали в руках русские матросы, два молодых и веселых балтийца.

У других красногвардейцев не было ни оружия, ни формы. От обыкновенных граждан их отличали только яркокрасные повязки на рукавах да никому не видные квадратики розового картона, — бережно хранимые удостоверения бойцов Красной гвардии. Ялмар, повидимому, их начальник, отличался от своих товарищей только тем, что у его пояса висела слегка изогнутая казацкая шашка. Эту шашку получил он в Петрограде.

В неожиданные февральские дни на крыльях автомобиля Ялмара — а был он тогда шофером — бессменно лежали вооруженные люди. Двое суток, не сомкнув ни на минуту воспаленных глаз, он гонял по всему городу, развозя вооруженных рабочих и отбившихся от своих частей солдат. Снимали с чердаков полицейские пулеметные гнезда. И раненый, примкнувший к народу казак на прощанье протянул ему эту шашку.

— Бери, товарищ шофер! Ты ее заслужил. Честное слово, ты настоящий казак!

На дворе в нетерпении били копытами кровные жеребцы, караковые, буланы, гнедые, вороные, английские рысаки, арабские скакуны.

Эти лошади принадлежали самым лучшим аристократическим домам, самым богатым людям губернии и даже всей страны. Хозяева только для удобства держали их в конюшнях ипподрома, — и вот теперь они переходили в распоряжение Красной гвардии.

Черный статный жеребец ни за что не хотел стоять на месте, он поводил ушами, рыл копытом землю.

— Как коня зовут?

— Араб.

— Ну, так вот — я беру Араба себе, — сказал Ялмар.

Конюх искоса взглянул на него.

— Не советую. Жеребец норовист. Он два раза сбрасывал самого хозяина барона.

— Я лошадей не боюсь. Я не барон — я ковбой, — отвечает Ялмар и берется за холку коня.

— Я не дам седла для этой лошади. Мне попадет от барона, — решительно говорит конюх.

— Где у тебя седла? — Ялмар кладет руку на эфес.

Конюх делается шелковым: через минуту недоуздок сброшен и седло уже валяется на дворе у ног Араба. Жеребец грызет удила, и клочья белой пены падают на землю. Араб не дает оседлать себя. Он еще больше капризничает, он подпрыгивает на месте. Ялмар два раза ударяет его по спине шашкой плашмя. Жеребец испуганно ржет и поднимается на дыбы.

Возмущенный старший конюх роняет рукавицы:

— Как, бить Араба! Жеребца самого барона Вреде!

Жеребец нехотя взял железо удила. Ялмар занес ногу и вскочил в седло. Разобрал повод: взял в шенкеля... Араб стоял, как вкопанный. Ялмар снова взял шенкеля уже сильнее и еще ослабил повод. Араб стоял. Жалко, что не было шпор, — Ялмар вытащил шашку и острым концом кольнул Араба.

Жеребец начал беситься. Он изгибался и подпрыгивал на месте. Ялмар плотно коленями сжал бока лошади. Так крепко сжал, что заныли ноги, и все-таки трудно было удержаться. Он чуть было не схватился за переднюю луку. Но это было бы позором для кавалериста! Тогда он с силой ударил кулаком жеребца по шее...

Араб, галопируя, поскакал по кругу ипподро-

ма. И вдруг остановился. Но Ялмар ждал подвоха. Он откинулся назад всем корпусом, сохранив равновесие, не перелетел через голову жеребца. Но сердце у него екнуло. Он ударил еще раз лошадь кулаком по шее, и Араб понял, что на этот раз имеет дело с настоящим человеком, остановился и — уже подчиняясь воле всадника — медленно пошел по кругу.

С удил ключьями слетала пена на темную сырую землю...

— Будет послушным! — крикнул конюху Ялмар и оглянулся.

Все кони уже были оседланы.

Странная кавалькада вылетела за ворота и с гиканьем помчалась по улице. Конюх уже с уважением смотрел вслед Ялмару. Затем вздохнул и стал запираť ворота.

Араб Ялмара шел впереди. За ним во весь опор скакали тридцать всадников.

Лошади застоялись в своих станках и теперь шли гораздо резвее, чем это нужно было для первого раза.

Неумелые наездники с трудом удерживались в седлах.

Всадникам трудно было справиться со своими лошадьми. Уж на что Ялмар был отличным наездником — год ковбойской жизни в прериях Мексики что-нибудь да значит, — и то он с трудом сдерживал игравшего под ним Араба. Араб вырывался вперед и уносил его от отряда.

В переулке всадники увидели, как молодые парнишки, совсем мальчишки, с азартом забивали досками — накрест — двери мастерской.

— Объявлена забастовка, — крикнул один из них, — а здесь работают!

II. ОТЕЦ И СЫНОВЬЯ

Навстречу кавалеристам шел пеший отряд Красной гвардии. Вместо винтовок на плечах красногвардейцы несли большие, толстые палки. У некоторых палки были обточены как ружья.

В одном из последних рядов Ялмар увидел своего отца. Отец тоже заметил Ялмара, ловко восседавшего на Арабе, и, подняв руку, приветствовал его. Их глаза встретились.

Самые разнообразные ощущения возникли в душе Ялмара. Он еще до недавнего времени страстно ненавидел отца. Он помнил, как еще в раннем детстве приходилось ему отрываться от уютного сна.

Отец приходил с работы очень поздно и всегда пьяный. Пьяный он не жалел никого, но больше всего доставалось матери.

А мать свою, всегда хлопочущую, бледную и болезненную, Ялмар жалел и очень любил.

Каждый удар, наносимый матери, был для него гораздо больнее, чем те, которые доставались ему.

Мать однажды подслушала, как под лестницей Ялмар убеждал своего старшего брата:

— Давай убьем папу.

Мать перепугалась и стала уговаривать:

— Папа всегда очень много работает — ему тяжело живется. Он не злой, а дерется только потому, что пьяный.

Когда огорченная мать убежала в соседний дом на постирушку, старший, одиннадцатилетний Ирмари, торжественно сказал:

— Видишь, Ялмар, убивать не надо. Маме тогда будет еще труднее. А мы давай поклянемся, что никогда в жизни не возьмем в рот ни капли спиртного.

И дети дали под лестницей друг другу эту клятву.

С тех пор многое довелось Ялмару перенести: был он и юнгой, и ковбоем, и машинистом, и шофером, но как ни уговаривали его товарищи, как ни подтрунивали, как ни ругались — ни одной рюмки спиртного он не осушил.

И вот сейчас отец-старик шел рядом с товарищами в строю Красной гвардии! Это было так неожиданно. Отец приветствовал его как старого друга, и Ялмар внезапно ощутил прилив товарищеской и сыновней нежности к этому человеку, который всегда был для него чужим.

Он так и продолжал ехать дальше, привстав на стременах, даже тогда, когда красногвардейский отряд уже скрылся за углом, запевая песню французской революции.

Взволнованный Ялмар соскочил с Араба у подъезда Рабочего дома, — здесь помещался забастовочный комитет. Весь отряд спешил.

— В этом доме, — сказал один красногвардеец (его звали Рагнар), — все дверные ручки и все люстры моей работы.

— А я настилал там полы, — услышал он в ответ.

В Рабочем доме былолюдно и суетливо.

Ялмар прошел в комнату председателя комитета, высокого старика, участника свеаборгского восстания, рабочего-жестянщика Айроксинена.

Айроксинен громко разговаривал со своим заместителем Коски :

— Конечно, ты прав, — говорил он, — свобода печати — великое дело. Но смотри, что они с ней делают.

Старик вытащил из кармана газету, распластал ее на столе и, надев очки в серебряной оправе, нашел место, отчеркнутое синим каран-

дашом. С пафосом пасторской проповеди он прочел:

«Мох ягель замечательно питательная и сытная еда. Недаром лапландские олени так красивы, сильны и выносливы. Но, конечно, нельзя его просто потреблять в сыром виде, как делают это олени. И если следовать рецептам, помещенным в газете, и собирать растущий повсюду ягель, то нехватка хлеба будет не так ощутительна. Эти рецепты особенно облегчают положение неимущих слоев населения».

— Вот этой свободы печати, которая велит рабочим питаться ягелем и возражает против предельных цен на хлеб, вот этой свободы — кушать ягель вместо масла — мы не допустим. И раз всеобщая забастовка, то уж извини, а таких газеток рабочие печатать не будут.

Ялмар понял, что он пришел в самый раз, и его предложение будет принято.

— Товарищи, — сказал он. — Я подобрал кавалерийскую группу и предлагаю услуги своего отряда для добывания хлеба.

— Интересно, как вы это сделаете? — иронически спросил Коски и стал ерошить правой рукой шевелюру.

Ялмар заметил, что левый рукав у него пуст.

— Так же, как достали лошадей, — конфискуем хлеб, спрятанный у кулаков.

— Вот видишь, что делается, — угрожающе сказал Коски Айроксинену. — Это самоуправство!

— Нет, конфисковать нельзя, а вот обнаружить эти излишки и заставить продать по твердой цене — это можно!

— И в этом случае я тоже умываю руки, — сказал Коски.

«Какие там руки, когда всего одна рука», — с раздражением подумал Ялмар и сказал:

— Что же, мои кавалеристы с этим справятся.

— А почему не пешие, почему ты кавалеристов организовал?

— Должна быть у рабочего класса своя кавалерия, товарищ Айроксинен, и если не я, то кто же ее организует?

Надо было скорее выполнять дело, порученное комитетом. Хлеба в городе было меньше, чем в обреза. И Ялмар пошел к своим ребятам.

В дверях ожесточенно спорили трое рабочих.

— Это безобразие — говорят о рабочем классе и всеобщей забастовке, а сами ведут себя как аристократы.

— В чем дело, товарищи? — спросил Ялмар.

— «Товарищи», «товарищи», — передразнил его первый. — Гусь свинье не товарищ.

— Ну, ну, не болтай всего, что слюна в рот принесет, — сказал худенький с седоватой бородкой человек и объяснил: — Этот Коски говорит, что есть приказ в Красную гвардию принимать только членов социал-демократической партии. Без членских книжек, говорит, — никого нельзя. А если я не член союза, а с буржуями драться могу. Ведь я сызмальства боевой был, и бог меня всегда поддерживал.

— Бог не бог, а на коне умеешь ездить?

— Ясно.

— Ну, тогда иди ко мне в отряд: есть лишняя лошадь.

— Да спасет тебя бог, — сказал обрадованно рабочий.

— А ты кто?

— Я сам слесарь, зовут меня Юкко.

— Ну, и хорошо. А ты что, отец? — спросил Ялмар старика.

— По той же причине недоволен. А только я член партии. Не записывают в Красную гвардию. Говорят — стар. А членские взносы платить — не стар! А жить — не стар! Да если мне винтовку не дадут, я под ноги лахтарю¹ повалюсь, — он на бегу споткнется и упадет, а наши тут же его и прикончат.

— На том, отец, и порешим: будешь помогать ухаживать за лошадьми, — сказал Ялмар и скомандовал: — На коней!

Отряд поскакал по улице и через полчаса уже был на проселочной дороге.

III. АЙНО СНИМАЕТ ПЕРЕДНИК

Почти все посетители кафе повскакали со стульев и, оставив недопитый кофе, бросились к окнам.

В полуотворенную дверь ворвалась боевая красногвардейская песня — и, хотя не все слова можно было разобрать, женщины опускали глаза, иные стыдливо, иные с возмущением. Это была задорная песня, и автор ее не побоялся крепких слов.

Высокая, стройная и сильная кельнерша, которую посетители запросто называли Айно, сняла передник и подошла к старшей экономке, бойкой старухе с белой кружевной наколкой.

— Я должна пойти, — сказала она, — это мой красногвардейский отряд.

Экономка всплеснула руками и не взяла передника.

¹ Примечания смотри в конце книги.

— Бог с тобой, Айно! Ты хорошая девушка, зачем тебе ввязываться в мужское дело?

Но Айно, бросив на стул передник, быстро пошла к выходу.

Еще с начала октября она организовала при Рабочем доме кружок санитарок.

В этом кружке девушки — члены социал-демократического союза молодежи — изучали правила первой помощи. Все окончившие эти курсы были прикреплены к отдельным красногвардейским отрядам.

С восьми утра до восьми вечера Айно беспрерывно работала в кафе. После работы — кружок санитарок, а там занятия спортом и политический кружок.

Она не успевала выспаться, и по утрам кофейник дрожал в ее руке. Старшая экономка замечала это и укоризненно покачивала головой:

— В наше время больше пели и больше танцевали, и работали тоже больше.

А Айно отвечала ей словами лектора политического кружка:

— В великой борьбе классов никто не смеет быть в стороне. Первой победы мы уже добились: был Красный сейм².

— Также, хороший сейм!.. Не может керосином обеспечить население, — ворчала старуха.

Хотя Айно и очень уважала экономку, старую социал-демократку, но думала, что они никогда не сговорятся. Просто удивительно, какие разные люди были в одной партии!..

Красногвардейский отряд уже успел вернуть за угол, Айно побежала за бойкой песней.

Навстречу ей по тротуару шли два русских солдата и матрос; буквы на ленточке фуражки матроса в свете неяркого ноябрьского солнца

блестели серебром. Айно замедлила шаг и оглянулась.

Переулок был безлюден. Всем известно, что русские солдаты — хулиганы и грабители, — об этом все время твердили газеты и изо дня в день приводили все новые и новые факты.

Вот, например, не позже, чем вчера, был такой случай...

Но размышлять было некогда — русские военные были уже совсем близко.

Она остановилась. Еще раз оглянулась — и быстро перебежала на другую сторону улицы. Когда она перебегала через мостовую, русские военные стали смотреть на нее, а матрос даже прокричал ей вслед по-фински:

— Как вас зовут, милая нэйти³?

Но, очевидно, это была одна из двух-трех заученных им финских фраз.

Айно оглянулась. Матрос приветливо махнул ей рукой, и трое русских двинулись дальше по улице, горячо споря между собой. Из их слов Айно поняла только одно: Ленин, — и ей стало немного стыдно своего страха.

И она снова заспешила, догоняя свой отряд.

IV. ХЛЕБ

Всадники стремительно мчались к намеченным богатым хозяйствам через канавы, по полю, по лесу, со всех сторон, с гиканьем, с криком.

Ялмар предупредил — въезжать во двор не через ворота, а перепрыгивать через плетень.

— Это произведет впечатление.

Он сам показал пример и влетел на Арабе во двор, а за оградой уже гикали на всем скаку красногвардейцы.

Он, держа в руке свою казацкую шашку, вбе-

жал в дом. Богатые хозяева испуганно жались к стене. Они решили, что пришли с ними покончить.

В низкой избе Ялмар казался еще выше, чем был на самом деле.

— Я командир красной кавалерии, — громко сказал он: — нас послал штаб революционного комитета за хлебом для города. Я приказываю вам немедленно же отправить в город тонну зерна... А ну, пишите, — и он продиктовал: «Обязательство. Я, крестьянин Саволайнен, обязуюсь немедленно привезти в город тонну зерна».

Когда расписка была подписана, Ялмар сел за стол и, вытащив из походной сумки блокнот, вырвал листок и набросал копию обязательства и заверил ее своим росчерком.

— А хлеб мне отдавать бесплатно, что ли? — робко произнес крестьянин.

— Ну, неужели ты нас принимаешь за разбойников? — изумился Ялмар. — Цена же установлена законом, решением сейма; девяносто восемь пенни за килограмм.

И сразу же в избе стало оживленнее — откуда-то появились женщины, дети, подростки; и сам хозяин повеселел. Он, видимо, рад был, что так дешево отделался.

Через полчаса крестьянин уже запрягал лошадей. Из других дворов тоже выезжали телеги.

Из соседних деревень, узнав о прибытии городского отряда Красной гвардии, пробрались несколько членов союза молодежи и рассказывали, у каких хозяев в их селении можно взять хлеб — есть много лишнего хлеба. Это были верные сведения.

Когда в городе через неделю Ялмар сдал самообязательства в комитет, выяснилось, что только один крестьянин сдал меньше, чем обязался,

но и то он сам сказал об этом и обещал привезти недостающие в конце ноября. Никому и в голову не пришло нарушить свою подпись.

В следующей деревне дело прошло так же гладко, но и там не остались на ночлег.

Вблизи стояла большая усадьба — старинный барский замок, сложенный из огромных каменных глыб.

Здесь было много хлеба, и здесь же можно заночевать, утром двинуться дальше в путь.

Вскоре перед отрядом выросло мрачное здание замка. Владелец его был известен далеко за пределами своих поместий. Это был заносчивый аристократ-швед, и имя его было прославлено всеми газетами лет десять назад.

Торпари⁴, жившие на землях, которым они и их родители отдали труд всей своей жизни и которые помещик считал своими, забастовали. Отказались платить оброки и натурные отработки, повинности и разные поборы и потребовали составления не устных, а письменных арендных договоров.

Это была знаменитая забастовка торпарей.

Надменный швед не стал разговаривать с торпарями. Он просто стал выселять их с помощью вооруженной силы из их изб — прочь от земель, которые целые десятилетия ими обрабатывались. Он выселял торпарей из их торпов. Они ведь не могли представить никаких документов, доказывающих их права. Он ломал безжалостно эти торпы.

Дело было суровой зимой, а торпари — все многосемейные.

Описанием сцен разорения выселенных и их горя были полны газеты в то время, а социал-демократическая партия организовала по всей стране сбор в помощь бастующим торпарям. Прикупи-

ла им немного земли, а они селились вблизи замка, а некоторые из них работали батраками у помещика.

Об этом деле Ялмар много слышал в дни своей ранней юности, поэтому с любопытством разглядывал нескольких торпарей — участников забастовки, которые вместе с отрядом пришли из деревни в поместье.

За их спинами были большие, плетеные из бересты короба — коннти.

Один из торпарей, старик, сказал Ялмару:

— Знаешь, мы решили совсем выгнать из замка помещика и разделить его землю между торпарями.

— Это, конечно, ваше дело, — согласился Ялмар. — Поступайте, как вам угодно, и знайте одно, что я помещику помогать не буду. Понятно?

Торпари засмеялись.

Такой разговор был им по душе и совсем понятен.

А что можно согнать человека с его земли — о, это они отлично знали по своему опыту! Да к тому же трудно было понять, каким образом эта политая их потом земля считалась помещичьей. Ведь владелец, кроме клумбы, сам, своими руками никакой земли не возделывал.

Ребята готовились к ночлегу. Ялмар сидел в сарае на табурете и, наблюдая за ними, думал свою думу. Его красногвардейцы сейчас походили слегка на отряды знаменитого, уже сказочного, Илки, который тоже дрался со шведскими помещиками за торпарей.

Многие красногвардейцы теперь были вооружены охотничьими ружьями, выложенными серебром, пистонными ружьями, двуствольными пи-

столетами. На вооружение отряда пошла коллекция оружия из большой гостиной замка. Там оружие было развешено по стенам между старыми гобеленами.

— Не хотят красногвардейцев в этом имении угостить простой кашей? — Ладно, нарежьте тогда борава!

И вот сейчас красногвардейцы уже жарили на вертеле куски огромного борава, и работницы помещика, веселясь и балагурия, помогали им в их незатейливой стряпне. Другие нагружали зерно из господских закромов. Да, сейчас в этом сарае было и шумно, и весело. Но, сидя у костра, в самом центре этого шумного веселья, Ялмар думал свою думу.

V. ОБИДА ПАСТУШОНКА

Эти места ему были хорошо известны. В двадцати километрах от поместья на берегу озера стоит деревня Листо.

В этой деревне он работал в чужих людях — первый раз в жизни.

Ему было тогда девять лет — и впервые его отдали из дома к чужим. Знакомый крестьянин отвез его на телеге из города с рынка в эту деревню, в хозяйство к богатым крестьянам. У них было двадцать три коровы.

Все лето он работал без единого праздника.

Бывало, другие мальчишки-сверстники еще спят, а его уже будят: в пять часов утра нужно было выгонять коров в лес.

Он прятал за пазуху небольшой финский хлебец и уходил из деревни.

Лес был большой, неоглядный, и много было болот — и все места совсем незнакомые. И мальчику бывало порой очень страшно. То казалось —

идет, хрустя валежником по лесу, медведь, то чудилось, что из болота высывалась какая-то нечисть.

И тогда он прижимался к какой-нибудь корове — белянке или чернушке — и тепло ее немного успокаивало его.

Домой нужно было пригонять коров к восьми часам вечера.

Три раза в то лето терялась корова в лесу. Тогда хозяин снимал поясной ремень и долго, сосредоточенно драл пастушонка. А хозяйка с шумом передвигала горшки и тарелки. И все-таки ни одна корова не потерялась — к утру она находила свое стадо.

Спал Ялмар в сенях в уголке, и никто никогда даже и не спросил, нужно ли ему что-нибудь, вымыт ли он, сыт ли.

Он с нетерпением ждал осени и расчета. Дома были еще малые ребята, и Ялмар думал обрадовать мать несколькими марками летнего заработка. Пришла осень с утренними заморозками, и по ледяной росе приходилось на рассвете босиком выгонять коров на пастбище.

Однажды утром хозяин, взглянув на рубашку Ялмара, увидел, что по ней ползают вши.

Хозяин очень рассердился, отругал мальчика неряхой и сказал, что такой человек может заразить весь дом. Уже пришла осень, пусть он не медля отправляется домой.

Ялмару не надо было долго собираться — даже обыкновенного маленького свертка не мог он захватить с собой.

Хозяин дал ему хлеб и сказал:

— Иди!

Ни одного пенни не получил он за работу.

Договора не было, а он целое лето ведь жил на хозяйских харчах.

Ялмар ничего не сказал и вышел на улицу. Как и сегодня днем, ясно светило осеннее солнце.

Он шел босиком по холодной и грязной дороге и думал, что с ним хозяин поступил так несправедливо только потому, что не было дома хозяйки — она с раннего утра на бричке уехала в город на рынок. О том, что и его могли подвезти на этой бричке в город, километров за тридцать, он в тот день и не подумал.

А хозяйка была молодая и веселая. Когда кто-нибудь из соседей или друзей заходил к ним в дом, она радушно смеялась. Гостеприимство ее славилось по всему приходу.

Она была мастерицей печь пироги.

Хотя Ялмар сам от нее за лето не видел никакой ласки, все же ему казалось, что и на него смотрит она приветливо, и если бы не было в комнате хозяина, она непременно приголубила бы его. Вот и тогда мальчик, шагая по дороге в город, жалел, что, когда он уходил, не было дома хозяйки. Так он шел час и два, и вошел в лес. Лес стоял неподвижный, словно замороженный, в этот ясный осенний день.

Он услышал, что кто-то едет ему навстречу.

Через минуту показалась знакомая бричка.

Рыжая кобылка бойко бежала по лесной дороге. На козлах сидела хозяйка — молодая и приветливая. Сердце Ялмара радостно забилося — вот сейчас она остановит лошадь, скажет ему ласковое словечко и даст на дорогу несколько марок на подарки малышам.

Но хозяйка равнодушными глазами взглянула на мальчика и, слегка кивнув в ответ на его поклон, не произнесла ни одного слова.

Она даже не замедлила бега лошади, и через минуту бричка скрылась за частыми стволами

осеннего леса. А Ялмар остался стоять один на дороге. Его захлестнула такая обида, что он даже не заплакал.

Так и остался стоять, как стоял.

Потом он сел на придорожный пенек и долго сидел на месте и не мог двинуться дальше в дорогу.

В город он пришел поздней ночью.

Когда Ялмар сказал отцу, что не получил от хозяев и ломаного пенни, а мать увидела его грязного и завшивевшего, она заплакала. Тогда заплакал и мальчик.

Через несколько минут его уже мыли в теплой воде, а затем мать уселась перешивать для него старую отцовскую заплатанную рубаху.

Много с тех пор прошло дней и лет, многое он увидел и почувствовал, но этих слез своей матери, которые она пролила в вечер его возвращения, он не мог ни забыть, ни простить.

Теперь он снова очутился в этих местах — и лес стоит такой же, какой стоял тогда, двадцать лет назад, и дорога почти не изменилась — и не за этим ли ее поворотом повстречал он тогда бричку, на которой важно восседала хозяйка?

— Товарищ Ялмар, товарищ командир! — пригласила его принять участие в этом ночном пиршестве батрачка, поднеся на тарелке кусок дымящейся еще свинины. — Вот тебе лучший кусок.

А кругом лежали уже, засыпая, на постелях из душистого сена красногвардейцы кавалерийского отряда Ялмара.

Сквозь щели досчатой крыши сарая видно было мерцание ясных ноябрьских звезд.

В следующей деревне к Ялмару заявился ленсман⁵. Он был в форменной фуражке с револьвером в кожаной кобуре у пояса.

— На каком основании вы занимаетесь здесь тем, чем вы занимаетесь? — строго спросил он у Ялмара.

— Нас послало революционное народное правительство, — торжественно ответил Ялмар, — и вы должны нам помогать в работе.

— Я не имею на это предписаний.

— Вот вам оно, — и Ялмар здесь же написал на листке блокнота предписание.

— Оно недействительно, — сказал, прочитав записку, ленсман.

— Почему?

— Нет печати.

— Погодите, — сказал Рагнар; он что-то вырезал на небольшой деревяшке. — Погодите, пусть ленсман принесет чернильную подушечку для печати.

Пока ленсман ходил за подушечкой, Рагнар успел вырезать то, что задумал, и протянул Ялмару.

Это был треугольник, в котором корявыми буквами было вырезано: «Отряд Красной гвардии Ялмара».

Ленсман принес подушечку.

Ялмар приложил печать к написанному листку блокнота... Печать получилась грубая. «Сразу видно дерево», — подумал Рагнар.

Но все же это была явственная официальная печать. И ленсман сказал:

— Теперь все в порядке!

Потом он уже помогал в этой деревне красногвардейцам. Вместе с ними ходил по крестьянским дворам. И каждую расписку скреплял своей подписью.

Пожалуй, больше всех был доволен изобретением Рагнара Юкко:

— Слава богу, ходим теперь с ленсманом и все у нас по закону,—бормотал он себе под нос.— Хвалю Рагнара—это настоящий мастер.

Ленсман называл красногвардейский отряд Ялмара отрядом рабочей охраны порядка. Он не знал еще о том, что с первого дня забастовки рабочие отряды охраны порядка приняли боевое имя Красной гвардии, освященное великой забастовкой пятого года и свеаборгским восстанием и кровью русских рабочих, пролитой всего несколько дней назад на Дворцовой площади Петрограда.

В этом же селе пономарь, обозленный на агронома за то, что тот не дает ему весной огуречную рассаду, рассказал Юкко:

— У этого чортова безбожника-агронома есть несколько револьверов, и он по ночам учится стрелять в мишень.

Надо было конфисковать это оружие, а имение агронома лежало на пути к селу Листо, в двух километрах от села.

Агронома не было дома. Ялмару еще раньше сказали, что он был организатором местного шюцкоровского отряда⁶ — поэтому он приказал произвести самый тщательный обыск в саду. Сам же он обыскивал внутренние покои. На столе лежала записка: «Эй, вы, красные бандиты! Если думаете, что ваши руки так длинны, чтобы достать меня, то вы горько ошибаетесь. Но знайте, что тот, кто тронет что-нибудь у меня, будет повешен».

— Если бы не эта записка, то я увел бы отсюда отряд, — сказал Ялмар жене агронома, — но сейчас это уж извините!

— Я вам ручаюсь, что все, что написано здесь,

правда. Вы его не достанете, а уж без повешенных дело не обойдется, — подтвердила жена агронома.

Но Ялмар знал то, что знал. На рассвете отряд встретил одного пешехода, который странным образом был похож на фотографии, развешенные на стене. И сейчас же, узнав о том, что агронома нет в усадьбе, он послал по этой дороге трех верховых, приказав им не возвращаться без утреннего пешехода. Тот не мог еще далеко уйти. А пока он принялся перерывать весь дом. И Юкко с Рагнармом были при нем.

Две найденные пачки патронов для браунинга ясно говорили, что где-нибудь здесь должен быть и браунинг. Но его не удавалось найти. Были найдены две сабли, два охотничьих ружья, австрийская винтовка и японская винтовка, — возможно, она сохранилась еще со времен «Войны»⁷, — а браунинга не находили.

Когда Рагнар и Юкко перешли в столовую и подошли к буфету, хозяйка явно забеспокоилась и стала еще злее, чем была раньше.

— Тише вы, дьяволы, — сказала она: — здесь фарфоровая посуда — сервиз на двенадцать персон.

— Отдай браунинг — и, видит бог, что нам не нужна твоя посуда, — набожно произнес Юкко.

Рагнар раскрыл дверцы буфета. На чашках, тарелках, блюдах, чайнике, кофейнике, молочнике, полоскательнице — цвели тоненькие голубенькие незабудки.

— Все это хорошо, — сказал, переставляя посуду, Юкко, — но где же браунинг?

Его просто забавляло, как дрожит над каждым блюдцем и чашечкой эта женщина. Рагнару такое поведение и вовсе казалось подозрительным — значит, где-нибудь близко оружие. Он

неосторожно повернулся — и блюдо с незабудками упало на пол. Оно раскололось надвое: на одной половине сиротливо вился стебелек, голубой цветочек украшал другой осколок. Женщина всплеснула руками и беспомощно опустилась в кресло.

Нет, она не притворялась — дело не в оружии, стало быть, действительно она трясется над этой глиной.

— Что вы сделали, что вы сделали! Погубили весь сервиз — ведь он был на двенадцать персон.

— Так у тебя еще одиннадцать блюдец остаются, — недоуменно сказал Юкко, словно чувствуя свою вину.

Рагнар выпрямился и с презрением смотрел на эту женщину.

Какое время! Всеобщая забастовка!⁸ Завтра революция. В России рабочие захватили власть. Во всем мире война идет, а она дрожит, чуть ли не плачет оттого, что вместо двенадцати будет одиннадцать блюдец, оттого, что разрознен сервиз.

Он взял в руки мисочку и сказал:

— Сударыня, или у меня сейчас будет браунинг в руках, или ваш сервиз будет еще больше разрознен.

Этого женщина не могла уже вытерпеть. Она побежала в спальню, из ящика ночного столика с двойным дном вынула завернутый в салфетку браунинг и вынесла Рагнару. И в эту минуту, когда он передавал браунинг Ялмару, распахнулась дверь с веранды и вошли посланные верховые вместе с захваченным ими утренним пешеходом.

— Это ваши портреты? — спросил его Ялмар.

— Как видите, — спокойно сказал тот.

— Это ваша записка? — и Ялмар показал вызывающую записку командира шюцкора.

— Возможно, — так же спокойно сказал он и затем добавил: — Надеюсь, вы сообщите мне свое имя, чтобы не затруднить потом уголовное следствие.

Но Ялмар не отвечал.

«Я послан за хлебом и оружием, а не для разговоров», — подумал он и, вырвав из блокнота листок, написал записку Коски и Айроксинену о том, что он препровождает в город арестованного опасного шюцкоровца.

Конвоиры вышли вместе с арестованным, а Ялмар продолжал обыск.

Отряд обошел еще семь селений — и отовсюду отправлялись обозы с хлебом в город и всюду находилось оружие. Правда, разнокалиберное, разносистемное, и не так уж много. Однако в отряде все были полностью вооружены, а в обозе шла груженная оружием и боеприпасами телега. Тогда, наконец, отряд вошел в деревню Листо, ту самую, где впервые работал в людях Ялмар.

Он почему-то медлил, словно ему не хотелось видеть эти места и тех людей, от которых он принял обиду.

VII. ДОЧЬ ХОЗЯИНА

Дорога, которую Ялмар в детстве видел такой большой, теперь лежала перед ним как обыкновенный проселок. И совсем не так уж были далеко друг от друга усадьбы крестьян, как это казалось лет двадцать назад. Ялмар узнал мостик через канаву — здесь он обыкновенно пересчитывал коров — все ли на месте.

Он замедлил ход своего Араба. Вот и знакомый дом. Он-то совсем такой же, каким был и тогда — те же темнокрасные бревна, тот же резной конек над крыльцом, так же белеют налич-

ники окон, как и тогда, — сегодня он кажется новеньким, словно только что отремонтирован.

«Посмотрим, узнают ли они меня», — подумалось Ялмару.

Он вошел в дом.

Ялмар сел за стол в углу. В окно видны были ему привязанные к плетням лошади.

В комнате со стуком ставила на стол горшки и тарелки хозяйка. Так же она сердилась и двадцать лет назад, но была она уже не молода: морщины легли на ее раньше румяное и гладкое лицо, и волосы у нее были седые. Только глаза попрежнему, по-молодому, блестели.

Она не узнала в Ялмаре своего пастушонка и, ставя перед ним на стол миску с гороховым супом, была неприветлива и ворчлива. А хозяин совсем, совсем постарел. Ялмар искоса разглядел его.

Неужели же за это время он не переменял пояса?

Была уже глубокая осень.

«Пастушонка, конечно, уволили уже», — подумал Ялмар и вышел в сени. В темных сенях в углу попрежнему стоял сундук, на котором он спал тогда, как собака. Он вошел обратно. Хозяин что-то стал говорить ему, и в голосе его слышалась смешанная со страхом угодливость.

«Признаться им или нет?» — подумал Ялмар и решил, что не скажет им, что они уже знакомы двадцать лет. — «Черт с ними, — а то еще подумают, что я мщу им».

Он даже решил не останавливаться в этом доме — а то вдруг выдаст себя чем-нибудь.

И только одно новое лицо увидел он в комнатах. Это была молодая светловолосая девушка. Его поразили очень синие глаза, не по-обычному большие зрачки и темные брови и ресницы. Она

вся была ладно скроена и крепко сшита — и каждое ее движение, несмотря на какую-то скованность, было полно природной грации. Когда она разговаривала, казалось, вся она изнутри светилась. Но Ялмар видел, что ей неприятны угрюмые взгляды матери и льстивая речь отца.

Неужели же эта маленькая, писклявая девчонка так выросла за это время? Да, ей было тогда два года, и он видел, как голубят ее родные, и очень не любил ее за это. Ведь она даже несколько слов не могла связно сказать тогда. А вот теперь — стройная и милая девушка хлопчет перед плитой.

Как только ее звали? Дай бог память! Ну, как же? Нет, имя ее никак не приходило ему на память.

Да, несомненно, надо переехать в другой дом. Он снова сел за стол. Он думал: вот, он жил в этом доме как нелюбимая собака, а теперь его боятся здесь, и он может отплатить за старую обиду. И чувствовал, что ничего он не хочет сделать этим людям. И то, что они такие старые и злобные, а он молодой, сильный и веселый, — это уже достаточная расплата.

Красногвардейцы пришли с мороза и не успели согреться; Ялмар стал рядом с девушкой и, грея руки у плиты, спросил:

— Как, скоро каша будет готова?

Девушка испуганно ответила:

— Да, да, скоро будет готова.

Нет, пожалуй, и вправду не стоит ей рассказывать, как однажды, когда никого не было в комнате утром — отец уехал на рынок, мать доила корову, — он оттащил ее за косенки, и она горько плакала.

В эту минуту в комнату вошел старик с большой седой бородой и спросил:

— Кто начальник?

— В чем дело? — обратился к нему Ялмар. Старик поднял вверх обе руки и сказал:

— Мой хозяин послал меня сказать, чтобы вы, ради бога, не приходили к нему, что он уже все сделал и отдал девушке обратно все, что полагается.

Ялмар не хотел и виду показать, что он ничего не понимает, и поэтому сурово спросил старика, который стоял перед ним, все еще подняв руки:

— Ты говоришь правду?

— Да, да, не приходите бога ради, потому что у жены моего хозяина— его зовут Капули— слабое сердце и она может испугаться досмерти.

— Ну, если ты говоришь правду, то я не приду, — сказал Ялмар, и старик, так и не опуская рук, вышел из комнаты.

— Что это за Капули? — спросил Ялмар у девушки, снова подойдя к плите.

Она засмеялась и рассказала, что двадцать лет назад один торпарь арендовал землю у этого Капули и поставил там маленький дом. Недавно эти торпари, отец и мать, умерли и оставили дочь, двадцатилетнюю девушку. Она была совсем беззащитна, и Капули отнял домик, землю и все, что было оставлено ее родителями, и выгнал ее. Она пошла в батрачки к богатым крестьянам.

Когда Ялмар с товарищами уже ели кашу, вошла в комнату эта дочка торпаря и стала благодарить начальника.

— Как только Капули узнал о том, что в село пришел твой отряд, он прибежал к моим хозяевам, вызвал меня и при всех сказал: я отдаю тебе дом и землю, только не жалуйся на меня красным. Но я пришла не жаловаться, а поблагодарить вас, товарищи!

Все ребята, услышав этот рассказ, засмеялись.

И Ялмару тоже было приятно, что они помогли жить хотя бы одному человеку.

— Если тебя Капули снова обидит, не медля пиши мне лично, домой, и я приеду со своими ребятами! — и Ялмар положил руку на висевший на поясе маузер.

«А девушку-то зовут Мартой!» — вдруг вспомнил он.

Марта перестала хлопотать у плиты и отирала пот со лба своим чистеньким фартуком.

VIII. НЕПОНЯТНОЕ ИЗВЕСТИЕ

На другой день утром, когда Ялмар с крыльца смотрел, как нагруженные хлебом подводы уходили по дороге к городу, к нему подошли двое взволнованных торпарей, из тех, с которыми он разговаривал на-днях в имении шведского аристократа.

— Товарищ начальник, мы к тебе! В деревне помещик объявил всем, что всеобщая забастовка кончилась и снова все идет по-старому.

— Провокация! — отрезал Ялмар. — Вы, деревенщина, всему верите.

— Нет, мы звонили по телефону в город, и там тоже говорят, что забастовка кончилась.

— Не может быть, — уже не так уверенно буркнул Ялмар и, вскочив на седло, погнал лошадь к сельскому потребительскому кооперативу: там должен был быть телефон.

Молодой приказчик, социал-демократ, сказал:

— Тебя просили позвонить из города.

Ялмар быстро соединился с городом. В трубку слышно было дальнее гудение, и слова доносились невнятно.

— Рабочий дом? Рабочий дом? — нервничал Ялмар. — У телефона кто? Коски? Говорит Ялмар.

Забастовка окончена? Да. Значит, наши взяли власть в Гельсинки? Нет. Почему же кончена? Ехать обратно? Повтори. Ехать обратно? Кончать... А это не провокация? Нет? Позови Айроксинена. Нет его. Требуют меня в город?..

Тут разговор был прерван, и, как ни пытался Ялмар, больше не удалось соединиться с городом. Он не знал, почему окончена забастовка и какое правительство. Неужели попрежнему буржуазное — Свинхвуда или коалиционное с социал-демократом Токой⁹ во главе, как летом?

Почему не взяли целиком власть в свои руки товарищи из центрального руководства — этого он не знал и чувствовал какую-то вину перед своими красногвардейцами, как будто бы он принимал решение окончить забастовку и отвечал за него.

Приказчик сказал ему:

— Вот вы теперь уйдете, а что нам делать, деревенским социал-демократам? Я организовал группу красногвардейцев, но у нас нет оружия.

— Приходи ко мне, я тебе отдам под расписку оружие на двадцать человек, — утешил его Ялмар.

Пошел крупный, холодный, осенний дождь, и ясно было, что он будет идти долго и что это, наверно, последний дождь, — было уже время снегу.

Красногвардейцы столпились верхами на мосту, у въезда в деревню.

Ялмар не хотел при всех деревенских говорить о том, что забастовка окончилась.

Блестели мокрые крупы спокойно переступавших лошадей.

— Товарищи, — сказал Ялмар своему отряду, — забастовка окончилась. Мы должны возвратиться в город.

И, к его удивлению, красногвардейцы были рады таким словам.

— Хвала богу, значит, все, что мы требовали, осуществлено, — сказал Юкко.

— Я тоже думаю, что теперь уже не бастовать надо, а драться, — ответил ему Рагнар.

А иные просто были довольны, что можно будет спокойно возвратиться к своим семьям, к детям и женам.

Все ж таки, что ни говори, осенью гораздо приятнее жить в городе. Летом — дело другое.

Итак, отряд поскакал обратно, в город.

Выезжая из деревни, Ялмар остановил своего Араба и оглядел эти унылые под дождем, каменистые поля, эти косые плетни и, взглянув на красневший на холме домик, где жили его бывшие хозяева, опустил поводья. Конь его медленно пошел вслед за отрядом.

Казалось, дождю не будет конца; темные тучи обложили все небо.

Ялмар ехал на Арабе и все думал о том, как-то теперь будет дальше, но потом махнул рукой.

Он верил товарищам, сидевшим в Гельсингфорсе. Они ведь дело знают. Всю жизнь руководили рабочим классом в его борьбе с царем и с собственной буржуазией. А если он чего-нибудь не понимал, так ему разъяснят. Кто он? Простой шофер, ковбой, а они — вожди рабочего класса.

Он попросил отряд спеть песню. Ее подняли, повели, но вскоре она увязла в грязи проселочной дороги — и там ее и оставили.

Дальше ехали молча, вразброд, каждый думая о своем. А потом целую ночь спасались от дождя в пустом сарае. Какие-то мальчишки подбирались к сараю и кричали в щели:

— Забастовщики, голодранцы! — и сразу же убегали.

И никто даже не гнался за ними, хотя и стоило бы надрать им уши.

IX. КОНЕЦ ЗАБАСТОВКИ

У дверей Рабочего дома Ивар и Айно, сопровождавшие две нагруженные подводы, столкнулись с Ялмаром и неразлучными с ним Юкко и молчаливым Рагнарсом. Между Юкко и Рагнарсом шел арестованный агроном-шюцкоровец. Шюцкоровец ругался последними словами.

— Это бандитизм, и ты за него заплатишься, — угрожал он Ялмару.

— Иди, иди, — подталкивал его Юкко.

— Айно, и ты здесь! — обрадовался Ялмар.

Она дружила еще с детства с его любимой сестрой. Ялмар для Айно был таким же авторитетом, как и для его сестры. Еще бы — ведь он побывал в дальних морях, ведь он работал в Америке! А теперь еще на поясе у него висела казачья шашка, полученная в подарок в дни Февральской революции в Петрограде. А потом он был высокий и красивый, а в последние дни совсем стал героем — столько писалось в социалистических газетах про его кавалерийский отряд.

«Пусть буржуи сами едят ягель, — рабочим нужен хлеб», — так называлась последняя заметка об отряде Ялмара, которую она прочитала.

Ивара Ялмар тоже знал. Впрочем, Ивара в городе знали все мальчишки — это был невысокий, но коренастый синеглазый мускулистый парень, электромонтер. Он был известен как лучший в городе борец. И не только в городе, а и во всей стране. Он был кандидатом в чемпионы мира по французской борьбе. А розыгрыш чемпионата предстоял в январе, и заметками об этом событии пестрели спортивные отделы городских газет.

Кроме того, Ивар состоял инструктором того спортивного рабочего общества, деятельным членом которого все время была Айно.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Ялмар Айно.

Но она не успела ответить. В комнату вбежал, ероша левой рукой свои волосы, высокий и худой человек, с пустым правым рукавом, заложенным в карман.

— Это безобразие! — обратился к нему Ялмар. — Мы как черти рыщем по деревням, достаем хлеб и арестовываем белогвардейских молодчиков, а вы здесь! Что вы здесь делаете? Мы в деревне арестовали этого субъекта, — ручаюсь тебе, за дело арестовали, — и послали сюда, в штаб. А приходим обратно в город — и что же видим? ... Он спокойно разгуливает по базарной площади, и на руках бумажка — с твоей подписью, Коски, — о том, что он освобожден. Пришлось снова арестовывать. Это что же такое?

Агроном стоял между Юкко и Рагнармом и слушал всю тираду Ялмара, иронически усмехаясь.

— Я приказываю именем Забастовочного комитета, — волнуясь, сказал Коски, — немедленно отпустить этого гражданина. Мы за порядок. Мы за закон. А ты делаешь чорт знает что! — уже разозлился Коски.

— А где Айроксинен?

— Айроксинен ушел на митинг, посвященный нашей победе.

— Какой победе? — изумился Ялмар. — Ведь забастовка кончена.

— Гражданин, вы свободны, — не отвечая Ялмару, обратился Коски к агроному.

Но тот развел руками:

— Где гарантия?

— Идите, гражданин, — сказал ему уже Ял-

мар, — но если я увижу у вас в руках оружие или если я прочту еще раз такую записку, какую вы нам написали, то я не посчитаюсь с приказами и законами и ручаюсь, что вам не нужна будет охранная грамота.

Ялмар подождал, пока агроном вышел.

— Ну, а теперь говори — какая победа и что мне сказать красногвардейцам.

— Сейм принял наш закон о восьмичасовом рабочем дне, — торжественно сказал Коски. — Сейм принял наш коммунальный закон и временно принял на себя верховную власть.

— Так ведь то сейм принял, а большинство в сейме осталось буржуазное. Чье правительство? Не наше ведь?

— Вот сейчас на митингах мы и голосуем списки членов правительства и предложим их сейму. У нас издавна демократическая конституция, и буржуазия у нас очень культурная.

— Ну, а если сейм не примет наших списков?

— Ну, тогда посмотрим, — ответил Коски, быстро расхаживая по комнате.

— Посмотрим, посмотрим — надо было смотреть до окончания забастовки, — разозлился Ялмар.

Что-то было не так, и он не понимал, что именно.

Когда во время шторма ему приказывали карабкаться на самую высокую рею, а мачту раскачивало как маятник, — он знал, что делать; когда он объезжал дикую лошадь в Мексике и она норовила сбросить его со спины, — он знал, что нужно делать; когда он кулаками заставлял американских бродяг признавать свою правоту, — он знал, что надо делать; когда в февральские дни он развозил по всему городу вооруженных рабочих и солдат с красными ленточками на винтовках и люди лежали на крыльях машины, —

он знал, что поступает правильно. Сейчас же он не знал, что ему делать, — и это злило и раздражало его больше всего.

Каждая мысль его должна была превращаться немедленно в действие — иначе думать он не умел.

«А может быть, это провокация, — подумал он. — Забастовка не окончена, а по телефону и телеграфу пришли лживые директивы».

— Тебе придется отдать обратно всех конфискованных лошадей, — сказал Коски Ялмару, — а то уже поступают жалобы и требования хозяев.

— Красная гвардия не распускается? — спросил Ялмар.

— Нет.

— Ну, тогда и лошадей не отдам.

— Ну, это посмотрим!

— Не отдам! — Нервы у Ялмара расходились. — Не отдам, — повторил он глухо.

— А тебе что? — спросил Коски у Айно.

— А мы с Иваром добыли несколько ящиков оружия и патронов. Ивар сторожит их у входа там, на подводе привезли.

— Оружие в Рабочий дом! — изумился Коски. — Оружие в Рабочий дом! — и замахал рукой.

— А почему же в Рабочий дом нельзя оружие? — резко спросил его Рагнар.

— Потому, что это не порядок, потому, что мы против кровопролития. Всего можно добиться мирным, законным путем. Потому, что Рабочий дом — не казарма, — горячился Коски.

— А почему белым можно, а нам нельзя брать-ся за оружие? — спросила Айно.

Вошел Айроксинен. В его руках был список кандидатов в правительство, принятый на митинге.

— Оружие, — сказал он, услышав слова Айно, — тащи скорее сюда, сколько имеешь. Красной гвардии оружие необходимо. А то, понима-

ешь, есть директива отдать обратно русским солдатам то оружие, что они нам дали. А потом? — Забастовка окончена, а революция продолжается. Пойду к телефону — пусть разъяснят подробнее, как это...

Ялмару стало легче: в словах Айроксинена, участника свеаборгского восстания, председателя металлистов города, он почувствовал скрытую поддержку.

— Оружие в Рабочий дом! — удивился Коски.

— А то как же, — сказал Айроксинен, но тут к нему подошли люди, обступили его с неотложными своими нуждами и требованиями.

— Лошадей я все-таки не отдам, — мрачно сказал Ялмар.

— Отдашь, — сказал Коски. — Завтра вечером кончится сессия сейма и придет твой брат — увидишь, что он скажет.

— Он скажет по-моему.

Ялмар любил своего старшего брата и уважал его. Брат писал рассказы, стихи и статьи в рабочих газетах. Брат был депутатом сейма — и шел вместе с Куусиненом¹⁰ и с другими силтасаривцами¹¹. А лошадей он все-таки не отдаст.

Когда они спускались по лестнице, Рагнар, вспомнив хлопчущую над разбитым блюдцем и расстроенную жену агронома, сказал Юкко:

— А это твой Коски — не человек, а сервиз!

— Ну нет, он рабочий — ему правую руку пилой лесопилки отхватило.

— А все-таки он сервиз, — упорствовал Рагнар.

И Ялмар вспомнил хозяйку, убивающуюся, потому что разбита чашка и разрознен сервиз в то время, когда идет революция, и подтвердил презрительные слова Рагнара;

— Ну, конечно, Коски — это сервис...

После этого весь отряд Ялмара не знал другого имени для Коски, как «Сервис».

Когда они выходили из дома, их снова встретила довольная и раскрасневшаяся Айно. Она тащила в руках блестящий оцинкованный ящик.

— Отдай патроны моему отряду, — попросил ее Ялмар.

А она его спросила:

— Скажи, какая разница между большевиками и меньшевиками?

— Большевиков больше.

— Ну, слава богу! — удовлетворенно сказала Айно. — Стало быть, они победят.

Ялмару было немного досадно, что подробнее он не мог ответить Айно, — не умел.

Х. ПОСЛАНЕЦ ЛЕНИНА

На маневрировавших по путям паровозах еще не были сняты черные и красные флажки — знак забастовки. Однако в станционном буфете уже стучали вилками о тарелки и шла оживленная жизнь, можно было раздобыть даже запрещенные спиртные напитки.

Брат Ялмара — Ирмари — приезжал домой на три дня, чтобы потом выехать обратно на продолжающуюся сессию сейма. Ялмар не видел брата около года: он сразу узнал его худое лицо в окне вагона.

Братья радушно пожали друг другу руки. Они оба были рады этой встрече.

Старший брат был тщедушный, невысокого роста, бледный, и все время безостановочно курил. Младший был статен и розовощек, он совсем не курил и смотрел на старшего сверху вниз с нескрываемым уважением.

— Мне нужно с тобой о многом, многом поговорить, — сказал, сильно волнуясь, младший, — но ты, наверно, устал. Может быть, отдохнешь сначала?

Ему очень не хотелось, чтобы брат пошел сначала отдыхать.

— Ну что ты! — отказался старший, — только в разговоре я и отдыхаю.

И они оба отыскивали свободный столик в вокзальном буфете. Старший брат, заказывая официанту два стакана чая, хитро подмигнул ему:

— Я предпочитаю кофе, — сказал Ялмар.

Но уже на столе перед ними стояли два стакана чая.

Ялмар помешал чай ложечкой. Чай был холодный.

— А ты понюхай, — улыбнулся старший.

Перед ними в чайных стаканах на столике стоял крепчайший портвейн.

— Ну, а как же наше обещание! — изумился Ялмар. — Ведь я ему не изменял.

— Какое обещание? — переспросил Ирмари. — А, ты толкуешь про детские разговоры... — вспомнил он.

И Ялмару стало немного обидно.

— Это был серьезный разговор, — сказал он сдержанно.

— Ну, один раз можно. Раз в год встретились, — снова улыбнулся старший.

— Будем здоровы!

И братья чокнулись.

Ялмар отпил несколько глотков и с непривычки сразу же повеселел. Люди, стоявшие и сидевшие около и прохаживающиеся по перрону, выглядели теперь гораздо симпатичнее.

— А ты знаешь, — сказал он брату, — что наш отец красногвардеец?

— Мама писала мне об этом.

— А в сущности говоря, он совсем уж не такой скверный, — продолжал Ялмар.

— Что и говорить! — подхватил его брат и снова пригубил стакан. — Мы были не всегда справедливы к старику.

Они на мгновение замолчали.

— Ну, а что делается в Гельсингфорсе? — спросил, наконец, Ялмар. — Что нового? Кого видел, что говорят?

— Кого видел? — и Ирмари засмеялся. — Утром видел Сирола.¹² — ехали вместе в трамвае. У него в руках все листочки, а на них выписаны русские слова. В трамвае, за обедом — чуть только у него выдается свободная минутка — он зубрит русские слова.

— А я немного понимаю по-русски, — с гордостью сказал Ялмар. — Чертовски трудный язык. Особенно эти два рода: мужской и женский. Стол — мужчина, дверь — женщина. Смешно!

— Это он свое обещание выучиться по-русски, обещание, данное Максиму Горькому, хочет выполнить. О, он человек слова!

Ялмар стал расспрашивать брата о том, что же теперь будет и как надо понимать окончание забастовки. Но брат отвечал так, как будто читал передовицу газеты. И глаза его перестали быть выразительными, и речь стала торжественнее и суше.

— Забастовка окончена, но революция продолжается, — сказал он.

— Знаю, знаю, — перебил Ялмар. — Но как, что нам надо теперь делать?

Неужели брат, от которого он получал первые социалистические листовки, который давал ему марксистские брошюры, который сам писал в рабочих газетах, не сумеет объяснить, что теперь нужно делать и что говорить дружинникам!

Но брат только пожал плечами:

— Посмотрим, там видно будет... Пока что мы выиграли: восьмичасовой рабочий день, коммунальный закон, и сейм взял на себя верховную власть.

— Кто будет проводить этот закон? Люди, которые сначала голосовали против нас? — не унимался Ялмар. — Мы сами должны были его провести. Керенскому можно было разгонять Красный сейм, а мы не можем разогнать этот новый, буржуазный, и снова созвать Красный?

— Да, но тогда была бы гражданская война, — раздумчиво сказал Ирмари. — А раз война, то возможно и поражение, и тогда все союзы, кооперативы, рабочие дома, законы — все насмарку, и начинать сначала.

— Раз война — значит, возможна и победа. А потом все равно не избежать драки. Ты то же самое думал бы, если бы побывал среди моих красногвардейцев.

— Я слышал эти же самые слова от многих гельсингфорских рабочих, — сказал старший брат. — Но это неправильно. Слишком большой риск. Нам легче победить избирательными бюллетенями.

— Ну, если мы будем сидеть на месте, оружие к нам не придет. Я тебе говорю — не придет!

За окном станционного буфета прогудел паровоз. Скорый поезд пронесся мимо перрона. С минуту нельзя было из-за грохота расслышать, что говорят собеседники. У Ялмара от выпитого кружилась голова. Он был недоволен братом. Брат не сказал тех слов, которые он хотел услышать от него.

А Ирмари продолжал:

— И странно — то же, что говоришь ты и что говорили многие гельсингфорские рабочие, ска-

зал и представитель русской большевистской партии и власти.

Ялмар оживился.

— Что же он говорил?

— Что если мы возьмемся сейчас за оружие, — мы победим, что трудности велики, но мы можем справиться с ними и русские рабочие помогут нам. Он звал к бою и говорил, что гражданская война неизбежна и что, если мы на нее не пойдем сейчас, когда это выгодно для нас, нам все равно ее навязжут, когда она будет выгодна им, буржуазии то есть.

— Так он и сказал? — Ялмар задыхался от волнения.

Было сказано то слово, которого он ждал и которое сам произнести не мог — не умел. Об этом же думали его красногвардейцы и многие рабочие, с которыми он разговаривал в эти дни. Но это было сказано ясно и четко так, как он сам никогда не сумел бы сказать.

— Он прав, этот русский, — и Ялмар от волнения встал со стула.

Ирмари, усмехнувшись, потянул его за рукав:

— Сиди! Возможно, что прав, но мы еще не готовы. Да и как нам браться за оружие, когда нет оружия и никто из нас не умеет даже стрелять?

— А как он говорил? Где? Расскажи подробнее. Кто его прислал к нам?

— Он приехал по поручению Ленина, — сказал Ирмари. — Он сам, наверно, не русский. В высоких сапогах, длинные усы. Черный. Говорят, с Кавказа он — там ведь ленинцы сильны. Он говорил спокойно... Но жаль, что я не знаю русского языка... Его переводил Юкко Рахья¹³, знаешь, финн из Петербурга?

— А где это было? — не унимался Ялмар. — Как его имя?

— У него два имени — одно кавказское, и псевдоним металлический...

Ирмари на секунду представил себе дом старого четырехсословного сейма, где теперь заседали фракции. Большой зал — крестьянского сословия. Здесь теперь собиралась социал-демократическая фракция. Здесь же происходила и конференция. Грузная фигура председателя, стоявшего спиной к окнам, в которые глядел хмурый ноябрьский день. Стулья были сдвинуты с мест и стояли не в рядах. Ирмари живо вспомнил, как все настояжились, когда председатель предоставил слово делегату русского советского правительства. Тот встал перед депутатами, одетыми в пиджаки, в крахмальных воротничках с галстуками, в своей военной шинели и кожаной фуражке. Быстрым движением он сбросил шинель и фуражку на стоявший рядом с председателем пустой стул и глубоким голосом заговорил. И в его голосе было столько убежденности и силы, что Ирмари еще раз пожалел о том, что не знает русского языка, и при этом он говорил просто, не жестикулируя, ничем не напоминая парламентских ораторов, и лишь в конце своей речи шедшим от сердца быстрым и резким движением выбросил вперед руки, как бы призывая к действию, зовя вперед. Ровный голос переводчика, конечно, не мог донести всей убедительности этой взволнованной, смелой и трезвой речи, а опубликована она была уже на другой день после принятого решения.

— А впрочем, вот она, можешь прочесть сам.

И Ирмари вытащил из внутреннего кармана пиджака аккуратно сложенную газету и развернул ее. Ялмар выхватил газету из рук брата. На четвертой полосе было напечатано:

Т о в а р и щ и !

Совсем по-обыкновенному начиналась эта речь. Но дальше каждое слово ее было зерном, в котором уже был скрыт весь урожай. И она была проста.

— Правильно, правильно! — поддакивал Ялмар, читая эту речь.

Русский рабочий протягивает братскую руку помощи финским рабочим.

Речь призывала к немедленному действию...

Эта речь заставляла сильнее биться сердца.

Она несла уверенность в победе и была до последней запятой понятной всем. Только надо действовать... И немедленно.

Эту речь надо было расклеить на стенах всех домов, ее надо было прочесть на всех собраниях и во всех красногвардейских отрядах, и тогда, вместо прекращения забастовки, все пошли бы, сжимая зубы, в бой. И если нет винтовок — так пукк¹⁴ ведь вдосталь.

Речь кончалась так:

«Товарищи! До нас дошли сведения, что ваша страна переживает такой же кризис власти, как и Россия накануне Октябрьской революции. До нас дошли сведения, что вас также пугают голодом, саботажем и пр. Позвольте вам заявить на основании опыта, вынесенного из практики революционного движения в России, что все эти опасности, если они даже реальны, отнюдь не непреодолимы. Их, эти опасности, можно преодолеть, если действовать решительно и без колебаний. В атмосфере войны и разрухи, в атмосфере разгорающегося революционного движения на Западе и нарастающих побед рабочей революции в России — нет таких опасностей и затруднений, которые могли бы устоять против вашего натиска. В такой атмосфере может удержаться и победить только одна власть — власть социа-

листическая. В такой атмосфере пригодна лишь одна тактика, тактика Дантона: смелость, смелость, еще раз смелость!

И если вам понадобится наша помощь, мы дадим вам ее, братски протягивая вам руку.

В этом вы можете быть уверены!»¹⁵

— И вы не послушались этого совета! — с горечью сказал Ялмар брату, вставая из-за стола.

— Ну, мы оратора встретили великолепно. Даже стоя аплодировали.

— Идем домой! — сухо сказал Ялмар. — Мама очень ждет тебя.

— Перевод этой речи в газете появился уже после того, как было принято решение, — сказал Ирмари.

Ему было почему-то неловко перед братом.

— Идем. Я уже успел соскучиться по маме и сестренкам.

Они шли молча, недовольные друг другом.

— А что такое меньшевики и большевики? — спросил неожиданно Ялмар.

— И те, и другие социал-демократы, — ответил Ирмари.

Уже темнело, и на улицах зажигались фонари. Они тускло мерцали в опустившемся на город тумане.

— А какая между ними разница?

— Ну, это чисто русские внутренние дела, — сказал успокоительно Ирмари. В теории он чувствовал себя гораздо увереннее, чем в практике, — ведь он был еще и партийным пропагандистом. — Большевики — это вроде наших силтасаривцев.

Сам он всегда голосовал с силтасаривцами, Ялмар это знал.

Силтасаривцы издавна пользовались его симпатиями. Но здесь было что-то не так.

Так они шли дальше по улицам родного города, и, уже подходя к дому, Ялмар, вслух отвечая на свои мысли, сказал:

— А лошадей я все-таки не отдам!

XI. ЯЛМАР ОТДАЕТ ЛОШАДЕЙ

Он не мог долго сидеть дома — нужно было идти проведать коня. Все его красногвардейцы жили дома и разобрали своих лошадей. Только на учение они приезжали верхом. Ездить верхом учились по три часа в день.

Комитет требовал все время, чтобы лошадей возвратили хозяевам, и не давал денег на фураж.

— А все-таки я лошадей не отдам! — упрямо повторял Ялмар.

Почти все свои сбережения он пустил на покупку сена для лошадей — все же послезавтра фураж кончался. И нужно было подумать, как быть дальше.

Утром Ялмар еще протирает глаза, сидя в кальсонах на кровати, когда мать принесла ему газету:

— Смотри, что про тебя тут пишут!

В газете было написано о том, что бандит Ялмар не желает подчиниться властям и попрежнему не отдает лошадей владельцам.

Это было еще ничего. Но один абзац поразил Ялмара в самое сердце.

«Лошади, безнаказанно украденные безответственными людьми, находятся в самом плачевном состоянии: они частью опоены, частью покрыты паршой. Не избежал этой участи и кровный жеребец Араб, на котором ездил главарь этих разрушителей закона».

— Я испортил Араба! Эти сволочи не понимают, что говорят.

Он быстро вскочил с постели. На кровати остался мирно похрапывать Ирмари. Они спали вместе, как в детстве. Ялмар торопливо оделся и положил в карман маузер

— Сынок, — сказала ему мать, — будь добр и прощай врагам нашим зло.

— Ну уж нет, мама, этого не прощу, — чтобы так клеветали! Будто я испортил Араба!

Брат спал, приоткрыв рот, как в детстве, и было странно, что на щеках у него такая густая щетина.

Ялмар, не попрощавшись с матерью, выскочил на улицу. Когда он прошел квартал, ему стало неловко. Почему он не попрощался со старухой ласково? Потом он пошел в обратную сторону. Он раздумал итти объясняться в редакцию. Ему уже больше не хотелось пристрелить автора заметки: он думал другое. Он решительно зашагал к Рабочему дому.

— Ты видел, как врут на меня, Айроксинен? — спросил он у старика.

— Бедняжка, взволновался! Хорошо еще, что не сообщили, что ты изнасиловал свою бабушку. И для них ведь свобода печати. Судись! — И Айроксинен печально добавил: — Всело живем!

— Так лошадей сдавать? — спросил Ялмар.

— Придется... Настанет время, снова возьмем. — Пусть они пока подкормят и подлечат их, — сказал Айроксинен.

— Так и ты, значит, веришь, что Араб заболел!

Ялмар не находил слов, но старик слегка потрепал его по плечу:

— Все в порядке, милый!

Он немного успокоился, подошел к телефону и позвонил:

— Позовите барона... Говорит Ялмар. Знаете?..

Я решил вернуть вам лошадь, но лишь в том случае, если вы сами приедете принимать ее.

Барон отвечал в трубку тихо и невнятно, и лишь после переспросов можно было разобратъ:

— Отдайте на конюшню. Там есть мой человек: он примет лошадь.

— Нет, не выйдет, приезжайте сами к Рабочему дому.

Барону пришлось согласиться.

Ялмар весело подмигнул Айроксинену.

Через десять минут он уже гарцовал на своем Арабе перед окнами Рабочего дома. Все находившиеся в доме люди столпились у окон и любовались конем и всадником. Он умело горячил коня. Ставил его на дыбы и сразу же успокаивал и поглаживал по шее. Через несколько минут показалась пролетка.

Барон Вреде, грузный человек, вежливо снял шапку и поздоровался со всадником.

— Я вас знаю, — так же любезно сказал он. — Вы меня возили на машине вашего хозяина в Петрограде в прошлом году весь день.

— Очень возможно, — сказал Ялмар. — Едемте к конюшням, — и поскакал на Арабе рядом с пролеткой.

В конюшне он попросил вызвать ветеринара.

— Будьте добры, освидетельствуйте жеребца и выдайте удостоверение, — сказал он ветеринару.

Араб был здоров и бодр.

— Ну, прощай, старина! — потрепал его Ялмар по гриве. — Мы еще с тобой свидимся! — И, повернувшись, он пошел из конюшен.

— Послушайте, молодой человек, — вдогонку сказал ему барон. — Удостоверение удостоверением, но я могу вам оплатить ваши расходы

на прокорм лошади и, кроме того, несколько марок за то, что вы привели Араба в форму.

Ялмар не ответил. Он шел к дежурному по отряду — все красногвардейцы отряда должны были сдать под расписки ветеринара своих лошадей. Конного учения сегодня не будет.

С неба сыпался мелкий, острый снежок. Первый снег этого года. Навстречу Ялмару шел коренастый матрос Балтийского флота.

Матрос подошел к нему и протянул свою широкую волосатую руку.

— Здорово ты джигитуешь! — сказал он ему по-дружески. — Будем знакомы: матрос Балтийского флота. Тетерь, комендор, у пушек стою... Понимаешь?.. Как вас зовут, милая нэйти? — скороговоркой произнес он уже по-фински.

— Меня зовут Ялмар.

— Ну, вот товарищ Ялмар, куда ты подевал свое четвероногое?

У Ялмара нехватало русских слов, чтобы объяснить, что он сделал с Арабом. Но матрос, видимо, понял и эту ломаную речь и ответил:

— А мы, большевики, никогда никому ничего не отдадим назад. Хрен они с нас возьмут!

Эго, значит, был большевик.

Дальше они шли, громко разговаривая, вместе по улице. И было удивительно, как они понимали друг друга.

— Так ты говоришь, что они даже стрелять у тебя ни разу не учились? — удивлялся матрос и громко при этом смеялся, показывая широкий строй зубов; на щеках и на лбу у него были рассеяны нечастые рябинки.

— Думаешь, это само приходит, — вот чудак! Знаешь что, я буду учить твоих ребят стрелко-

вой науке, баллистике, траекториям, углам вылета, но смотри, чтобы у меня не дергать курка и не заваливать мушки!

Ялмару было приятно итти и разговаривать с этим веселым, боевым русским матросом. И когда они, сговорившись о завтрашней встрече, расстались, и Тетерь на прощанье прокричал по-фински: «Как вас зовут, милая нэйти?» — Ялмар даже сам повеселел. А дома отнял у самой младшей сестренки тетрадь для рисования и стал чертить на ней круги мишеней.

Сестренка стояла рядом и с важностью обмакивала тонкую кисточку в чернила.

Вечером пришел брат и сказал, что ему поручено редактировать городскую социал-демократическую газету, но все же через день он выезжает снова на сессию сейма в Гельсингфорс.

А еще позже пришел с работы отец. От него несло спиртом, но на этот раз он не буянил, а свалился на пол, как мешок, и заснул.

Сестры Ялмара и мать уложили его на постель, но раздевать не стали.

XII. ЗАПISКА В ПЕТРОПАВЛОВСКУЮ КРЕПОСТЬ

Через несколько дней сейм отверг списки правительства, предложенные на рабочих митингах.

Сейм назначил председателем правительства Свинхувуда.

Правительство Свинхувуда помогало организовывать из шюцкоровских отрядов белую гвардию, вооружать ее. Из-за границы, тайно поступали десятки тысяч винтовок, сотни пулеметов, гаубицы и полевые пушки.

Правительство заставляло голодать население южной, промышленной части страны, сосредоточивало на малолюдном кулацком севере огромные запасы продовольствия. В городе Ваза, в окрестных селениях и в общине Лапуа скопилось много необычного люда, и на адреса северных станций приходили странные грузы.

Ожидалось прибытие из-за рубежа двадцать седьмого егерского батальона, укомплектованного целиком из финнов, прошедших военное обучение. Генерал Маннергейм ¹⁶ выехал на север.

Цены на продовольствие все росли и росли... Продуктов становилось меньше, очередей — больше. Предприниматели в ответ на введение восьмичасового рабочего дня стали сокращать производство и закрывать цеха.

Отец Ялмара стал безработным.

Айно вновь все вечера проводила в красногвардейском отряде — она с подругами шила патронташи, училась делать перевязки, подметала и мыла полы в помещении штаба. Она не высыпалась, и потом, когда разносила в кафе подносы и наливала кофе, у нее дрожали руки.

Мать Ялмара ходила на какие-то сектантские собрания.

Ирмари почти не являлся домой — все время просиживал в редакции. Он писал статьи по всем вопросам, порою верстал номера, порою правил корректуры, черкал рукописи и всегда был небрит и деятелен, но сумрачен.

Айроксинена можно было увидеть теперь не только в правлении профессиональных союзов. По воскресным дням он шагал за город, где около сосновой опушки обучались красногвардейцы строю.

Там можно было увидеть и Тетеря, и Ялмара,

который переводил приказания матроса на финский язык.

Ивар реже бывал среди красногвардейцев: он сейчас деятельно готовился к чемпионату французской борьбы.

Назревали события, а у красногвардейцев не было оружия.

Сговорившись с несколькими ребятами из городского штаба, Ялмар поехал в Петроград, чтобы закупить оружие.

Язык он знал плохо, неизвестно было, куда обращаться, и ему удалось купить только двадцать револьверов.

Он встретил там Али Алтонена, посланного из Гельсингфорса по тому же делу.

Алтонен возмущал Ялмара: он сидел в гостинице, неведомыми путями доставал спирт, был все время пьян и доказывал, что оружия ни достать, ни купить невозможно.

В Гельсингфорсе на него очень надеялись. Это был офицер еще старой финской армии, социал-демократ, и в центральном правлении партии даже подумывали о том, чтобы поставить его во главе Красной гвардии. В Петрограде же он смотрел на мелкий падающий снег, возмущался грязью города и пропивал общественные деньги.

А из Гельсингфорса почти ежедневно запрашивали, требовали, просили, умоляли: «Оружия! Оружия!»

Известно было, что белые готовят удар.

Ялмару было противно смотреть на Алтонена.

Закупив десятка два револьверов, он поехал домой.

Поезда были переполнены сверх меры и шли не по расписанию, ломая все графики.

Когда поезд часами стоял на какой-нибудь захудалой станции, окруженной тихими сосновыми лесами, погруженной в нетронутые снега, Ялмару хотелось выйти из вагона, стать на лыжи и побежать домой. Так, казалось ему, он добежит скорее к своим ребятам...

Но поезд все же трогался с места, и снова через замерзшие стекла окон видно было, как бегут в обратную сторону телеграфные столбы и провисают заснеженные провода.

В станционных буфетах трудно было удержать в руках стакан горячего чая. Но чай подавали без сахара и хлеба.

Ялмар не мог заснуть: он стерег все время свой кожаный потертый чемодан, нагруженный драгоценным оружием.

Даже в уборную он ходил с этим чемоданом...

— Муку везу детям домой, — ответил он соседу на недоуменный вопрос.

Через два дня Ялмар был у себя в городе. Снова у вокзала — высокие дома с розовой гранитной облицовкой. Снова — прямые чистые улицы...

Снова уже привычные и все же попрежнему волнующие разговоры.

На вокзале он услышал, как какой-то горбун, собрав около себя с десяток рабочих, горячо убеждал их:

— Нет, ничего еще не проиграно, ребята! Выходить из партии потому, что там такие типы, как Коски или другие трусы, не следует. Подумайте: может быть, лучше вышибить их из партии, а самим остаться?

— Дело говорит! — восхищенно сказал один из слушавших.

— Да, все слова из горба идут — вот и много их! — ответил горбун, и все засмеялись.

Горбун был еще совсем молод, говорил он весело — и даже глаза у него казались веселыми. Несмотря на свой физический недостаток, он сразу располагал к себе, и голос у него был по-девичьему звонок.

«А он прав, — подумал Ялмар. — И на нашей улице будет праздник! А Ирмари я объясню, что большевики — это против полиции и хозяев, а меньшевики — за хозяев и полицию. И это не только русские дела...»

Дома никого не было, и Ялмар отправился поговорить с братом в редакцию.

Брат был в типографии, весь испачканный свежей типографской краской, небритый, с небрежно повязанным на шее шарфом, правил корректуру и, кашляя, диктовал:

«Рабочий производит плуг за пятьдесят марок. Крестьянин покупает этот плуг за сто.

Между рабочим и крестьянином стоит хозяин, торговец, и они кладут себе в карман пятьдесят марок. Убрать с дороги этих паразитов — одинаково выгодно и рабочему и крестьянину».

— Ну, как дела? Ты прямо сюда, ко мне, в «Смольный» не заходил?

— Нет еще!

«Смольным» в городе всеми теперь назывался штаб Красной гвардии.

Так, впрочем, было и в Гельсингфорсе, и в других городах.

А в этот самый час у подъезда настоящего Смольного в Петрограде, поеживаясь от пронизывающего холода, стояли два человека. Один из них был высок и походил на пополневшего Дон Кихота в фетровой шляпе, он быстро говорил, размахивая руками, другой же был мрачен, круглолиц и походил на слегка похудевшего Санчо Пансо.

Оба они спорили с красногвардейцем, дежурившим у дверей... У них не было пропуска, и красногвардеец не хотел их пропускать. К тому же на одном из них — фетровая шляпа.

Люди входили в Смольный и выходили оттуда сплошным потоком. Много было моряков Балтийского флота. Они шли попеременно с солдатами и штатскими, обвешанными оружием. Там и тут мелькали люди в солдатских шинелях — большинство с оторванными хлястиками, без ремней... Были и просто штатские люди — рабочие делегаты питерских предприятий...

Человек в фетровой шляпе снова попытался войти, и снова его остановил часовой... Проходящие с пропусками деловито оттирали его.

— Разве тебе недостаточно, товарищ, — вдруг внушительно сказал низенький, — что мы идем к товарищу Ленину.

И этого было достаточно, чтобы их пропустили. Подымаясь по лестнице, низенький укорял своего приятеля, точно тот был виноват.

— Это чорт знает, что такое, — ворчал он, — так безо всякого пропускают к Ленину... Ну, хорошо, что мы свои люди. — Ну, а вдруг я был бы замаскированным юнкером?..

Но со своими подстриженными седоватыми усами, сеткой морщинок у глаз и грубыми руками он так мало походил на юнкера, что в ответ на его ворчание приятель только деловито улыбался.

С улицы, с мороза, даже в длинных сводчатых гулких коридорах Смольного казалось очень тепло.

Из комнаты Ленина выходила какая-то рабочая делегация... Люди шли, торжествуя, и, не смотря на то, что они были чем-то озабочены, лица у них сияли.

Часовой красногвардеец сидел на стуле у двери комнаты Ленина и внимательно изучал затвор своей винтовки.

— Товарищ, мы пройдем к Ленину, — сказал низенький и провел рукой по усам.

— Ладно! — отозвался красногвардеец, не отрывая глаз от затвора.

Ленин сидел за столом спиной к окну, покрытому тонкой изморозью. Он что-то записывал в блокноте. Увидев вошедших, он радушно встал со стула и пошел навстречу.

— Мы — от правления финляндской Красной гвардии, — сказал, стараясь произнести отчетливее каждое слово, низенький.

— Ну, садитесь, садитесь, товарищи... Что скажете? Какие новости? Как хорошо, что зашли, — говорил Ленин, переводя дружелюбный взгляд с одного на другого.

Он всегда умел быть сразу и веселым, и сосредоточенным.

— Да ведь я вас знаю, здравствуйте! — сказал вдруг Ильич, протягивая руку человеку в фетровой шляпе.

Тот стоял немного смущенный и растерянный... Так это и есть Ленин! Тот самый русский социал-демократ, с которым его познакомили в сентябре в Гельсингфорсе... Он знал, что этого русского преследовали шпионы Керенского, ему нравилось, что этот русский так прекрасно разбирается в финских делах и так прост, и оказывается, это был сам Ленин. Зато второй, не смущаясь, сразу приступил к делу:

— Разговор у нас серьезный!

— Да садитесь вы! — Ленин усадил посетителей на стулья, а сам уселся на краешек стола.

Низенький заметил, как Ленин, вставая навстречу вошедшим, осторожно, словно стесняясь, взял

что-то со стола. Теперь, когда Ильич его радушно усаживал, он увидел, что это было... Из кармана потертого пиджака торчала корка черного хлеба. На столе, около листков исписанной бумаги, он увидел ржаные крошки.

— Ну, так вот, у Красной гвардии Финляндии нет оружия!

— Как было бы отлично, если б они, наконец, решились выступить, — словно про себя пробормотал Ленин и обратился вслух: — Ну! — торопил он рассказ делегатов.

Низенький неловко развел руками:

— Вот и все, Владимир Ильич. Нехватает оружия... Ну, шюцкоровцы получают оружие от заграничной буржуазии, а нашим неоткуда.

И он снова развел руками и вопросительно поглядел на товарища.

— Да! — подтвердил высокий и положил шляпу на стол; у него пересохли губы.

Ленин сел за стол, обмакнул перо и начал писать на листке блок-нота своим размашистым угловатым почерком.

Совсем недавно он отправил письмо финским левым. Наконец-то и там начинают по-настоящему действовать. Нельзя терять ни одной минуты.

— Сколько вам нужно винтовок? — деловито спросил он, продолжая писать.

— Ну, тысяч десять, — нерешительно произнес низенький и провел ладонью по усам.

Ему казалось, что запросил он слишком много, чтобы можно было выполнить эту просьбу...

— А может быть, надо двенадцать тысяч? — весело переспросил Ильич, метнув взгляд на низенького: тому даже стало жарко...

— Ну, конечно, надо двенадцать, — торопли-

во подхватил высокий; от радости он даже встал со стула.

— Ну да, двенадцать,—повторил его товарищ.— Не забудьте приписать про пулеметы,— добавил он и увидел, как Ленин подчеркнул двумя черточками цифру «двадцать пять».

— Ну, а пушки? — тихо, словно раздумывая про себя, сказал Ленин.

— Пишите пять штук, — уже чуть ли не тоном команды сказал низенький.

Обойдя стол, он стал через плечо смотреть, как из-под пера выходят слова: «Ульянов (Ленин)».

Печати не требовалось.

Записка была адресована в Петропавловскую крепость, которая в те горячие дни служила арсеналом.

Низенький быстро взял бумажку со стола и, не приложив пресспапье, стал размахивать ею в воздухе.

— Спасибо!

— Спасибо, товарищ Ленин!

А Ленин был серьезен, и лишь в прищуре глаза виднелась смешинка.

— Если что-нибудь будет надо, — заходите попросту! Сообщайте обо всем.

Они уже выходили. Закрывая за собой дверь, седоусый заглянул на прощанье в кабинет.

Человек — лучше которого на свете не было — уже склонился над столом и что-то набрасывал на листках...

Дорога была скользкая. Дворники не скалывали лед с тротуаров. По обеим сторонам мостовых высились огромные сугробы — такие, что иногда с одного тротуара не видно было людей на другом. Мороз пощипывал нос и уши, снег скрипел под ногами, и все-таки приятелям было тепло.

От Смольного до Петропавловской крепости они словно летели: еще бы, теперь у финской Красной гвардии было оружие!.. Только бы не опоздать!

Из крепости на санях-розвальнях двое суток возили патроны, винтовки и пулеметы на Финляндский вокзал.

Царские комнаты вокзала больше чем на неделю стали складами оружия.

Через много лет, когда волосы у высокого уже поседели, он снова прочитал слова Ленина, сказанные на седьмом съезде партии: «Мы помогли нашим финским товарищам, — я не скажу, сколько, они сами это знают», — и вспомнил этот путь на розвальнях от Петропавловской крепости по улице Деревенской бедноты через Сампсониевский мост и дальше, к Финляндскому вокзалу. И он снова увидел эти сани, доотказа нагруженные винтовками.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

1. МАТЬ БУДИТ СЫНОВЕЙ

Уже несколько вечеров подряд сын и отец, укладываясь вечером спать, просили мать, если ночью услышит она тревожные гудки бумажной фабрики, не медля разбудить их.

Они, набегавшись и наработавшись за день, спали очень крепко, без снов, а у матери всегда, как бы она ни уставала, сон был чутким и просыпалась она в заказанное время.

В эту ночь правительство Свинхувуда предъявило рабочим организациям ультиматум: немедленно распустить Красную гвардию, и само бежало на север, в Вазу.

В эту ночь на башне Рабочего дома в Гельсингфорсе зажегся красным светом огромный фонарь — сигнал к началу революции ¹⁷.

В эту ночь из Петрограда вышел поезд, на ко-

тором везли оружие, полученное от Ленина для финской Красной гвардии. Отряды шюцкора, прослышав об этом поезде, вышли навстречу к станции Кеммере, и в то время, как выстроившиеся на перронах Выборгского вокзала красногвардейцы восторженно готовились встретить долгожданный и неоценимый подарок русских братьев, белые вышли из засады и в бою хотели захватить поезд с оружием.

Неумелые еще бойцы, сопровождавшие драгоценный груз, впервые попали под обстрел.

Они стали отбиваться и отбились.

Поезд с оружием пошел дальше.

Его встречали на станциях отряды в строю, державшие на плечах вместо ружей палки. Просили двести винтовок, получали пятьдесят.

Палки бросали тут же в снег, ружья брали на плечо, и радостные красногвардейцы уходили на сборные пункты, а поезд (а за ним и второй) шел дальше и дальше, неся и раздавая свой драгоценный груз. Правда, на местах не у всех были только палки.

Два месяца со дня всеобщей забастовки не прошли напрасно.

В эту прекрасную темную морозную ночь в конце января уже под утро раздались тревожные гудки бумажной фабрики.

Мать услышала гудки, она уже с полчаса не спала и, лежа в темноте, все думала об этих ожидаемых гудках и о том, что будут делать муж и сыновья, когда, наконец, раздадутся гудки; ведь они на бумажной фабрике не работали.

В последние дни они были так заняты, что ни о чем не успевали ей рассказать.

А в молодости муж ей много рассказывал интересных историй. Он был такой занятый рассказ-

чик, что трудно было не заслушаться, и песни он певал лучше всех в городке. Может быть, эти песни и вскружили ей голову, может быть, за них она и полюбила этого человека, такого измученного и угрюмого теперь.

Какую же песню он чаще всего распевал?

Мать, улыбаясь сама себе, стала припоминать эту старую песню — таких теперь не поют, — и в эту минуту раздались тревожные гудки.

Мать прислушалась.

Кто-то шел по тротуару, и слышно было, как поскрипывает снег. Она встала и босиком подошла к окну, чтобы посмотреть, что творится на улице.

На стеклах окон мороз расписал ледяные листья, и ничего нельзя было разглядеть.

Она снова прислушалась и услышала ровное, мерное дыхание пяти ее самых близких людей. В этом общем звуке она различала похрапывание мужа, сладкое посапывание младшей дочурки и спокойное дыхание самого здорового из всех — Ялмара.

Снова раздались гудки. И тогда она вдруг со всей силой почувствовала, что эти гудки сейчас отнимут от нее и, может быть, уже навсегда то, чем она жила, всю радость ее жизни, любимых сыновей и дорогого (сколько было вместе прожито, сколько воспоминаний, понятных и близких только им двум) мужа.

У нее занялось дыхание, и тогда, осторожно ступая по холодному полу босыми ногами, быстро надев заплатанную юбку, она подошла к постели, на которой спали сыновья.

Ялмар проснулся от капли, упавшей на лоб. Вторая горячая капля...

Ялмар быстрым движением поднялся и сел на кровати, спустив босые ноги на пол. Он шарил

ногами, отыскивая ботинки, потом толкнул локтем в бок брата и радостно произнес:

— Ирмари, слышал гудки? Наконец-то, начинается настоящее дело!

Ирмари стал одеваться. А мать подошла к мужу.

Он уже тоже не спал и ворочался, скинув на пол одеяло. Одни девочки спали как ни в чем не бывало, как будто то необычайное, что происходило в комнате, в городе и в стране, в мире, их все не касалось.

Мать постояла посреди комнаты, потом пошла в общую кухню, чтобы на прощанье хоть угостить их вкусным кофе. Но когда она вернулась, держа в руках горячий медный кофейник, сыновья и муж уже ушли из дома.

«В морозную ночь — совсем натошак!» — с сокрушением подумала мать.

Она налила себе чашку кофе и уселась за стол.

Когда через час проснулись дочери, они увидели, что мать сидит за столом перед нетронутой чашкой холодного кофе...

— Тоже, не могла себе подогреть, — проворчала старшая и, взяв со стола полный кофейник, пошла на кухню.

II. ЧЕМПИОН ФРАНЦУЗСКОЙ БОРЬБЫ

Почти все красногвардейцы того отряда, где выбрали командиром Ивара, были уже на месте сбора, а Ивара все еще не было.

— Я думаю, он сегодня и не придет, а через день уже чемпионом мира к нам явится, — сказал рослый, широкоплечий красногвардеец с двустволкой за плечами.

— Чемпион-командир это, конечно, лестно, —

подтвердил собеседник, — но если сегодня тревога и боевой сбор, а он на это плюет, то и мы на него наплюем.

— Борец, борец, силач! — недовольно сказал первый. — Что за польза от молока коровы, если она опрокидывает его наземь!

— Подождем его с полчаса, а затем выберем другого.

Это утро, когда он услышал резкие и частые гудки тревоги, наступило для Ивара слишком рано.

Он все время надеялся, что пройдут без тревоги еще два-три дня, и тогда было бы все абсолютно в порядке, и ему не пришлось бы так мучительно раздумывать, что же делать сегодня и куда идти?!

Всю неделю в городе, несмотря на тревожное время, разыгрывался, назначенный еще в начале года, международный чемпионат французской борьбы.

Двойные нельсоны, все эти тур де бра и тур де теты и передние мосты — больше захватывали внимание Ивара, чем международная обстановка и другие политические вопросы. Тем более, что всех своих противников он уже положил на обе лопатки и, пройдя полуфиналы, совсем легко дошел до самого финала. Сегодня в календаре чемпионата была решительная схватка двух борцов, оспаривавших первенство мира.

Местные газеты — и не только та, которую редактировал Ирмари, — решительно утверждали, что по количеству очков и качеству побед вопрос уже решен.

Газеты называли имя человека.

Имя это — Ивар.

Сегодня в полдень он должен был стать чемпионом мира. Получить долгожданный диплом.

И вот сегодня утром, в тот самый день, на который назначена финальная встреча, и Ивар думал о ней с подъемом и знал, что победит наверняка, надо же раздаться этим тревожным гудкам.

Конечно, если бы он не был избранным командиром отряда, все решалось бы легче. Ну, пришел бы сегодня вечером в отряд и все объяснил командиру — тот бы все понял, но... но теперь он командир!

Если он не придет, все подумают, что в решительную минуту он сдрейфил. А потом сколько раз сам он твердил о том, что активисты должны подавать пример... Нет, не итти нельзя!

А с другой стороны, звание чемпиона мира тоже на улице не валяется. Сколько лет он втайне мечтал об этом, как готовился! Раздумывая таким образом, он медленно шагал по тротуару в это зимнее утро, и пар дыхания оседал изморозью на ворсе яркозеленого шарфа.

Ивар шел, не думая о том, куда идет, куда несут его ноги, и когда он в раздумьи поднял свои глаза, то увидел, что, сам того не ведая, он уже решил.

Он стоял перед дверью пивной — место сбора своего отряда. Да, переизбирать командира не пришлось, Ивар пришел на сборный пункт; зеленый его шейный шарф служил как бы опознавательным флажком этой роты, которая среди других славилась своим спортивным видом и выдержкой. Ивар хотел сказать ребятам, чтобы они выбрали ему заместителя-помощника и что он днем, на часок-другой, уйдет из отряда покончить с некоторыми личными делами.

Он распахнул дверь, спустился по двум ступенькам в чадное помещение, и его тут же обступили, затормошили товарищи так, что даже мысли о чемпионате куда-то отошли.

— В соседнем отряде получили тридцать винтовок, а в нашем — восемнадцать, — сказали ему.

Надо было подумать об оружии.

Потом, стараясь развязностью скрыть свое смущение, перед Иваром встал парнишка, бело-брысый, веснучатый, круглолицый. На вид от силы ему можно было дать пятнадцать лет, и то наверно потому, что он напялил на голову котелок.

Это он сделал для солидности.

— Меня зовут Ганнес! — радостно сказал он, как будто имя это было чем-нибудь знаменито и все его должны были знать, — меня зовут Ганнес, и я хочу быть в твоём отряде, Ивар.

— Сколько тебе лет?

— Это не касается военного дела, — сказал парнишка и покраснел, — а я больше достоин носить оружие, чем многие красногвардейцы из твоего отряда.

— Это почему?

— Они, видишь, скулят об оружии, а я сам достал себе винтовку и двести патронов.

— Где они?

— Если примешь в отряд, принесу.

— Откуда достал?

— Обменял у русского солдата на пару сапог и часы.

— Можешь приносить винтовку в отряд, — разрешил Ивар.

Этот парнишка ему чем-то нравился, хотя и смешны были его напускная развязность и котелок, напозавший на уши.

Другого паренька, хотя за того и ходатайствовал отец-красногвардеец, в отряд он не взял.

— Молод еще.

Это был тот самый паренек, который во время

забастовки забивал досками окна работавших мастерских.

— Да ведь я в одном классе с Ганнесом учился, — вырвалось у парнишки, но Ганнес, стоявший уже в дверях, оглянулся и так посмотрел на своего однокашника, что этот сразу притих.

В эту минуту на улице раздались какие-то непонятные крики, гиканье, цоканье, и все бросились к окнам.

В подвальные окна видны были копыта мчащихся по улицам лошадей.

Ганнес успел уже выбежать на улицу.

С гиканьем и криком скакали на разномастных лошадях в самых разнообразных седлах и даже без седел красногвардейцы. Летели лавой, не соблюдая строя, разными аллюрами. А впереди других, широко поставив ноги на сиденья двух лошадей, балансируя так, что со стороны казалось, что ему ничего не стоит сразу стоять на двух мчащихся лошадях, выпрямившись во весь рост, мчался Ялмар.

Это был кавалерийский красногвардейский отряд Ялмара.

Ганнес это знал, пожалуй, лучше, чем кто-нибудь другой из окружавших, потому что только сегодня Ялмар отказался принять его в свой отряд.

И теперь Ганнес, обрадованный решением Ивара, все же с легкой завистью смотрел вслед скачущим по мостовой красногвардейцам.

Большинство из них держалось в седлах еще неуверенно, неумело. У одного нога выскочила из стремени, и он все время на ходу пытался снова поскоком зацепить стремя и не попадал.

Всадники мчались за Ялмаром к «Смольному».

Они гикали и шумели больше, чем полагалось. Всех их переполняло ощущение того, что улицы

наши, совсем наши, нет на них враждебной полиции, и даже уличное движение можно регулировать не так, как заведено от века, а так, как надо Красной гвардии и рабочим.

И это новое и радостное сознание того, что город, еще вчера бывший во многом чужим, сегодня целиком уже навсегда их, переполняло красногвардейцев. Улицы казались шире, чем всегда, дома наряднее и выше, погода лучше.

Ялмар соскочил с коня, оглянулся, — все всадники были здесь, ни одного на этот раз не сбросила лошадь, — и побежал по ступенькам в революционный комитет.

— Айроксинен! Айроксинен!

Он торжествовал свою правоту и все же был бы рад, если бы предсказание его не исполнилось.

— Что я говорил, Айроксинен? Тех хороших ноябрьских лошадей уже нет! Своего Араба барон Вреде переправил в Вазу — на север! Осталась разная шваль. Да пришлось еще у извозчиков конфисковать лучших!

— Извозчицких необходимо возвратить, — вставил подошедший Коски, ероша и без того взъерошенные волосы.

— Ну, уж на этот раз я не послушаюсь, — спокойно сказал Ялмар, и Коски понял — спорить напрасно.

— Получено воззвание из Гельсингфорса, — сказал Айроксинен: — Революция началась во имя демократии и всеобщего блага. Центральное правление партии, чувствуя, что после ноября доверие к нему среди рабочих пошатнулось...

— Что правда, то правда, — вставил какой-то красногвардеец, но Коски посмотрел так гневно, что он смутился.

— «... создало исполнительный комитет, куда

вошли, кроме партийного руководства, профсоюзники и кооператоры. А комитет выделил Совет народных уполномоченных». Одним словом, Революционный совет. Вот воззвание... Я его сейчас передал Ирмари... Сегодня будет в газете...

Ялмар и все собравшиеся читали вслух воззвание Исполнительного комитета финляндских рабочих.

Они волновались.

Вот те слова, которых так долго ждали и почти все время повторяли на митингах и собраниях и которые все же в этот час снова казались откровением.

«Час великой революции пробыл для финляндского рабочего класса!»

Во всех городах южной и центральной Финляндии революция уже победила.

Власть в Гельсингфорсе и других крупных городах уже принадлежит рабочему классу.

На севере в отдельных городах еще идут вооруженные схватки.

В других местах, где у власти лахтари, объявлена всеобщая забастовка...

«Речь идет не о назначении только новых людей вместо прежних, а о свержении всей бюрократической системы».

Потом шли призывы ко всем трудящимся в городе и деревне.

Призыв к дисциплине и к доверию и —

«никаких переговоров с вооруженными коварными врагами!»

Манифест кончался так:

«Мы твердо убеждены в том, что наш трудовой народ как нынешнее, так и грядущее поколение будет еще много раз благословлять эту революцию, которая положит начало новому, более счастливому времени для Финляндии».

И подпись — председателя Ээро Хаапайлайнен.

Этого товарища знали.

Правда, Коски хотелось бы на этом месте видеть соглашателя Токоя и Турккия, но и тот и другой входили в состав Совета народных уполномоченных. Там были Сирола, Куусинен и другие всем известные люди.

...Ялмар еще в Америке привык к тому, что слова Сирола всегда правдивы и правильны. Он любил и уважал этого энергичного, живого, умного и принципиального человека, ставшего теперь уполномоченным по иностранным делам.

Весь год он прислушивался к каждому слову вождя социал-демократов силтасаривцев, Куусинена, редактора центральной газеты, оратора сейма, изумительной силы журналиста.

То, что Куусинен — только народный уполномоченный по просвещению, несколько обидело Айроксинена.

Поблескивая очками, он сказал:

— Вот это действительно наш человек, хотя он и магистр философии, но сын прачки и портного, это, во-первых; а во-вторых, в Красной гвардии в 1906 году он был начальником одного

отряда. Маленький человек с огромным маузером у пояса, совсем еще молодой, он и ходил перед строем, и читал свои революционные стихи. Я рабочий человек, много видал — и стихам не особенно доверяю. Песня дело иное... Но это были, я вам говорю, стихи, не хуже, чем у Рунеберга¹⁸. А потом, когда мы уже сидели в казематах, после свеаборгского восстания, был партийный съезд. О, я помню наизусть, что сказал он тогда, когда сенат распустил нашу Красную гвардию.

И Айроксинен громко, как стихи, прочитал на память:

— «Я предложил бы ответить сенату, распустившему Красную гвардию, следующим единогласным решением: «С сего времени каждый из нас красногвардеец...»

— Я могу тебе по секрету сказать, дружище, — подмигнул он Ялмару, — что эти слова здорово нас подогревали в холодных камерах. Вот что за человек Куусинен!

— Так он еще и заместитель председателя Совета уполномоченных, — утешил Ялмар старика.

— Правда! Как же я это пропустил, — улыбнулся Айроксинен.

Да, таким людям можно было верить.

— Они уж революцию двинут по-настоящему, — сказал красногвардеец.

— Революция делается сама, ее нельзя ускорить или замедлить, это не научный взгляд на вещи, — вступил в разговор Коски.

— Тоже ученый, — рассердился уже красногвардеец. — Ты такой же рабочий, как и я, а науки у нас разные. По одной можно, по другой нельзя.

Ялмар чувствовал, что красногвардеец прав.

Но Коски повторял то, что все время твердили социалистические газеты... А в России? Но так и не пришлось разрешить этого теоретического спора, потому что Коски сам указал на окно: «Смотри! Смотри!» — и в возгласе его слышалось восхищение.

По улице шел грузовик.

На крыльях лежали, устремив вперед винтовки, красногвардейцы. Над кузовом высоко развевалось красное знамя, и весь грузовик щетинился штыками, а переполнявшие его люди громко горланили баррикадный марш.

Это было чудесно! Ялмару сразу вспомнилась его машина в Петрограде в февральские дни — она была совсем такой же.

— Да здравствует революция! — кричали с грузовика, приветствуя здание, где находился местный революционный комитет, кричали и стреляли в воздух.

У задней стенки автомобиля Ялмар заметил своего отца.

Коски, сорвав с головы фуражку, с восторгом махал ею проезжавшим. Ялмар увидел, как, испугавшись звуков клаксона, его лошади встали на дыбы. Он бросился вниз...

Неизвестно откуда взявшийся русский матрос Тетерь помогал красногвардейцу успокаивать лошадей; протянув руку Ялмару, он сказал:

— В первых строках письма поздравляю товарищей с братской революцией, а во-вторых, прошу распорядиться, чтобы не стреляли зря в воздух. Это к лицу только бельгийскому королю, а не рабочему воину. Большие, что ли, у вас запасы?

А Ивар на грузовике вспомнил о том, что на финальную борьбу уже не пойти. Звание чемпиона откладывается на неопределенное время.

— Все равно мы тебя за чемпиона мира считаем, — успокоил его сосед-красногвардеец, а другой, с бородкой, подтвердил:

— Самое главное — это ведь признание товарищей.

— Что верно, то верно.

Ивар подумал, что официально запротоколированное решение жюри тоже не повредило бы ему. Но не ответил своим собеседникам и, размахивая шарфом, громко закричал:

— Да здравствует Красная гвардия!

III. ЖЕНСКИЙ БАТАЛЬОН СМЕРТИ

Все это произошло оттого, что в казармы были присланы облегченные кавалерийские карабины.

Такие карабины значительно легче и удобнее в обращении, чем тяжелые трехлинейные русские винтовки образца 1891 года.

С карабинов нужно было снять густо облепившее металлические части сало, затем прочистить их, как полагалось, и снова сдать под расписку коменданту.

Это была уже пятая партия оружия, над которой трудились женщины.

Час в день, после тяжелой работы, они все занимались в санитарном кружке, но раненых еще не было. Тогда они принялись за шитье брезентовых патронташей. Стирали белье для красногвардейцев, подметали казармы и мыли полы.

Изо дня в день, после восьми часов работы у рольных машин, у ткацких станков, у дефибров ¹⁹ бумажной фабрики, среди одуряющих испарений целлюлозных цехов приходили они мыть, скоблить до тех пор, пока не заболит поясница,

затоптанные полы холодных казарм, стирать белье до тех пор, пока не потрескается кожа на покрасневших руках, и не ждали за свою работу ни платы, ни внимания, ни даже простой благодарности в приказе!.. Незаметная, беззаветная работа изо дня в день! И все же в казармы на такую работу приходило свыше сотни женщин.

Были среди них еще совсем девочки и такие, у которых на руках уже несколько детей.

Шитье патронташей было самой легкой и приятной их работой.

Правда, Айно больше всего нравилось снимать обильную смазку с новых партий винтовок, разбирать их и чистить. Она узнала, как устроены германская и русская винтовки. Но эти винтовки были тяжеловаты и неуклюжи. И вот когда принесли две сотни кавалерийских карабинов, у нее вспыхнула одна мысль... Этой мыслью, осуществление которой казалось ей пределом возможных мечтаний, в тот вечер она ни с кем не поделилась и не могла заснуть даже в эти три-четыре часа, отведенные на сон.

Утром, когда она в кафе разливала посетителям в чашки кофе, к ней подошла старая экономка и взяла из рук кофейник.

— Так ты испачкаешь все скатерти. Посмотри, как дрожат у тебя руки. У тебя случилось какое-нибудь несчастье. Или же просто больна?

— Я поздно занималась в казармах, — сказала ей уже на кухне Айно: не спорить же было при посетителях!

Когда прошли эти томительные восемь часов работы в кафе, она торопливо сбросила свой передник, сняла с головы наколку и быстро пошла в казарму. Там женщины уже чистили кавалерийские карабины.

Айно взяла карабин и перед занятыми делом подругами легко проделала несколько приемов из числа тех, которые показывал еще на учении красногвардейцев в декабре Айроксинен.

— Ловко ты работаешь, — восхитилась Мария, мать двух ребят, текстильщица, работавшая рядом с ней.

Сегодня был воскресный день — и поэтому работницы с фабрики пришли раньше, чем Айно.

А некоторые трудились здесь даже с утра.

— Девушки, знаете что? Давайте организуем сами боевой отряд Красной гвардии, женский. С этими карабинами мы управимся легко!

— Ну, а вдруг никто не захочет? — усомнилась какая-то женщина, подметавшая комнату.

Однако, когда Айно здесь же для проверки начала пробную запись, эта женщина записалась одною из первых.

Она стояла перед Айно, опираясь на сырую швабру. И диктовала:

— Пиши: Алиса Саволайнен, бумажница, двадцати двух лет...

В отряд записалось сто двадцать семь человек.

Они решили отправить делегацию в революционный рабочий комитет и штаб Красной гвардии, просить разрешения организовать женский батальон смерти.

Никто из них еще ни разу в жизни не выстрелил боевым патроном, но «Ж е н с к и й б а т а л ь о н с м е р т и» — звучало очень красиво, и враги должны были трепетать уже только от одного этого наименования.

В делегацию были избраны Айно, Алиса Саволайнен и для солидности — Мария, мать двух детей.

В революционном комитете просьбу их встретили улыбками. Уже одни эти улыбки было нелегко сносить. А Коски встал во весь свой длинный рост и сказал так громко, что можно было слышать и через три комнаты:

— У них отберут эти винтовки, а оружия у нас и так нехватает!

Это было уже слишком.

Старик Айроксинен ничего не сказал ни за, ни против предложения Айно; при словах Коски он только плотнее уселся в свое кресло; блеснув очками, вырвал листик блокнота и стал что-то писать.

Айно говорила, и голос ее дрожал от обиды, ей было стыдно от мысли, что она возвратится к товаркам не солоно хлебавши.

И в самом деле, может быть, лучше было бы не спрашивать никакого разрешения, а — как предлагала одна из женщин — взять себе самочинно карабины и завтра утром явочным порядком — уже в строю — явиться к ревкому...

Но Айно так не могла делать. Ведь она была член партии... социал-демократка.

— Нет, мы никому не отдадим полученного нами оружия, — сказала она. — А если нет к нам доверия, то пусть для проверки поручат нам хоть гарнизонную и караульную службу.

Коски шагал по кабинету, ничего не отвечая. Потом стал чиркать спичку за спичкой, стараясь зажечь папиросу... Айно хотела ему помочь, но у нее мелькнула мысль, — вдруг Коски подумает, что она подлизывается к нему, чтобы он разрешил организовать женский батальон смерти — и осталась стоять, как стояла.

Тогда Айроксинен поднялся с кресла и протянул ей бумажку.

— Возьми, это ордер на выдачу оружия и обмундирования, — сказал Айроксинен.

Айно чуть не подпрыгнула от радости. Но здесь надо было быть серьезной...

Три подружки сбежали в вестибюль. Айно увидела старого своего приятеля Ялмара. Здесь не надо было сдерживаться, она подскочила к нему и, взяв за талию, закружила его в каком-то непонятном танце... Алиса и Мария, розовые от удовольствия, стояли в дверях и смеялись. Часовой взглянул на них и, тоже довольный, улыбнулся. Ялмар, хотя был высок и строен, но в танце, да еще без музыки, выглядел неуклюжим и смешным.

— В чем дело, Айно? — спросил он, когда девушка, наконец, выпустила его.

— Организуем женский отряд!

— Завербуй тогда и мою сестренку.

— Ладно! — Айно заторопилась вслед за подругами.

Они пошли сначала прямо к складу, где хранилось обмундирование. Хотя был введен уже восьмичасовой рабочий день, в штабе, в ревкоме и даже в кладовых штаба и ревкома работа шла круглые сутки.

Радость не оставляла Айно. Она готова была плясать тут же на тротуаре. Есть оружие! Есть женский батальон!

Так она радовалась и торжествовала, пожалуй, только раз в жизни. Они, двенадцать девушек, работали в позапрошлом году в пансионате. С шести утра до часу ночи. Жили на чердаке, спали на нарах. Не успевали положить голову на подушку, как уже одолевал их крепкий сон без сновидений. И вот старшая экономка, злая старуха, противная карга — а как она была предупредительна и вежлива с постояльцами! —

придумала способ будить их. Брр! до сих пор Айно поеживается, когда вспоминает, как ползет за шиворот по спине струйка холодной воды. Девушки вскакивали со своих постелей, и началась беготня уже на весь долгий, долгий день. Но пойдй пожалуйся! Пятнадцать марок жалования на большой дороге не найдешь! Как ненавидели девушки эту экономку! Она была мелочна, придирчива и подозрительна. Как-то она повздорила с постоянным клиентом — ежегодным посетителем пансионата, и хозяин рассчитал ее.

Это был большой праздник для всех служащих. Экономка уезжала. Дворник вынес и положил на пролетку два чемодана. Старуха взгромоздилась на сиденье пролетки. Тогда вышли за ворота провожающие — весь низший персонал. Они иступленно били в кастрюли, колотили ложками по пустым медным кофейникам и чайникам, барабанили скалками по тазам, стучали ножами, звенели вилками и, громко смеясь, кричали:

— До свиданья, до свиданья, дорогая!

— Дай бог больше с вами не встречаться!

А она, плотно сжав губы, гордо подняв голову, стараясь не смотреть на здание пансионата, высоко восседая на пролетке, отбывала во-свояси.

Не разобравшись толком, в чем дело, извозчик, желая получить лишние, сверх таксы, пенни²⁰, льстиво сказал:

— Ну и любят же вас здесь, мадам, — таких громких проводов я что-то не упомню.

В ответ он получил короткое:

— Дурак!

Уже прошло три часа с тех пор, как ушла делегация.

Девушки со своими вычищенными карабинами заняли самый большой зал казармы. Здесь должен был быть расквартирован женский батальон.

Еще раз выскребывали полы, швабрами обтирали потолки и стены. Дортуары женского батальона должны быть образцовыми. Но ни Айно, ни Мария, ни Алиса не появлялись, и не было от них никаких известий... Должно быть, в штабе косо посмотрели на их предложение.

— Эти мужчины всюду одинаковы, — сказала с горьким разочарованием восемнадцатилетняя.

— Как будто ты уж и знаешь мужчин, — засмеялась над ней старшая подруга.

Неизвестно, что хотела ответить вспыхнувшая младшая, потому что в эту минуту двери зала распахнулись и сразу все три делегатки закричали:

— Скорее идите вниз, разбирайте обмундирование!

Что тут началось!

Связками волочили девушки в веселой перепалке гимнастерки, шаровары, обмотки, фуражки, ватные штаны и куртки. Было несколько пар валенок и сапог...

В первый раз выстроились по росту. Разобрали винтовки. Каждая расписалась в ведомости задачи винтовок и до конца своей недолгой жизни запомнила номер винтовки.

Айно выпал легкий номер: 1871 — великая дата Парижской коммуны.

Но самое настоящее веселье началось тогда, когда девушки, сбрасывая свои привычные платья, тут же на месте стали переодеваться в военное мужское обмундирование.

Большие и внушительные девушки превращались в тоненьких мальчишек, иные же, полногрудые, — в тучных не по росту парней.

Все они плотно обмотали икры серыми обмотками, но большинству так и пришлось остаться в дамской обуви — на высоких каблуках.

На этих каблуках они протопали всю жестокую зимнюю кампанию.

Откуда-то в зал притащили большое трюмо.

Девушки столпились около этого трюмо, во весь рост отражавшего их в новом одеянии. Оказалось, что многим военная форма к лицу. Правда, длинные и толстые косы не желали укладываться под фуражкой. Но лицо становилось еще моложе и задорней.

Айно немало пришлось потрудиться, прежде чем она их выстроила в две шеренги по росту. Почти все они были раньше в спортивных кружках и строиться умели, но сейчас они были очень увлечены всеобщим переодеванием.

Многие давнишние подруги просто не узнавали друг друга.

И это было смешно.

Однако Айно все же удалось их построить — и теперь она стояла перед строем.

Айно заговорила. Она впервые говорила перед многочисленным собранием, — но сейчас слушали ее очень внимательно — в полной тишине.

Она взглянула в окно, темная зимняя ночь стояла за окном.

Но ей не дали договорить. Со всех мест девушки закричали:

— Пусть будет Айно. Пусть будет командиром Айно!

— Айно командир...

— Айно!

Айно упрямо смотрела на потускневшую штукатурку казарменной стены, освещенной неярким светом малоомощной электрической лампы, и ждала, пока выкликнут еще другую кандидатуру.

Но никто не назвал другого имени.

И все кричали, а каждая старалась выкрикнуть громче имя своего кандидата, чтобы перекричать, заглушить другие имена.

Но других имен не было.

Айно приняла свое избрание как должное.

Она выступила из шеренги и почти физически ощутимо почувствовала, какая на нее теперь ложится ответственность перед семьями — и перед революцией за жизни этих девушек.

Сердце у нее билось так, как никогда, но внешне она была совсем спокойна. Она облизала пересохшие губы и сказала:

— Тогда, девушки, я должна вам сказать несколько слов. Нам доверили винтовки... Нам доверили оружие... Это обязывает нас ко многому... Я была в штабе и у Айроксинена, и там мне сказали: «Вы, женщины, и винтовок не удержите, их отберут у вас, и будет урон нашему вооружению. Оружия у нас и так нехватает... Очень мало». Мы должны доказать, что это не так, и, раз взяв оружие, должны удержать его!..

Товарищи! Звание красногвардейца, принятое сейчас нами, — высокое звание. И мы, удостоенные его, должны быть примерными во всех отношениях, мы должны доказать, что принесем пользу революции. На первых порах нам поручат караульную службу в городе. Еще раз скажу — винтовку надо беречь и управлять ею как следует!

Она кончила говорить. В ответ раздались возгласы:

— Не отдадим винтовок!

— Не отдадим лахтарям!

— Айно, молодец!

Но Айно было сейчас не до похвал. Нужно разбить отряд на взводы. Назначить взводных

командиров. Алиса, конечно, и Мария. Надо было... Чорт его знает, сколько впереди было дел!

На другое утро, когда Айно в форме шла по улице, она сразу и не поняла, почему некоторые изящные, хорошо одетые дамы, заведя ее, быстро переходят на противоположный тротуар.

IV. ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ

Айно шла в штаб. Там уже были начальники отрядов — и Ивар, и Ялмар, и другие.

Готовили наступление. Фронт был близок.

Это были дни блестящих побед рабочей революции. В Гельсингфорсе, столице молодой республики, развевалось красное знамя рабочей власти.

В старинной столице Финляндии, первом университетском городе страны, на берегах уже замерзшей Ауры Красная гвардия уничтожила сопротивление противника и отдала власть рабочим организациям.

Таммерфорс — этот финляндский Манчестер, известный и за рубежом своими текстильными фабриками, — безоговорочно с первых же дней принадлежал рабочим.

И каждый день, каждый час приходили известия о новых победах, о новых достижениях молодой рабочей республики.

Прославленный в старых войнах Бьернборг, приморский город Котка — он был знаменит тем, что впервые в мире в этом городе муниципалитет был завоеван социалистами, на бумаге его бумажных фабрик, равно как и на бумаге фабрики Кюмюне, печатались лучшие издания мира, — и прекрасный порт Гане, Выборг, и Лахти, и десятки городов и поселков, старинных и новых,

знаменитых и мало известных, были теперь в руках рабочего правительства.

Все крупнейшие города страны, вся ее промышленная часть, короче говоря — вся южная часть Финляндии — была теперь безоговорочно красной.

Если кто и не соглашался с новыми, пролетарскими порядками, то он таился в подпольи как перепуганная крыса, ждал «лучших» времен или стремился перебраться на север.

И вначале, когда после своей блестящей и быстрой победы рабочие отряды были еще совершенно доверчивы и верили на честное слово, многим реакционерам удалось пробраться на север, к Маннергейму.

В эти дни Ленин подписал от имени Российской Социалистической Федеративной Советской Республики первый международный договор. Это был договор с братской рабочей республикой, по которому Финляндской республике рабочая Россия предоставляла выход в открытый океан, передавая безвозмездно Печеньгскую волость.

На севере же страны дела шли гораздо хуже.

Здесь была финляндская Вандея. Реакционеры избрали своей базой округ Ваза с его отсталым, реакционно настроенным, зажиточным крестьянством. В этом округе и местечко, приобретшее впоследствии скандальную славу — Лапуа.

Отсюда начало свои действия бежавшее из Гельсингфорса на заранее подготовленные места белое правительство Свинхувуда—Свиноголового.

Сюда были стянуты силы белых из всей Финляндии.

Первым шагом этих правителей было предательское нападение на разбросанные малочисленные отряды русских войск, уже на три четверти демобилизованных, ждущих отправки на родину

и частично разложившихся. Русские матросы, находившиеся в Вазе, вели бои с белыми в течение нескольких часов. В Улеаборге финские красногвардейцы вместе с русскими солдатами в течение пяти дней оказывали упорное сопротивление превосходившим их во много раз белогвардейским силам.

Несколько дней продолжались уличные бои в городе Куопио и близлежащем промышленном местечке Варкуус.

На севере сопротивление отдельных разрозненных, далеко друг от друга отстоящих рабочих местечек было подавлено с неслыханной жестокостью, прежде чем они успели получить поддержку от рабочих отрядов юга.

Опираясь на заранее подготовленные базы оружия, продовольствия и кадры военных специалистов, раздавив отдельные пролетарские, почти безоружные отряды, Маннергейм сосредоточил все свои силы на борьбе с Красной гвардией, которая, уничтожив всякое сопротивление белых на юге, начала не без успеха продвигаться на север, навстречу наступлению белых.

В результате наступления белой армии с севера на юг и встречного наступления Красной гвардии на север образовался фронт гражданской войны от Ботнического залива до Ладожского озера, длиной около четырехсот километров.

Вся промышленная часть страны оказалась в руках рабочей армии. У белых же — большая часть территории малонаселенной, но дающей возможность широкого маневра.

После образования фронтов гражданской войны наступило некоторое затишье.

Белые перешли к обороне занятых ими выгодных позиций, считая свои силы еще недостаточными для перехода в общее наступление против

главных жизненных центров рабочей Финляндии. Это время они использовали для лихорадочной организационной работы. Господствуя над обширной территорией, непрерывно получая оружие из-за рубежа, имея тысячи офицеров, белые организовывали свои силы по немецкому образцу.

Финские рабочие показали свои огромные организационные способности и творческие возможности, развернув в течение нескольких недель на фронте протяжением в четыреста километров восьмидесятитысячную революционную армию.

И это без кадров военных специалистов! И это при том, что почти никто из красногвардейцев до января восемнадцатого года не держал в руках винтовки! (Всеобщая воинская повинность не распространялась на финнов.)

И это при населении страны в три миллиона и при полной добровольности в формировании красногвардейских частей!

Правда, рабочее правительство занято было законодательством.

Вырабатывая прекрасные демократические законопроекты, декрет, законоположения, оно не уделяло внимания фронту, словно полагало, что правда победит сама по себе.

Конечно, красногвардейцам нехватало военной выучки, дисциплины, но это были превосходные люди — цвет рабочего класса. Они готовы были отдать за победу все, даже самую жизнь, и многие ее отдали, но они не знали, как это сделать так, чтобы лучше, чтобы вернее обеспечить победу.

Снимем шапки перед их памятью!

Для военного специалиста заседание штаба показалось бы бестолковым, слишком многолюдным. Ведь решались вопросы наступления —

самые секретные. Громко выкликались при открытой форточке наименования отрядов, их численность, вооружение, громко бранили главный штаб, невнимательный к запросам мест...

— Что ж — наступать, так наступать! — сказал Ивар и встал с места.

В городском штабе его называли «Чемпион».

— Я ставлю вопрос об организации отряда из торпарей и рыбаков, — сказал человек в кожаной зюйдвестке.

Он пришел сюда в город — обветренный, с зимним загаром, прямо с подледной рыбной ловли, не заходя к себе в деревню.

— Чего мы там у себя не видали? — говорил он, уминая большим заскорузлым пальцем табак в трубке.

Айно его хорошо знала. Он время от времени приносил весь свой улов в кафе, где работала Айно. И всегда рассказывал о рыбах и о рыбной ловле такие интересные истории, что даже невозмутимый старший повар с завистью глядел на него.

Когда уходил рыбак, проходила и зависть у повара. И он говорил:

— Я у огня, а он у воды — каждому своя радость.

Когда же повар был угрюм, эта фраза поворачивалась так:

— Я у огня, он у воды — каждому свое горе!

И когда приходил рыбак, Айно, развлекаясь, спрашивала экономку:

— Что сегодня — радость или горе?

Но ей всегда казалось, что у воды радости больше.

В город рыбак теперь пришел не один, а с дюжиной других рыбаков и торпарей. Он со своими ториорами и бобылями громко требовал все время

у штаба оружия, и вокруг них собирались такие же торпари и бездомные бобыли.

Теперь он ставил вопрос об организации отряда из обездоленных крестьян.

Айно не стала дожидаться, чем на этот раз окончится обсуждение, и вместе с Иваром вышла на улицу.

V. ПРОЩАНИЕ

Перед тем как отряду выступать из города, Ивар зашел попрощаться со своей любимой девушкой.

Была она чертежницей и жила одиноко в неуютной комнате. По этой комнате нельзя было сразу понять, кто хозяин — мужчина или женщина. Рядом с обычными часами на столике стоял недавно полученный в подарок будильник, — а то Лидия иногда опаздывала на работу, особенно зимою, когда на улице еще совсем темно и лишь зажегшиеся в доме, стоящем через улицу, огни говорят о том, что уже утро.

Ивар не раз просыпался от мелкого, дробного, настойчивого треньканья этого будильника, и ему было жалко, что вот через несколько минут придется расстаться с нежным теплом молодого, здорового, несколько неуклюжего тела возлюбленной.

Кожаный диван с высокой спинкой был очень узким, и Лидия не раз обещала приобрести широкую тахту. Он сам хотел это сделать, но девушка решительно отказывалась от подарков, а ему не хотелось обидеть ее.

Ивар быстро взбежал по лестнице на второй этаж, распахнул всегда отпертую дверь квартиры и прошел по коридору к комнате Лидии.

В комнате был свет,

Лидия сидела на диване и даже не встала когда вошел Ивар.

Он вошел с мороза, покрасневшийся и довольный, — еще подходя к дому, представлял себе, как обнимет девушку, как она доверчиво положит свою светлую голову на его широкую грудь.

В своей любви он был жадным, и каждый раз девушка казалась ему совсем новой, неожиданной и все более милой.

Но она была в этот вечер совсем другой, чем еще вчера утром, когда он уходил из этой комнаты.

«Наверно узнала, что отряд мой уходит из города, и ей не по себе», — подумал Ивар и поднял руку, чтобы погладить ее мягкие волосы.

— Не надо, Ивар! — тихо сказала девушка. — Я хотела тебе сказать, что ухожу от тебя.

Нет, ничего подобного он не ожидал.

Иногда он думал о том, что, вероятно, их отношения могут когда-нибудь прерваться, и они расстанутся. Но мысли эти были похожи на мысли о том, что когда-нибудь придется умереть — не жить. Все это было далеко и непредставимо.

— Мне очень тяжело расставаться с тобой, очень тяжело. Но я полюбила другого человека. И я сегодня вечером стану его женой.

Ивар пытался распутать зеленый шерстяной шарф, который почему-то не хотел сегодня разматываться.

— Ты его давно знаешь?

— Сегодня увижу десятый раз... Но меня к нему тянет неодолимо.

Она встала и подошла к Ивару.

— Тебе очень больно, милый?! — И девушка тихонько погладила его по щеке. От этого стало только больнее,

— Кто он? — спросил Ивар, хотя это ему сейчас было совсем безразлично.

— Техник из Выборга...

— А может быть, это пройдет у тебя. И ты вернешься ко мне... — дальше говорить ему было трудно, нехватало воздуха.

— Нет, это совсем серьезно... Я бросаю службу и еду туда, к нему.

Глаза ее наполнились слезами. Она снова села на диван, и он опустился рядом и взял ее горячие руки...

Девушка плакала искренне и горько, и от этих слез она казалась ему еще милее и роднее, чем всегда.

— Я ночь не спала, думала об этом. Я, наверно, нехорошая, дурная женщина. Но то сильнее меня.

— Нет, ты хорошая, — еще тише возразил Ивар и прижался губами к ее руке.

Он ощущал губами, как пульсирует жилка на руке. Никогда в жизни не было ему так тяжело и больно, как сейчас, и он не мог, не хотел верить своему несчастью. И то, что девушке было тоже тяжело, доставляло ему тайное удовлетворение. И все же ему стало жаль ее.

— Ну, успокойся, не плачь, — сказал он, этим он отгонял и свою тоску.

Услышав такие слова, девушка стала всхлипывать еще чаще. Ивар спросил:

— Ты меня больше любить не будешь?

Она молчала.

С припухшими и мокрыми от слез глазами она казалась ему дороже, чем всегда.

— Я должна сейчас пойти к нему, — сказала Лидия и стала причесываться перед небольшим зеркальцем.

Ивар взял в руки будильник и стал заводить.

— Ну, вот, я тебя провожу.

Когда они шли под руку по вечернему городу, он смотрел на синий берет, на хорьковый мех воротника ее пальто и старался рассказывать веселые истории и разные забавные случаи, никак не относящиеся к ним двоим.

Она шла молча, лишь изредка отвечая на пожатие руки. Он, делая спокойное лицо, шел рядом и все время сознавал, что вот сейчас он теряет самого любимого человека, без которого и жизнь, и работа, и мир сразу опустеют, потускнеют. Что же ему делать? Стать перед нею в снег на колени, обнять, умолять остаться? Он мог бы это сделать. Но он понимал, что все это уже ни к чему.

Он верил ей. Она была для него олицетворением женской правдивости и чистоты. И он знал, что все уже решено. И что он может? Бороться? Но она любит другого. Ждать! Что ж — ведь он уходит из города... Он рассказывал ей разные истории про красногвардейцев своего отряда. Но вот и гостиница, где живет этот техник из Выборга.

— Не надо подходить к подъезду, расстанемся здесь, — сказала Лидия и, пожав ему кончики пальцев, быстро пошла через улицу.

Он отошел в сторону. Остановился у фонаря и стал смотреть ей вслед.

— Значит, диван останется старый, — пошутил он вполголоса, но ему не было смешно.

Только когда за Лидией захлопнулась дверь гостиницы, он вдруг внезапно понял, что то, что казалось ему болью, — пустяк в сравнении с тем, что предстоит сейчас... Он стиснул зубы и чуть ли не побежал... Никогда ни с кем нельзя будет по-настоящему вспомнить о бывшей радости, о счастье, испытанном вместе; об этом можно было вспоминать и говорить с одной только женщиной,

но она сейчас поднималась по лестнице и, может быть, уже стояла у дверей чужой комнаты.

Он еще был до краев полон ощущениями ее женской прелести. И теперь этого не повторится уже больше никогда.

— Никогда, — сказал он вслух, и ему стало страшно.

«Догнать ее, поднять, понести на руках?»

Теперь этого уже не будет никогда...

Он вспомнил ясный солнечный день. Иссинетемное море, врывавшееся в длинную узкую бухту. В открытом море ходили барашки, в бухте вода была спокойной и голубой. Они на вершине скалистого откоса присели на деревянную скамейку. Скамейка была сломана, и, чтобы не упасть, нужно было балансировать, и все-таки они ухитрились прижиматься друг к другу. На скамейке были вырезаны ножом имена. Через несколько часов, вечером, они шли по улице, ведущей к вокзалу. Было темно и безлюдно. Они обнимались, останавливались и никак не могли расстаться. Это было совсем недавно. Тридцатого сентября... И как это ему казалось, что такие секунды могут повторяться... Господи! Как это было давно! Как же он теперь будет жить? Он отлично знал, что существует на свете крепкая, мужская, нерушимая дружба, но сейчас ему от этого не было легче.

Отряд отправлялся через два часа, нужно было еще раз проверить, все ли в порядке.

Сверху доносилась громкая песня.

— Симха, — глухо сказал Ивар своему старому приятелю, горбуну, который был страстным охотником и азартным рыболовом, — Лидия ушла от меня.

Ему казалось, если он с кем-нибудь не поде-

лится сейчас своим горем, сердце его разорвется на куски.

— Ну и отлично, — весело произнес товарищ, уминая большим пальцем табак в трубку, — ну и отлично. Помнишь, я тебя еще летом предупреждал.

Летом они втроем катались по озеру на лодке. и, конечно, Симха не удержался от того, чтобы не пустить за корму «дорожку». Через двадцать минут Лидия спокойным голосом сказала:

— Там, кажется, какая-то рыба попалась?

Тогда Симха не удержался, всплеснул руками и закричал приятелю:

— Ивар, Ивар, как ты можешь жениться на девушке, которая говорит: «Там, кажется, рыба попалась?» Настоящая женщина должна радоваться, прыгать и кричать: «Тяните! Тяните! Скорее! Рыба уйдет!»

На втором этаже так топали, что, казалось, сейчас обвалится потолок.

Сквозь этот топот, шарканье и гул Ивар различил звуки гармоник и скрипки.

— Парни веселятся перед выходом из города! — улыбнулся Симха. — Пойди, тоже развлечешься.

Ивар поднялся наверх и в раскрытую дверь посмотрел, как кружатся в веселом и шумном танце красногвардейцы. Пахло табаком, потом и сапогами. У каждого была своя дама. У Ивара своей теперь не было — с другой танцевать он не хотел. На скрипке и гармошке играли свои же красногвардейцы. Они не сыгрались еще, но все равно им было весело.

Ивар спустился обратно к Симхе:

— Иди ты потанцуй — а я за тебя подежурю.

Но Симха не пошел в зал, и друзья долго еще разговаривали иод шарканье подошв и звуки веселых песен.

VI. СЛЕЗЫ ИВАРА

Шел густой мокрый снег. Он застилал все видимое ночное пространство. Он оседал хлопьями на одежде, таял на лице.

Хорошо, у кого были пьексы, валенки и, на худой конец, — калоши. Но ведь не у всех была такая обувь... Большинство шло в простых легоньких ботинках. Правда, шерстяные носки были у всех... Но подметки промокали от этого вязкого мокрого снега... Хоть бы ударил сильнее мороз...

— Почему только один взвод идет в эту операцию? — спрашивали у Ивара его красногвардейцы.

— Второй взвод я пустил с другой стороны к мосту, — отвечал Ивар.

Другим взводом командовал его приятель, горбун Симха.

Ивар чутьем понимал, что нужно охватывать неприятеля сразу с двух сторон, фронтальное наступление не всегда самый лучший способ боя, но всего этого он не был в состоянии объяснить своим красногвардейцам. А они предпочитали быть вместе: больше народа — безопаснее. Особенно ночью.

Для чего третий взвод был оставлен в деревне, когда предстояла опасная операция?

Приказано было захватить мост. Потом ноги промокали, и было холодно. Не лучше ли отложить поход до дневного света, тогда все будет видно: кто перед глазами и куда стрелять. А ночь создана для сна.

Так они шли по снегу, подбираясь к реке, к железной дороге и железнодорожному мосту.

Ивар ушел от взвода вперед метров на сто. Ему надоело слушать бабьи пересуды этих все-таки храбрых людей. Ведь неприятно слушать, как ругаются двадцать пять взрослых мужчин.

И вдруг раздались громкие звуки. Так в кузнице бьют молоты. И не было видно, кто и где бил железом о железо. И кругом ни одного огонька. Если бы человек был один этой ночью, ему могло стать жутко. Но ведь их было двадцать пять мужчин.

Ивар остановился... Он хотел подождать, пока подойдут остальные. Но никто не подходил. Он оглянулся и не увидел вблизи никого.

Ему стало страшно.

Куда пропали ребята, что-нибудь случилось с ними?..

И он быстро пошел по своему же следу обратно.

— Товарищи! — сказал Ивар красногвардейцам, — нам комитет поручил взять мост.

— Завтра днем возьмем, — просто ответили ему из тьмы.

Снег все еще продолжал итти.

— Я командир! — решительно сказал Ивар, — я приказываю немедленно же итти за мной вперед!

Ивар остановился... без слов. Никто его не поддержал.

Какой позор! Какой позор! Ему поручили важное дело, а он так прошляпил! Не сумел повести своих ребят вперед... Чего же после этого он стоит...

— Лахтари сейчас взорвут мост, а я здесь стою как рохля!.. Задание сорвано... Какое несчастье!

Ивар стоял глухой ночью в поле, под хлопьями снега, и настоящие слезы катились по его щекам.

Он не мог удержать своих слез. И от этого ему становилось еще горше.

Хорошо, что темно — и никто не увидел этих нечаянных слез... обиды и бессилья...

Потом Ивар, не вытирая рукавицей щек, повернулся и пошел обратно к мосту.

Он и не заметил, что шагах в двадцати позади него шел вооруженный человек и изо всех сил старался не отстать от Ивара. Котелок на его голове стал тяжелым и холодным — широкие поля задерживали снег. Он шел, стараясь ступать в глубокие следы, оставляемые Иваром.

Ивар же принял такое решение: «Если я не смог выполнить боевого задания, то все же нельзя мне явиться в штаб с голыми руками. Подойду поближе к мосту. Если не заметят меня, все разузнаю и вернусь, как хороший разведчик. А если увидят белые и убьют — тоже лучше погибнуть от руки неприятеля, чем жить опозоренным». А то он теперь опозорен не только перед штабом, но и перед самим собой, — этими непрошенными слезами.

Так решив, он совсем успокоился и шел вперед, не разбирая дороги... А вот уже и зачернел своей чугунной громадой железнодорожный мост. Ивар лег в снег и пополз по откосу вверх к мосту, упираясь в землю локтями, уминая коленками рыхлый снег. Под мостом, не умолкая, шумел порог. Это было очень хорошо... Шум порога заглушал громкое дыхание Ивара.

У самого железнодорожного полотна, у рельс, штабелем были сложены шпалы, покрытые сейчас снегом.

Ивар подполз к штабелю. Приподнялся. И хоронясь за шпалами, стал наблюдать за тем, что делалось на мосту.

Стук, напугавший его взвод, продолжался...

На мосту, на самой середине, стояла ярко освещенная дрезина... Свет, идущий от лампочки дрезины, освещал только маленькое пространство около нее.

Около дрезины — люди. Один, другой, третий... Ивар насчитал семнадцать человек.

Рядом с дрезиной — два ящика.

— Наверное, динамит!

Один из этой группы стоял спиной к Ивару и, нагибаясь, размеренно бил молотом по железной балке моста. Когда он нагибался для удара, Ивар видел только большой зад.

«Эх, хорошо бы пальнуть разочек, — пульку всадить в этот самый зад», — подумал Ивар, и через несколько секунд он почувствовал, что ему не справиться с охватившим его желанием.

«Пальну, — а потом в темноту... Где им тут меня поймать?»

Уныния, поразившего его четверть часа назад, уже как не бывало... Хотелось жить и драться...

Грудь перекрестили матерчатые патронташи с тяжелыми обоями. Четыре патрона в магазине, пятый дослан вперед... Ивар приложился и долго внимательно целился... И если спина с вознесенным в руках молотом была подвижна, то округлая мишень стояла на месте...

Грохнул выстрел. Отдача была сильная. От нее заболела ключица.

Человек, бывший молотом, на мгновение замер...

Под мостом шумел, не утихая, порог. Молот со звоном упал на рельсы, а молотобоец, как-то странно перегнувшись, упал вниз, на камни порога, покрытые кипящей пеной.

Огромный человек в высокой меховой шапке, стоявший рядом с тем, который теперь лежал разбитый на скользких камнях, повернулся и,

опустив вниз голову, тяжелым спокойным шагом пошел к тому месту, откуда раздался выстрел.

Пошел прямо на Ивара.

Ивар снова прицелился и выстрелил.

Великан ступил еще шаг и рухнул навзничь. В одной его руке был маузер, в другой граната. Ивар метил ему в грудь.

Ивар выстрелил не целясь в группу людей, стоявших у самой дрезины. Один, взметнув руками, упал поперек рельс. Ивар готовился, расстреляв обойму, бежать обратно в ночь, — как случилось что-то непонятное для него... После его четвертого выстрела люди на мосту побежали, спотыкаясь о шпалы, ругаясь последними словами. Белые, оставив на месте ящики и дрезину, убегали в ночь...

Он нажал спусковой крючок, и сразу раздались два выстрела. Один за другим. Почему шесть выстрелов? В обойме было только пять патронов.. Не спятил ли он? или обсчитался? Шесть выстрелов. Но думать не было времени.

Снова стало совсем тихо. Шел хлопьями влажный снег, и только под мостом, внизу, неумолчно рокотал порог.

Никого нет.

Ивар вложил в магазин полную обойму и медленно пошел на мост.

Пуля, которую он посылал в грудь человеку в меховой шапке, попала тому в глаз. Нет, стрелок он был еще неважный. Перед ним лежал убитый им человек. И странно. Он не испытывал никакого неприятного чувства.

Он поглядел вниз — на камнях порога что-то чернело... Большой молот лежал у его ног. Что же делать дальше?!

Ивар сел на платформу дрезины и задумался. Снег постепенно переставал, и из-за края тучи

выглянула луна. Ивар сидел один на мосту, у освещенной дрезины.

«Совсем как в театре», — подумал он... И вдруг он очнулся...

По мосту бежал какой-то низенький человек...

Он подбежал прямо к нему и прежде, чем Ивар успел что-нибудь сообразить, приставил к его груди штык и закричал:

— Белая собака! Руки вверх!

Ивар поднял руки вверх. И так же быстро сказал:

— Какая там, к чорту, белая собака! Я красный Я Ивар!

Штык отошел от груди.

— Ивар!

— Симха!

Друзья узнали друг друга и крепко обнялись.

— Вот напугал, чертяка!

— Ну, а я решил, будь, что будет, а уж я тебя с моста собою!.. Хорошо еще! что живым решил взять. Не стрелял.

Приятели снова обнялись, как после долгой разлуки.

— Почему ж ты один?

Симха рассказал. Ему стоило больших трудов заставить свой взвод итти вперед, после того как они слышали стук молота. Но когда один за другим раздались в темноте выстрелы, ребята дали несколько залпов и стали окапываться в снегу.

— Меня взяла такая злоба, что я решил, хоть сам погибну, — продолжал Симха, — но пойду вперед. И вот вижу, кто-то сидит на мосту. Ну, я решил выбить врага...

Может быть, Симха еще рассказал бы Ивару по дружбе о своем неписаном договоре с богом, если бы в эту минуту на мост не вступил третий человек.

Когда красногвардейцы Симхи ушли назад, а он сам удалился вперед, попрежнему шел снег, каждый шаг грозил смертью. Была попрежнему темная ночь. А ночью, — что ни говори, — неуютно и одиноко чувствует себя человек, особенно на морозе... Особенно, если он ждет выстрелов...

И вот Симха решил сплутовать. Обычно неверующий человек, убежденнейший атеист, он сказал: «Если ты, бог, действительно существуешь, ты сделаешь так, чтобы я этой ночью и вообще до конца года не был убит и не погиб. Если ты убережешь меня — я уверую в тебя и скажу всем об этом... А если нет — то нет!»

Ему и самому было немного смешно, даже в ту минуту, когда он выдумывал этот своеобразный обет. А особенно сейчас, когда он разговаривал с другом, с живым человеком, на этом мосту. Но сейчас ему было еще и стыдно за испытанную минуту слабости.

«Тоже, подумаешь, средневековые. Вот я остался жив... Бог выдержал испытание, а я не сдержал своего слова и попрежнему не верую...»

Да, ему было стыдно, но он, может быть, и рассказал бы другу, посмеясь над собой, об этом обете, если бы в эту секунду на настил моста не вступил третий человек, в котелке... Ивар и Симха взяли винтовки наперевес. Паренек шел вразвалку, и походка его казалась знакомой.

— Здорово! Это ты?

— Это я, — ответил Ганнес, — я шел за тобой по следу. Я видел, как ты с этими лахтарями расправился. Я сам подсобил. Один раз...

Ивар встал со своего места. Значит, он не спятил и действительно было шесть выстрелов!

Ганнес, сняв котелок, стал очищать поля от налипшего снега.

Ганнес был очень серьезен и важен.

— Ну, теперь нас трое мушкетеров, вперед шагом марш, — скомандовал парнишка.

Они перешли мост. И через двадцать минут вошли в деревню. Белые поспешно отступили.

В здании школы, где квартировали белые, валялись на полу консервные банки, на столах лежали индивидуальные санитарные пакеты.

Ганнес вызвался сбегать за красногвардейцами отряда.

Лахтари не успели взорвать мост. Лахтари ушли на север. У стен стояло несколько пар лыж. Ганнес примерился к одной паре и через несколько минут исчез...

— Настоящий бесенок! — сказал Симха.

— Да, хорошо, что я его взял в отряд, — согласился Ивар.

Он что-то решил про себя. Часа через полтора пришли красногвардейцы — их вел торжествующий Ганнес. Им было неловко перед Иваром и Симхой.

В классах школы было темно, и пламя керосиновой лампы многих оставляло в тени.

— Ну, ладно, ребята, обошлось, а теперь спать, спать, — решительно сказал Ивар. — Завтра с утра двинемся дальше. А сегодня мы свое дело сделали... Отстояли мост от взрыва и заняли деревню!

Красногвардейцы встретили эти слова одобрительным гулом.

Ивар назначил наряд на охрану моста.

Остальные расположились на сон, на полу больших пустынных классов. Было еще темно, когда отчаянные призывные гудки паровоза разбудили отряд.

Все бойцы схватились за оружие.

— Я думаю, это лахтари на поезде привезли подкрепление. Будет потасовка!

Симха утвердительно кивнул головой.

Под партой спал Ганнес сладким сном.

— Не надо будить, пусть еще поспит.

Но вскоре дело разъяснилось. В комнату вошел человек.

— Я делегат рабочих города, — и он назвал городок, лежавший в тридцати километрах дальше по железной дороге. — Сегодня ночью белые удрали из города, мы получили сведения, что наступает Красная гвардия... Так вот, товарищи, чтобы вы не перли пешком тридцать верст на морозе, мы выслали вам навстречу поезд. Подвезем.

Все с охотой погрузились в чистые классные вагоны. И не сетуя на то, что поезд шел медленно, с удовольствием поехали в город, покинутый белыми.

Их встретили на вокзале музыкой. Народ встречал их, радуясь и выкликая приветствия.

Итти надо было через весь городок в центр, в единственную в городе гостиницу, предназначенную теперь для постоя Красной гвардии.

И впереди своего отряда, который теперь шагал в ногу и держал равнение, печатая шаг, шел гордый, как чорт, Ивар... Последний ряд с красным флажком на штыке замыкал отец Ялмара.

Вечером в город прибыл вагон с оружием для местной Красной гвардии и поезд с отрядами из разных мест. Здесь были и кавалеристы Ялмара.

Вечером же Ивар объявил своим красногвардейцам о том, что он не может нести ответственность за отряд и отказывается от командования.

Рота выбирала его три раза подряд... Но он твердо стоял на своем.

— Кем же ты хочешь быть теперь, Чемпион?— спросил его Симха, и он ответил товарищу, который после прошедшей ночи стал ему еще ближе и дороже:

— Из меня получится недурной разведчик!

VII. ДВЕ ВСТРЕЧИ

На дороге — до этой деревни — Ивар не обнаружил никаких признаков неприятеля. А в этой деревне шла обычная субботняя гулянка. Парни кружили девушек в «сотеси»²¹, гармонист играл старинные танцы и новые, даже сыграл ганго.

Ребята в деревне увлекались спортом; они узнали Ивара и потащили за собой в ригу, где происходило гуляние.

Нельзя было отказываться, чтобы не выдать себя как разведчика, а с другой стороны, где же лучше можно узнать все настроения и положение в приходе, как не на случайной вечеринке?!

Издали доносилась девичья песня, он прислушался. Эта песня была ему знакома еще с детства, когда он мальчишкой удирал на вечеринки и подслушивал разговоры и песни взрослых девушек и парней.

Девушки пели:

Коль пришел бы мой желанный,
Мой дружок долгожданный,
За версту пойду навстречу,
Побегу я, — за две встречу!
Загородку-отворить,
Новый мостик подложить.
Хоть бы он держал гадюку,
Протяну ему я руку.
Зацелую не в черед,
Будь хоть в свежей крови рот.
Охвачу руками шею,

Хоть бы смерть была за нею,
Да и сяду с ним рядком,
Будь хоть всё в крови кругом!

Потом, когда Ивар уже подходил к сараю, начались танцы под гармошку.

Он вошел.

Узнав, что в риге среди них Ивар, парни перестали танцевать. Сразу же образовался небольшой круг, и в этом кругу завоились попарно во французской борьбе парни. Ивар должен был стать арбитром в старом споре о том, кто же в деревне из них самый сильный.

Все шло, как по маслу, когда вдруг раздался выстрел, зазвенело разбитое стекло лампы, и в риге стало темно.

Девушки завизжали, парни ухватились за ножи — пукко. Затем раздались один за другим несколько револьверных выстрелов. Кто-то рядом с Иваром громко вздохнул и упал на пол.

— Так красные рабочие убивают крестьян! — крикнул кто-то из стоявших у дверей.

— Ложь! Держи его! — завопил Ивар и бросился, расталкивая в темноте соседей, на голос... Он выскочил на улицу. Перед ним бежал какой-то человек.

— Держи!

Желая перед знаменитым борцом показать свое удалство, деревенские парни припустились во всю, и через пять минут в риге перед Иваром стоял человек в полной командирской шюцкоровской форме.

Это был тот самый агроном, которого в ноябре арестовал Ялмар и выпустил Коски.

Над головами качалась новая лампа.

Расчетливые девушки предвидели возможность пьяной драки и на всякий случай припасли вторую лампу.

— Вы все видели, — громко сказал Ивар, — что стреляли не красногвардейцы в крестьян... а этот дядя-шюцкоровец.

— Вот револьвер его... Еще теплый...

Пойманный стоял спокойно и с независимым видом наблюдал за тем, что творилось в риге. Его со всех—сторон обступили возбужденные парни и девушки и — от них нельзя было уйти.

Он раскаивался, зачем ушел так далеко вперед от своего десятка. Впрочем, там люди умные, они слышали выстрелы и подспеют на выручку. А если нет?.. Что же, и тогда он не будет унижаться перед этой чернью...

— Ты стрелял в мирных жителей собравшихся на вечеринку, — продолжал Ивар, — что же, по-твоему, нужно сделать с таким извергом? Что мы сделаем с тобой?

В ответ на этот угрожающий вопрос Ивара шюцкоровец ничего не сказал. Он спокойно и медленно расстегнул куртку и из внутреннего кармана вытащил серебряный портсигар с золотой монограммой. С шелканьем раскрыл портсигар, набитый папиросами, и громко сказал:

— Возьмите, мне они уже не пригодятся!

Никто не двинулся с места. Все поняли, что шюцкоровец подписал себе смертный приговор.

Над раненой девушкой хлопотали ее подружки.

— Нет, врешь... Ты опять идешь на провокацию, — вспылil Ивар. — Наша... рабочая власть отменила совсем смертную казнь.

Парни в недоумении переглянулись. Им показалось, что борец шутит.

— Я доставлю тебя в штаб, и там поговорят с тобой как следует...

— А вы, ребята, — обратился он к окружающим, — составьте, пожалуйста, протокол, как все дело было,

Протокол был живо составлен, Ивар сунул его в карман и, вытащив револьвер из кобуры, повел по ночной дороге пленного в штаб.

Он был доволен: во-первых, раздобыл сведения, во-вторых, достал «языка».

Он не знал, что в то время, как составлялся протокол происшествия, шюцкоровцы из десятка агронома успели подойти к деревне и, услышав шум, решили подождать у самого выхода из деревни, пока все утихнет.

Минут через двадцать они увидели, как их начальник идет по дороге, а позади с револьвером в руках за ним шагает коренастый человек. Они тихо выпустили обоих из деревни... и — пошли следом.

Когда сзади раздался залп, пленный шюцкоровец сразу метнулся в лес.

Ивар понял, что отстреливаться, стоя на дороге, облитой лунным светом, безрассудно, и прыгнул через обочину, но в другую сторону...

Уже из-за заснеженных стволов он увидел несколько винтовочных вспышек и, проваливаясь в снег, побежал от дороги. Ветки цеплялись за одежду и царапались, обдавая пушистыми снежинками.

Он бежал. Потом остановился и притаился, чтобы по треску ломающихся сучьев не узнали, где он. Но шюцкоровцы, видимо, побоялись углубляться в лес. Мало ли какие сюрпризы могли быть приготовлены им в чаще?

Ивар слышал, как бьется его сердце.

Отдохнув, он пошел дальше и вскоре вышел на другую дорогу.

Уже давно можно было и не опасаться погони, а Ивар шел все так же быстро по дороге.

Ночь смотрела из-за каждого куста, как насто-роженный зверь, и за каждым телеграфным стол-

бом мог таиться нацелившийся враг... И вот в стороне от дороги, шагах в ста, Ивар увидел одиноко стоящий дом... Он свернул с дороги. Не было следов на снегу, и крыльцо все было занесено снегом. Дверь плотно замкнута. Ни в одном окне не было света.

Хозяева бежали! Он ударом плеча высадил оконную раму. Вскарабкался на подоконник и через секунду был уже в теплой комнате, в темноте казавшейся очень уютной.

Он прошел по домотканым дорожкам, половицы скрипели, спички ломались, не зажигаясь. Ивар вернулся к окну, как только мог, приладил на место оконную раму (остались щели) и пошел по этому пустынному дому. В соседней комнате спичка зажглась, и он увидел большую и уже застеленную кровать, в ногах стоял ночной столик. Совсем как в детской сказке; ему стало даже смешно. Подойдя к постели, не раздеваясь, он свалился в нее и, головой утонув в мягкой подушке, заснул. Когда он засыпал, в ушах еще звенела веселая гармошка деревенской вечеринки и хлоппанье револьверных лахтарских выстрелов.

Он проснулся. Было все так же темно, но на ночном столике, стоявшем теперь у изголовья, что-то белело. Ивар протянул руку — это был стакан молока и ломоть свежего белого хлеба, намазанный чудеснейшим ароматным маслом.

Чемпиону французской борьбы ничего не стоило одолеть легкое и приятное угощение. Все шло, как в волшебной сказке.

Он даже не задумался над тем, кто бы мог ему поставить еду. Скинул сапоги, перевернулся на другой бок и снова блаженно закрыл глаза. Но спалось уже не так сладко, и вскоре он почувствовал, что кто-то смотрит на него, и снова проснулся.

В жестяном черном подсвечнике оплывала свеча. Пламя было маленькое и желтое. А держала в руках подсвечник девушка, стройная, с распущенными волосами. Словно продолжался сон.

Ивар протянул руку.

Платье девушки было мягкое и тонкое. Он притянул ее к себе.

— Товарищ Ивар, красный разведчик, — тихо сказала она, — как ты неосторожен!..

Он понял, что его обыскали во время сна, и спохватился:

— Где мои документы?

— Там же, где и были, — улыbnулась девушка, — я их прочла и принесла еду.

— Ты красная?

— Я гувернантка, хозяева уехали, оставили меня сторожить.

Он задул свечу и привлек к себе девушку...

Сон разморил Ивара, но и прогнал усталость, а девушка была ласковая и очень милая...

— Какие у тебя сильные руки, — сказала девушка, задыхаясь, когда он обнял ее.

— Мог стать чемпионом.

— Ну?!

Но в этом возгласе было не удивление, а восхищение.

Когда девушка уже засыпала, доверчиво положив голову на его широкую грудь, Ивар с тоской подумал:

«Она гораздо стройнее, чем Лидия. У Лидии ноги, как чурбашки, а у нее словно точеные».

Но все же, хотя он ощущал и сейчас всю прелесть тихо засыпавшей рядом с ним девушки, ему не было легче.

«Ну ладно, так ей и надо, пусть знает», — снова подумал он о Лидии, и как-то пусто стало у него на душе, когда он подумал, что ведь Лидии

теперь уже все равно, что он делает, с кем проводит время, о чем думает. Он такой же ей чужой, как и все другие мужчины на свете. И в сознании этого было такое тягостное ощущение своего одиночества, что он теснее прижался к лежавшей рядом с ним девушке и стал гладить ее шелковистые волосы.

В окне брезжил серый рассвет...

Она еще спала, а он уже шагал по дороге к своим частям, довольный тем, что сумеет сообщить штабу важное известие. Да еще в кармане лежал протокол о бандитском нападении. Он опустил руку в карман и нащупал небольшой, завернутый в газету сверток. Это были бутерброды.

«Милая девушка», — улыбнулся Ивар...

В том же кармане лежала расческа, подаренная в этом году Лидией. Люди уходили — вещи их оставались.

«Это было хорошо придумано у древних славян и индусов, — вспомнил Ивар лекции народного университета, — что они вместе с покойниками сжигали или закапывали все принадлежавшие им вещи».

От встающего солнца сосны и воздух между ними были совсем розовые. Мороз пощипывал за нос и скрипел снегом под ногами. И жизнь снова была бодрой и ясной и морозной, и уже ощущались горьковатые утренние дымки близкого селения...

VIII. НОЧЬ НА ФРОНТЕ

Они закричали: «Ура!» — и, сжимая в руках винтовки, побежали вперед. Сразу же за Симхой и Иваром бежал Ганнес.

Бежали, не оглядываясь, проваливались в снег и, выкарабкиваясь, ложились плашмя, как советовал Симха, потом снова подымались (при подъеме колени и рука, которой упирались, уходили в снег) и — снова бежали вперед... Шел мохнатый мокрый снег; он густой сеткой обволакивал весь мир, приглушая шум ветра и выстрелов.

Два раза за сегодняшний день ходили в атаку и все-таки остались на месте. Наступление выдыхалось. Обещанные резервы не подходили.

Ноги и руки мерзли...

Противник проявлял неслыханное до сих пор упорство.

Он использовал во-всю то время, в которое революционное правительство бездействовало на фронте, упуская время для вооружения и организации своей армии. Он предательски разоружил на севере русские части и расстрелял сотни русских солдат, ждавших только часа демобилизации и отправки на родину. Он стянул и вымуштровал шюцкоровские отряды. Он, опираясь на предусмотрительно созданные базы, произвел полную мобилизацию всего населения северных частей страны, зверски подавив выступления рабочих Варкауса, Рованиemi, Каяна и других пунктов.

В Швеции шло формирование бригады, вскоре прозванной за свои действия Черной.

Правительство буржуазии сумело отлично использовать то время, пока в городах южной Финляндии рабочие торжествовали победу. Руководство рабочих занималось законодательством, и, несмотря на то, что был создан центральный штаб Красной гвардии, отряды в каждом городе действовали самостоятельно...

Здесь, у этой деревни, кончилось наступление красногвардейцев, не поддержанное достаточными резервами и проведенное наспех. Белые же здесь сосредоточили главные силы. И командование, и войска, и технику. И хотя основная их надежда была на иностранную помощь, в этом участке фронта, вблизи узловой станции, которую они считали важнейшим пунктом, белые отряды дрались ожесточенно...

В третьей атаке отряду, в котором были Ивар, Симха, Ганнес, отец Ялмара и двести других красногвардейцев, удалось продвинуться перебежками на сто метров.

Но спускались быстрые сумерки. Снег шел все гуще и гуще... Здесь надо было провести ночь... без огня, без костров, без теплого платья...

Кто мог предвидеть, когда они уходили из города, что дело будет такое затяжное и что воевать придется в лесу и на поле!

Красногвардейцы залегли за покрытым снегом своеобразным бруствером, сложенным из камней всевозможных размеров...

Поля Финляндии и Карелии каменисты. Кроме огромных валунов — следов пути великих ледников — землю усеивает бесчисленное множество маленьких валунов, каменных обломков. О них тупится плуг, — здесь сложилась поговорка о косе, нашедшей на камень... Перед пахотой расчищаются луга и пашни, щедрые только на камни. По краям дорог сваливаются груды эти унесенные с полей булыжники, — так образуются каменные неправильные ограды и межи.

Красногвардейцы в схватках последних двух недель научились пользоваться этими наваленными камнями, как прикрытием. Вот и

сейчас они прилаживаются в снегу около камней...

Когда спустилась тьма, противник залег в тридцати метрах от красногвардейской цепи — за таким же каменным естественным бруствером — на другой стороне поля.

— Непременно, когда кончится война, — сказал Симха, — я запатентую изобретенный нами способ продвигаться под неприятельским огнем и назову его именем нашей роты.

Это он говорил о простой перебежке, которую только позавчера красногвардейцы его роты впервые стали применять. Сразу же уменьшилось число падающих от неприятельского огня. Красногвардейцы были довольны этим изобретением.

— Ладно, ребята, — говорил Симха, — еще одну только ночку эту... С утра ударим. Завтра будем спать в избах, натопим уж за милую душу...

Ивар с любовью взглянул на Симху. Казалось, в чем только душа держится. А вот поди ж ты, и веселее всех и другим еще жару поддает...

— Эх, пойти сейчас вздремнуть минуток так с шестьсот.

От снега руки у Симхи приятно горели, он выкрикнул:

— Эй, лахтари, что вы там все померзли!.. Отзовитесь, сволочи!

В ответ затрещал близкий пулемет, и, отбивая осколки, несколько пуль ударились в камни заснеженного бруствера.

— Получайте ваши хлебные карточки!

И снова вспыхнуло несколько вражеских выстрелов.

— Смотрите, ребята, — и Симха повысил голос, чтобы было слышно красногвардейцам. — Смотрите, вот и они, лахтари-буржуи, дают кое-что рабочим. Вот свинец дают... А я-то думал, что

никогда ничего они дать нам не могут. Старый лесоруб доказал это на факте. Шли мы со сплавом... и вдруг хозяйчик возьми и поскользнься — и рухни в Саймский канал. А плавать он не умел. Шуточное ли дело — человек тонет... Вот сплавщики и бросились к краю илота, нагнулись к воде и кричат: «Дай руку! Дай руку!»

А хозяйчик все сам старается выскочить из воды, но не может.

Ребята протягивают ему руки и кричат: «Дай руку!» А он знай себе цепляется за скользкие бревна, срывается, головой окунается, выныривает, уже тяжело дышит, а руки не дает... Увидел это старый лесоруб-сплавщик и говорит: «Убирайтесь-ка вы все прочь. Вы не знаете этой породы. Он утонет, а не послушается... Эта хозяйская порода совсем не привыкла что-нибудь давать. Она только берет. Смотрите, как я спасу его...»

И старый сплавщик встал на колени, протянул руку хозяйчику и сказал: «Господни хозяин, возьми мою руку...» Ну, хозяин сразу же и схватил руку, уцепился, и вытянуть его из воды не стоило большого труда... Хотя он был не из тощих.

Так вот я до сих пор думал, что ничего они рабочему не дают. И ошибался. Свинца для нас они не жалеют...

Ганнес, улыбаясь, с уважением взглянул на Симху.

— Всегда у тебя в запасе есть история...

— Правильная история, — подтвердил отец Ялмара и стал развязывать шнурки кистета.

— Холодно, товарищи...

Снег подтаивал от тепла лежавших людей.

— Эх, табачок хорошее дело! — и сосед отца Ялмара, отложив в сторону винтовку, потянулся к кистету...

Он привстал на колени, набил трубку и поднес спичку к табаку и затянулся. Почти совсем рядом хлопнул оглушительный выстрел, и курильщик, не промолвив слова, грохнулся плашмя на утоптаный снег...

Трубка с разожженным табаком откатилась в сторону.

Ганнес привычным движением поправил наполняющий на глаза котелок и быстро оглянулся. Он увидел: в двадцати шагах от камней по полю ползла человеческая фигура в белом халате.

Ганнес, не раздумывая, приложился к винтовке. Выстрелил.

Человек перестал двигаться... Он лежал так в своем защитном белом халате до самого молочного рассвета.

Ганнес видел, как отец Ялмара подобрал трубку убитого товарища — табак в ней краснел угольком, — и затянулся. Затем старик выпустил клубы дыма и, как бы почувствовав взгляд Ганнеса, сказал:

— Не пропадать же табаку...

Убитого оттащили в сторону.

— Ганнес, смотри, твой первый убитый лежит спокойно, — сказал Ивар и вылез из-за бруствера.

Он тихо подтянул убитого к своей линии, так что лахтари даже и не заметили.

Ивар обшарил труп.

— Ганнес, может быть, ты хочешь посмотреть убитого?

Ганнес молчал...

Как раз в эту секунду рядом с ним оказался Симха. Горбун положил руку на плечо Ганнеса.

— Ты возьми в рот снега, и тогда зубы не будут выстукивать марш, — посоветовал он мальчику.

— Холодно, товарищи, — зевнул кто-то справа и выстрелил.

— Товарищи, берегите патроны! Товарищи, нельзя курить!

Скорее бы, наконец, рассвет...

— Ребята, — протянул кто-то сзади, — а говорят, что валенки прибывают и нам завтра их раздают...

Снег переставал... Ганнес открыл рот и подставил язык падающим тяжелым снежинкам. Они таяли на языке, не освежая.

Дотянуть бы до утра...

— Тише, товарищи, не кашляйте!

Выстрел ударил на звук кашля.

— Промазал лахтары! — крикнул красногвардеец.

— В субботу сходим в баню в Гаммерсфорсе, — вызываяще крикнули у лахтарей...

— Мы вам и завтра здесь пропишем баню!

Было темно и холодно... Симха возвысил свой грудной, сильный и мягкий голос. Этот голос доходил до самой души. То были стихи о герое, о бунтаре-вожаке крестьянской революции, триста лет назад поднявшей финский народ против шведского дворянства, против угнетателей. Из-за предательства оно окончилось печально, это героическое восстание народа, но память об его вожде, крестьянине Якко Илко, жива в сердцах трудового народа.

Святое дело Илки

Живет в родной земле.

Он прожил истым финном

И кончил жизнь в петле...

«Наверно, и тогда тоже были бураны и метели... Наверно, у него тоже не раз мерзли ноги, когда он воевал с господами. И, может быть, так же на его ресницах таяли снежинки», — подумал Ганнес.

«Совсем как соловей — серый и малый, а голосище!» — восхищался про себя Ивар.

А Симха продолжал читать про лихое время, когда вся страна изнывала под тяжелой пятой шведов-завоевателей.

И кто тогда не плакал
Под злой и наглый смех...
Не плакал Илко Якко
Один, один из всех...

«Все ж таки он был покрепче, чем я», — Ивару стало немного совестно недавних своих слез. А стихи все звенели в морозном воздухе — стихи о восстании трудящихся — о призыве Илки:

Победа ждет детей труда.
— О, храбрые, поверьте —
Дорога к счастью всегда
Близка к дороге смерти!

Весь народ восстал. Рыцари и помещики были сметены народным гневом. Но в бою под Нокия — из-за предательства — войска Илки были разбиты, он сам схвачен и в назидание повешен мстительными господами.

В иные дни в ином бою
Я песню Илки вам пою:
Нет, лучше смерть в бою святом,
Чем жизнь влачить в ярме рабом!

— Что правда, то правда, — пробормотал отец Ялмара и, откинув в сторону докуренную трубку товарища, выстрелил в темноту, в которой прятались потомки тех, кто погубил крестьянского сына Илку. И оттуда вместо аплодисментов (лахтари слышали это ночное слово об Илке) раздались выстрелы залпами и вроссыпь...

Так несколько раз ночью читал громко Симха

горячие стихи о славе народной, о его мечтах и борьбе, о лучших сынах трудового народа. У того, кто слушал эти стихи, руки прилипали к винтовкам, холод становился мягче, на сердце — теплее, и ясно было, что перенести эту ночь не так уж трудно. Потом уж, как только Симха снова начинал читать (и откуда он столько знал на память), здесь было слышно, как командир лахтарский давал приказ стрелять; они аккомпанировали чтению стрельбой и стремились его заглушить... Видно, слова песен и стихов брали за живое и шюцковцев.

Все, кто был в ту ночь в этом окопе, навсегда запомнили грудной, низкий, волнующий голос, пробирающийся сквозь темноту и снег к самому сердцу каждого бойца... Запомнили и Ганнеса, поправляющего котелок, Ивара, натирающего снегом щеку, молодого слесаря, изредка вторившего Симхе, и дорогого горбуна... Симху.

На рассвете началась атака.

Снова бежали, проваливаясь в снег... Стреляли, хоронились за каменными изгородями, вбивали обоймы в магазинные коробки. Ложились в снег. Поднимались и снова бежали вперед. Ложились. Ползли по снегу, подбираясь поближе к неприятелю... И снова низкий грудной голос Симхи запевал: «Урра!» Этот запев подхватывался.

Ганнес бежал вперед вместе с Симхой. Его словно несло на крыльях...

Ивар бежал вместе с другими, вслед за Симхой и думал: «Вот какой чудесный у нас запева-горбун»... И в этот момент раздался пушечный выстрел... И другой...

Наша артиллерия уничтожала пулеметное гнездо лахтарей. После третьего выстрела белый пулемет замолчал.

Артиллерист Тетерь хорошо знал свое дело.

Ивар и отец Ялмара — первые вбежали за каменный бруствер лахтарей. На снегу остались только убитые шюцкоровцы. Валялся искалеченный пулемет.

Высота была взята.

Ялмар стоял около орудия Тетеря. Рядом с ним был коренастый, круглолицый человек с седеющими пышными усами, но с оплывающими мешками под добрыми глазами. Это был начальник всей Красной гвардии Ээро. Еще в юности Ялмар читал горячие речи, запросы на сессиях сейма и о том, как лидеры организовывали забастовки и смело выступали против произвола предпринимателей и русского царя. Такие люди, готовые пожертвовать, как они говорили, за дело рабочего класса всей своей жизнью, казались ему всегда существами высшего порядка, не похожими на него, слишком уже любящего эту злую, несправедливую, но все же прекрасную земную жизнь.

И вот один из них — Ээро, да еще облеченный высоким званием начальника Красной гвардии, стоял перед ним. В разговоре с Ээро Ялмар внутренне вытягивался в струнку. Тетерь тоже слушал весь разговор, который ему переводила Ольга — сестра милосердия при артиллерии и пулеметах.

— Финляндия теперь получила от Советской России, от Ленина, Печеньгскую губу — незамерзающий выход к свободному океану, — спокойно говорил Ээро. — Ленин же подписал акт о независимости нашей страны.

Сказывался большой опыт торжественных речей.

— Финны должны считать себя счастливыми, что эти акты подписаны чернилами, а не кровью, — важно сказал Ээро.

Тут вмешался Тетерь:

— Нет! кровью... независимость Суоми²³ подписана кровью. Кровью балтийцев, кровью питерских рабочих на Дворцовой площади и под Гатчиной. Этого, товарищ начальник, нельзя забывать!..

Не успела Ольга перевести слова Тетеря, не успел Ээро дать на них торжественный ответ, как Тетерь уже торопил ее, чтобы передала она командиру его решительный совет.

Необходимо сейчас же, немедленно во всех частях организовать партийные ячейки. Ячейки были на всех судах Балтийского флота. Необходимо партийное руководство. Это обеспечило бы победу советской власти во всех воинских частях.

Ээро важно погладил усы и торжественно возразил:

— Нам-то этого не надо, у нас вся Красная гвардия сплошь социал-демократическая, никаких особых партийных организаций не требуется.

В то время Ялмару этот ответ казался абсолютно правильным, не требующим никакого обсуждения, и лишь через несколько лет он понял, что моряк был прав.

А сейчас, почтительно разговаривая, он повел Ээро к самой линии фронта. Он хотел привести Ээро на передовую линию, чтобы поднять боевой дух красногвардейцев. До передовой линии оставалось еще с полкилометра, когда они услышали позвонькивание пуль.

Ээро стал поеживаться и с опаской поглядывать по сторонам. Когда же метрах в пятидесяти от них взорвавшийся неприятельский снаряд срезал макушку молодой сосны и она с треском упала, цепляясь за ветки соседних сосен, осыпая снежную пыль, Ээро круто повернулся:

— Что, ты хочешь меня убить? — резко спросил он у Ялмара. — Ты хочешь моей смерти!

Нет, я хочу...

— Мало ли чего ты хочешь, — не дал он договорить Ялмару, — идем обратно!

На обратном пути они все молчали.

Ээро вздрагивал от малейшего шороха, и голова его все глубже уходила в меховой воротник. Ялмар шел позади него и глядел на широкую спину Ээро, он чувствовал себя, как побитая собака... Так вот на самом деле каков тот человек, о котором он так хорошо думал! Так вот каков этот бесстрашный герой, не щадивший жизни. И Ялмару было обидно и за себя, и за Ээро, и за тех товарищей, которые послали его сюда, и за тех, кто верил ему.

Когда они пришли обратно в избу, Ээро молча нашел свой походный саквояж и, распахнув его, вытащил бутылку.

— Коньяк... Лучший, русский, Сараджева. Хочешь рюмочку?

Ялмар отказался и пошел к своим ребятам...

Юкко возмущался:

— У горбуна, говорят, померзли ноги. Мы-то эту ночь в сарае переночевали, и то слава богу. А они на морозе. Несколько поморозили, раненые, те совсем окоченели. А вот, поди ж ты, валенки отдали тем, кто в городе... Разве это справедливо, — разве это по-божески?

— Как раз по-божески, — спокойно возразил Ялмар. — Где же ты видал, чтобы бог справедливость в дележке соблюдал? У кого много, он даст тому еще, у кого мало, он и последнее отнимет.

Всем сидящим у костров в каменном сарае стало весело от такого объяснения.

Но там, на высоте, обдуваемый снежными ветрами, даже Симха не смог утихомирить возмущение бойцов...

— Мы здесь в ботинках мерзнем, а валенки отдали тем, кто в городе спокойную жизнь ведет!..

— Это не случайно!

Раздражал еще и последний номер газеты, так уютно пахнувший на морозе типографской краской. В газете сообщалось о том, что третьего дня уже была взята нами деревня, до которой и сегодня еще оставалось шесть километров.

— Может быть, и все другие сведения такие же правильные? — сказал, укоризненно покачивая головой, старик. — И чего это только Ирмари просмотрел? Ай да сынок!

Потом снова шли в атаку и к вечеру продвинулись к следующей каменной изгороди.

И затем наступила ночь...

Ночь третьих бессменных суток на морозе, без горячей пищи. И большинство было в ботинках.

К ночи усиленно заработали пулеметы противника... И вдруг в темноте пополз от красногвардейца к красногвардейцу слух:

— Нас обходят.

— Нас обошли!

— Сейчас ударят с тыла!

— В штабе сидят предатели...

К часу ночи противник, поддерживаемый артиллерией, неожиданно перешел в контратаку.

Красногвардейцы, ослепленные яркими лучами прожекторов, растерялись. И под настойчивым огнем трехдюймовок противника побежали...

Ни Симха, ни Ивар, ни Ялмар, — никто не был в состоянии остановить отход.

Даже глубокие рыхлые снега.

Шли к железной дороге, стремились к родному городу.

Отступал и соседний отряд, отряд Ялмара...

Они прошли со стычками четырехдневный путь до фронта и сразу же были пущены в дело.

Кавалеристов бросили в атаку на каменный сарай помещицкой экономии. Оттуда били пулеметами и даже трехдюймовкой. Лошади атакующих проваливались по брюхо в снег и едва передвигали ноги. У лахтарей же, наверно, были снайперы. Три раза поворачивали обратно всадники Ялмара, но Ялмару все же удавалось бросать их в новую атаку. В четвертой атаке кавалеристы Ялмара заняли каменный сарай. Белые успели уже отойти. Но все-таки было захвачено три пулемета и испорченная трехдюймовка и семеро пленных.

В сараях стояли коровы. Бойцы Ялмара напились вдоволь парного теплого молока. Коровы также согревали своим теплом бойцов в часы холодных ночевок.

Три дня рубежом был этот длинный неуютный сарай, из которого опасно было выглянуть. Потом белые перешли в наступление и начали бить орудиями по сараю.

Это было очень невесело.

И вот теперь Ялмар ехал на своей белой лошади, держа рядом на поводу другую, запасную, тоже белую. Он качался в казачьем своем седле и перебирал в уме печальные события последних суток.

— Юкко, лахтари стреляли разрывными пулями дум-дум.

— Ты знаешь, кого они убили этой пулей? — горячился Юкко. — Они убили этой пулей лучшего лесоруба Европы... Как он работал!.. Товарищи втыкали в землю колышек по своему выбору, а он подрубал дерево так, что оно вали-

лось прямо на этот колышек и вколачивало его своей тяжестью в грунт. И всегда точно, ни одного раза не промазал. Вот какой был лесоруб.

Да, Ялмар знал этого лесоруба, — он хотел что-то сказать Юкко, но здесь противник повел ночную атаку во фланг, и раздались крики:

— Нас обошли!

— Измена!

Самые боевые ребята поддались панике. Ялмар скакал позади отряда. Всадники торопили коней.

Ялмар обскакал всех на пятом километре.

Он пытался остановить и снова повернуть людей. Надо было спасти часть...

Ялмар поскакал вперед.

Жеребец его теперь шел впереди в этой ночной отчаянной скачке по снежной лесной дороге.

Постепенно Ялмар стал замедлять бег своего жеребца и тем замедлил общую скачку этой бешеной погони за жизнью. Он перешел на тихую рысь. И наконец, минут через двадцать, пустил уже взмыленного коня быстрым шагом. Постепенно к нему подтянулся и весь отряд.

— Стройся! — скомандовал Ялмар.

И вперед на черных лошадях выехали два горниста...

Откуда-то появилось знамя отряда — сразу же за горнистами. Красный флажок с черепом и сложенными накрест костями. Потом песенники — два ряда... А раньше было их двадцать человек. А за ними и весь эскадрон, по четыре в ряд. У всех на правых руках красные повязки.

Ялмар не устраивал переклички, он просто подсчитал, пропустив перед собой ряды. Вместо ста пятидесяти, пришедших с ним неделю назад, теперь было всего семьдесят человек.

Ехали молча, без песен.

По дороге шли отдельные красногвардейцы. Кое-где они сбивались в кучи. Они тоже шли молча. Мелькали огоньки папирос. Казалось все время, что во тьме обступившего дорогу леса кто-то неотступно сопровождает отряд. Было холодно.

Морды лошадей заиндевели.

Потом был рассвет.

Взошло позднее солнце.

Оно озарило хвойные перелески — деревья, занесенные снегом, косые плетни, домики дальних деревень на косогорах, нетронутые снега. Оно плыло расплавленным золотом по краю тучи, и озаренные верхушки дальних лесов казались вдруг выступившими из старинной детской сказки.

— Наверно, именно это место показывал дьявол Иисусу Христу, когда соблазнял его земными красотами, — сказал Юкко, обернувшись к Ялмару.

Ялмар ехал, опустив голову на грудь, едва держа в руках поводья. Он покачивался в такт шагу своей лошади. А солнце уже поднялось высоко. И скоро надо было дать лошадям отдых.

С седла Ялмар увидел знакомое лицо.

Это был рыбак в своей бессменной зюйдвестке.

Вместе с другими ребятами своего отряда он валил у дороги лес.

— Привет, Ялмар! — крикнул он, тоже узнав всадника. — Привет! А мы работаем за милую душу. Лес валим. Раскряжевывать не надо! Заграждение выйдет на славу! Нас лесной работе не приходится учить, слава богу!

Уже скрылся рыбак со своим отрядом из торпарей за поворотом, но долго еще сквозь бряцание уздечек и частый шаг лошадей слышал Ялмар, как раздавались в чаще точные удары топора.

Снова цоканье копыт, мерное покачивание в седле...

Из деревенских домов выходили старики, мелодухи.

У некоторых из них на руках были грудные ребята.

Они долгими печальными взглядами провожали уходящих красногвардейцев.

Седая простоволосая женщина вышла из домика железнодорожного стрелочника. Она помахала рукой красногвардейцам, потом повернулась и пошла прочь. Плечи ее вздрагивали от плача... Что-то в ней напомнило Ялмару мать.

У Ялмара на сердце лежала большая тяжесть... Да и у всех его красногвардейцев. Они покидали прекрасные озера и оснеженные перелески. Правда, получив подкрепления, они скоро вернутся; но пока они вернутся, что могут наделать лахтари в этих чудесных местах?! И все это еще вчера было полностью наше, а завтра? И эти люди, тоскливыми взглядами провожающие их, что с ними станет завтра?

Лошади притомились... Их надо было прищипывать.

Отойдя к обочине, Ивар отсалютовал Ялмару. За плечами у него были две винтовки. Наверно, помогал Симхе. Но нет... Симха стоял неподалеку от него, утомленный и квадратный, опершись на свою винтовку.

Снова стало смеркаться. Железнодорожные пути отошли в сторону.

Лошади спотыкались... и вдруг левая запасная лошадь Ялмара остановилась.

Дальше она не хотела идти. Ялмар отпустил повод и дал шпоры... Но она упорствовала. Он

вгляделся... Лошадь стояла перед каким-то темневшим на дороге тюком.

Ялмар соскочил с седла и, держа в руке поводья, наклонился над этим темным предметом, тронул его рукой.

На дороге лежал человек. Ялмар провел ладонью и нащупал мохнатый, легкий помпон; обыкновенный помпон на женском берете. Берет упал, и под рукой Ялмара расплескались мягкие такие волосы.

Это была женщина. Она дышала...

Позади остановился отряд... Лошади переминались с ноги на ногу, тихо ржали. Красногвардейцы воспользовались случайной остановкой, чтобы затеплить свои носогрейки.

Ялмар поднял женщину... Рукав ее облежала красногвардейская повязка.

На руках Ялмара лежала женщина. Она пошевелилась...

Ялмар влил ей в рот несколько капель крепкого коньяку. В своей походной фляге он возил на всякий случай коньяк и до сегодня даже не пригубил его.

Женщина пошевелилась и вздохнула. Что-то в ее облике показалось Ялмару знакомым. Женщина была одета в мужское платье, она медленно просыпалась. Ялмар посадил ее в седло запасной лошади...

— На коней! Вперед!

Теперь к его заботам прибавилась еще одна. Следить за тем, чтобы подобранная на дороге спутница, забывшись, не сползла с седла. Они ехали совсем рядом. Он своей ногой ощущал ее ногу.

Нежданная спутница дышала ровно и доверчиво, покачиваясь в седле в такт шагу лошади. Она, кажется, спала. Ялмар вытащил карманный

фонарик (он все время экономил батарейку) и навел его на лицо соседки.

Нет, он не ошибался, это была Марта...

Та самая девушка, которую он в ноябре видел хлопочущей у горячей плиты, та самая, которую семнадцать лет назад он оттащил за жидкие ко-сенки.

«Как хорошо, — подумал Ялмар, — что у меня все время с собой запасная лошадь».

Ветка ели задела его лицо и осыпала снегом плечи.

Х. ДЕЛА НА БУМАЖНОЙ ФАБРИКЕ

— Что же, если вы не в состоянии выполнять ваших же собственных законов, обществу придется остановить предприятие, — говорил старший инженер бумажной фабрики. Он скрывал свое волнение под небрежным, слегка нагловатым тоном.

— Вам же будет хуже. Сколько народа останется без работы.

— Гражданин инженер, — резко ответил Айроксинен. — Здесь не место угрозам!

Инженер наставительно сказал:

— Нужно уметь соблюдать свои собственные законы.

Когда Айроксинен и Коски в сопровождении инженера прибыли на бумажную фабрику, митинг рабочих был уже в полном разгаре. На дворе собираться было холодно, а самым большим залом, способным вместить большинство рабочих, был зал новой бумажной машины. И в этом зале работала беспрерывно огромная машина, — полужидкая масса ложилась на медную сетку и пробегала к громадным, безостановочно вращающимся цилиндрам. Влажная бумага бежала между

горячими цилиндрами, осушаемая плотными зелеными сукнами и, пробежав с пятьдесят метров, быстро сворачивалась в большие белые рулоны. Сбоку у цилиндров, поправляя ход и скрепляя рвущийся иногда поток бумаги, суетились тонкие подростки. На этой работе пожилым было трудно. Машина работала быстро. В большом зале было жарко, и хотя шум от работавшей машины заглушал громкую речь, здесь происходил митинг, общее собрание рабочих фабрики.

В самом факте назначения митинга в машинном зале — самом оберегаемом месте — инженер видел непорядок и безглаголиво морщился.

Зал был переполнен, оратору приходилось напрягать свои голосовые связки, и все же трудно было дальним услышать все его слова. Парнишкам тоже хотелось бы послушать, что говорится, хоть краем уха, но машина требовала неотступного надзора. На вершине положенных друг на друга рулонов громко говорил оратор:

— Итак, товарищи, вопрос ясный, мы должны взять управление в свои руки.

Ему ответил одобрительный ропот, пронесшийся по залу.

В зале было слишком жарко и шумно. Коски взобрался, поддерживаемый рабочими, на груды рулонов.

— Товарищи! Народный комиссариат наметил точно программу нашей революции, нашей борьбы за права рабочего класса... То, что вы хотите здесь сделать, противоречит решениям... Постановлено было установить рабочий контроль за производством; а то, что предлагает предыдущий оратор, называется социализацией.

— Как бы ни называлось, а правильное предложение, — крикнул кто-то из задних рядов.

Айроксинен стоял внизу и искоса поглядывал

на инженера, раглядывая собравшихся в зале рабочих... Среди них было много вооруженных; красногвардейцы, работавшие раньше на этой фабрике, имели сегодня право решающего голоса. Среди них был Ивар — монтер, слесарь механического цеха Рагнар и работавший на дефибражах Юкко.

— Всякая революция делается сама по себе; думать, что ее приход можно отдалить или ускорить, могут только беспочвенные мечтатели...

— Да поскользнься ты на своей собственной слюне, — выкрикнул вдруг Рагнар, прозванный товарищами молчаливым.

Аудитория явно не хотела слушать Коски.

— Он подослан господами!

Эти реплики разозлили Коски.

— К господам я имею меньше отношения, чем ты... Я рабочий лесозавода, распильщик. У меня отхвачена пилой рука... А интересы рабочего класса требуют только контроля...

Притихшая было аудитория снова зашумела...

— Где хозяева? — спросил у инженера Айроксинен.

— Не знаю, — пожал тот плечами, — какое это имеет отношение к делу...

— Да, известно, все правление у лахтарей. Перебежали!.. — ответил за него стоявший рядом бумажник.

Другой рабочий подтвердил:

— Они уж, как пить дать, у лахтарей.

— Ваше слово, — Айроксинен подтолкнул инженера.

Тот выпрямился, как на параде, и не стал взбираться на рулоны, а с места громким голосом произнес:

— Я заявляю, что если подобная неразбериха будет продолжаться еще хотя бы два дня, я от

имени правления фабрики вынужден буду остановить работу предприятия.

— А где правление фабрики? — снова громко спросил Айроксинен.

— Это дела не касается!..

Тут собрание вспыхнуло, как костер, в который плеснули керосину.

— К чорту!

— Он нам угрожает!

— Убить собаку! Не закроете, не ваша власть.

Айроксинен был уже на вершине рулонов. Очки его поблескивали. Он снова ощущал то, что и в дни свеаборгского восстания, когда разбирали железнодорожные пути, чтобы не допустить русские карательные части, и тут на него нахлынули точно такие же ощущения, какие пришли, когда в день освобождения из тюрьмы старые товарищи приветствовали его на вечеринке, устроенной по этому случаю... И еще такое, когда у него родился первенец...

Товарищи были с ним — и он понимал их... Да ведь с ними можно и в огонь и в воду. Они много хотят и еще больше сделают.

Жаль, что он не так молод, как этот мальчишка в котелке, с винтовкой за плечами. Он сказал:

— Товарищи! Может быть, революция и приходит сама, но раз она уж пришла, то гнать ее прочь не наше рабочее дело. Контроль над производством — отлично! Но скажите мне, кого контролировать, если хозяева, как зайцы, метнулись в кусты... И хорошо бы только метнулись, а то они из этих кустов поливают нас пулеметным огнем. Товарищи красногвардейцы, которые находятся в этом зале, могут подтвердить мои слова. А здесь хозяйский приказчик грозит завтра закрыть совсем фабрику. Что же, закрывай ее завтра. У нас есть еще достаточно силы и умения,

товарищи, чтобы пустить ее сегодня. Господин инженер, для вас она уже сегодня закрыта!

Аудитория словно взорвалась. Били в ладоши. Подбрасывали в воздух шапки. Красногвардейцы стучали прикладами о пол...

Айроксинен хотел стереть пот с лица, но платка в кармане почему-то не оказалось.

Этот жест заметили стоявшие ближние рабочие.

Один из них оторвал от рулона большой кусок белой бумаги и протянул Айроксинену.

Старик стер пот с лица, как истый бумажник, куском белой чистой бумаги.

— Арестовать инженера! — крикнул парнишка у машины и сейчас же метнулся к неугомонно бегущему бумажному потоку.

— Итак, управление фабрикой принадлежит рабочим, — в полном сознании правоты того, что он говорит, продолжал Айроксинен.

— Прошу намечать кандидатов...

Пятерку рабочего управления выбрали очень скоро.

— Товарищи, — сказал председатель пятерки, тот самый рабочий, который говорил, когда Коски и Айроксинен пришли на собрание. — Мы первым делом попросим удалиться с собрания господина инженера. А потом есть текущие дела. Нам надо усилить выработку... Во-первых, в Советскую Россию отправляются несколько поездов за хлебом и продовольствием для наших трудящихся. В России нехватает бумаги, так вот мы и пошлем в обмен на хлеб бумагу.

— Правильно!

— Ладно!

— Одобрено!

— Одобрено единогласно... Второе. Командир красногвардейских отрядов заявил, что лучшего материала для баррикад, чем бумага, он не может

и придумать. И вот нам нужно дать бумагу для баррикад, если враг подступит к городу...

Это предложение было тоже принято единогласно.

— Какие молодцы! Такое единогласие — уже славнейшая победа, — сказал Айроксинен Коски, который все время угрюмо молчал.

Но сейчас Коски прорвало.

— Ты ответишь перед партией за сегодняшнее поведение.

— Токой и другие, входившие в буржуазное правительство, не отвечали перед партией.

— Эта подрыв дисциплины!

— Нет... Это масса впереди руководителей...

Они стояли уже в дверях.

— погоди, послушай...

С вершины груды рулонов какой-то молодой рабочий читал резолюцию. Он, наверно, был в цеху первым запевалой, и голос его заглушал шум машины...

Из полуоткрытых дверей в жаркий зал врывался поток холодного воздуха.

Стоя в дверях, Айроксинен и Коски слушали резолюцию.

«В манифесте финляндского народного комиссариата говорится, что члены комиссариата — социал-демократы. Программа его деятельности в таком случае должна была бы быть чисто социал-демократической. Недостаточно лишь неопределенных слов о социальных и общественных переворотах, которые встречаются в манифесте. Мы, организованные рабочие бумажной фабрики, склонны полагаться на народный комиссариат. Однако, ввиду того, что манифест, по-нашему, в некоторых пунктах колеблется между мелкобуржуазными стремлениями к реформам и экономическими революционными принципами, он являет-

ся не вполне удовлетворительным для революционного рабочего класса».

Коски с силой хлопнул дверью:

— Ты находишься в плену у русских идей. Нам нужна независимая финляндская мысль. Они вышли на холодный воздух.

— Белые тоже дерутся за независимость, — иронически произнес Айроксинен. — Вот листовка, где они называют нас русскими наймитами. — И Айроксинен вытащил из кармана смятую бумажку.

Их уже окружали рабочие.

— Нам, рабочим, независимость была нужна, когда в России был царь и капиталисты у власти... Когда капиталисты были у власти... наши буржуи боялись независимости, чтобы не остаться с глазу на глаз со своими рабочими. Они позвали войска Керенского, чтобы те разогнали Красный сейм. И Керенский пришел им на помощь против нас. А когда рабочие в России пришли к власти, они испугались и стали кричать о независимости. Русские рабочие, чтобы вышибить у буржуазии козыри, как и обещали в своей программе, предоставили Финляндии независимость... Ну, а теперь все дело за нами, ребята... А русские рабочие и трудящиеся — нам братья... и когда мы действуем вместе, мы непобедимы. Помню, когда во время забастовки в 1905 году генерал-губернатор князь Оболенский решил скрыться из Гельсингфорса и спастись от финских рабочих на царевом бронепоезде «Слава», на другой день к нам в забастовочный комитет пришли представители подпольного матросского комитета и сказали: «В тот момент, когда вы захотите и скажете нам, мы арестуем князя Оболенского и выдадим его вам».

Вот как трудящиеся понимают независимость... а буржуи, конечно, хотят висеть на нашей шее,

каждый независимо от другого. Но это не удастся им,—и Айроксинен с гневом разорвал лахтарскую листовку.

Из зала доносился лишь ровный, мерный гул работающей машины, наполнившей своей вибрацией все здание.

— Разные бывают социал-демократы, — усмехнулся Айроксинен. Он увидел в воротах инженера, пытавшегося зажечь на ветру сигару, и по-мальчишески ловко изогнувшись, снял перед ним шапку. — С пролетарским приветом!

ХІ. АЙНО ПОЛУЧАЕТ ФОТОГРАФИЮ

В город были доставлены тела тридцати семи погибших на фронте красногвардейцев.

Решили хоронить в большом парке за городом.

Лопаты скребли мерзлый грунт. Надо было торопиться, чтобы успеть к назначенному часу погребальной церемонии... Сразу под толстым слоем покрытого снегом дерна шел застывший песок с мелкими камешками.

Тела, готовые к погребению, лежали в морге городской больницы.

Женскому батальону было поручено произвести тройной салют в минуту, когда будут опускать в могилу тела погибших.

Айно волновалась...

Во-первых, это будут первые выстрелы, которые сделают ее девушки. Во-вторых, она боялась за девушек, в первый раз они увидят убитых врагами людей, в первый раз они воочию увидят, на что пошли... Не испугаются ли?! Она была еще совсем молода и никак не могла представить, что и ее когда-нибудь не будет на свете.

Сегодня утром Мария подошла к Айно бледная — губы у нее дрожали...

— Пойдем со мной вместе в морг, — попросила она, — мне одной трудно...

Один из привезенных тридцати семи был ее муж.

И Айно пошла с товаркой в морг при городской больнице. Красные ящики гробов стояли открытые. Многих нельзя было узнать, но на деревянных дощечках у ног были написаны чернильным карандашом имя и фамилия каждого. Только у одного не было имени, и лежал он, тихий и спокойный, в русской форменной гимнастерке.

Народ проходил, внимательно всматриваясь в лица.

Мать с двумя девочками останавливалась около каждого гроба и смотрела... Девочка тихо говорила: «Нет, это не папа», и они шли дальше...

Мария сразу же узнала своего мужа. Как будто кто-нибудь ей подсказал, что он пятый от входа, с такой уверенностью пошла она к этому ящику и замерла около него, остолбенев. Айно тоже остановилась.

В лице мужа Марии не было ничего особенного. Такой же, как сотни людей, которые заказывали кофе, которые проходили в толпе по вечерам с фабрики. Щетина на щеках, слегка застекляневшие серые глаза... прямые оледенелые руки. Ноги в носках, — на брюках внизу ледышки.

Мария стояла молча несколько минут, потом протянула руку к телу мужа и взяла его руку в свою...

Рука была холодна... Мария пожала ее и заторопилась к выходу.

Айно взяла подругу под руку. Глаза у Марии были сухи, но плечи вздрагивали, и пока дошли до училища, где теперь был расквартирован женский батальон, Айно казалось, что ее спутница вот-вот упадет.

Но она встала в строй вместе с другими. Сегодня ей дали место не по росту — в первой шеренге.

Когда они строились на улице, перед гостиницей Айно увидела скачущего Ялмара, он тоже увидел ее и, подскакав, на полном карьере разом остановил жеребца рядом с ней... Это было проделано очень ловко. Трудно было не залюбоваться и конем и ловким всадником. Но Ялмар был расстроен.

— Это безобразие! — сказал он Айно. — Распоряжаться сегодняшней церемонией торжественных похорон должен был сам главнокомандующий Ээро, а он накачался, как свинья, и сейчас в штабе без памяти... Что делать?

— Распоряжайся всем ты, — сразу нашла выход Айно.

Но в такой день напиться пьяным! Это было дико.

Ялмар поскакал дальше, а ее отряд двинулся вперед, к загородному сосновому парку — любимому месту рабочих гуляний. На самой горе, в центре парка, откуда виден был весь город, вырыли общую могилу.

Девушки выстроились с трех сторон. Четвертая оставалась открытой. Там стояла украшенная красной материей бричка — импровизированная трибуна.

У подножия холма, на котором вырыли эту первую братскую могилу, выстраивались кавалеристы Ялмара. И хотя все было в порядке, Айно очень волновалась. Ее часть впервые участвовала вместе с другими товарищами в общем действии. Каким-то образом около брички и рядом с Айно оказалась Ольга, приехавшая из Петербурга, и матрос Тетерь.

Они тихо, но оживленно о чем-то разговаривали. Айно искоса взглянула на Тетеря, лицо его покраснелось от свежего воздуха.

«Какой славный парень!» — подумала она.

Небо было высокое и голубое, стоял ясный и свежий день. Слышно было, как потрескивают ветки сосен, все было в снегу, и на желтевший песок, выкинутый лопатами из могил, лежали легкие звездочки снежинок.

И вдруг раздались громкие и торжественные звуки музыки.

Впереди процессии шли духовые рабочие оркестры. Они расплескивали в этом притихшем ожидании мира плавные и горестные звуки похоронного марша...

Ольга стояла рядом с моряком. Разговаривая, она открыла свою сумочку и, вытаскивая носовой платок, выронила на снег фотографическую открытку. Айно нагнулась и подняла открытку. С фотографии глядел на нее с легким прищуром лысый человек с короткоподстриженной бородкой.

— Кто это? Твой отец?

— Нет! — Ольга взглянула на нее с недоумением. — Нет. Это Ленин.

— Ленин? Неужели он такой!

Айно думала, что у Ленина длинные волосы, ну как у Маркса или Энгельса, и если уж у Маркса и Энгельса бороды, то у русского революционера обязательно должна быть большая окладистая борода... А вот поди ж — совсем другой... обыкновенный... И, наверно, веселый...

Так в первый раз Айно увидела фотографию Ленина.

Торжественный марш звенел совсем близко. Траурная процессия приближалась. Оркестр, продолжая играть траурный марш, выстроился у брички.

По обеим сторонам дороги уже стояли красногвардейцы. Они скрестили штыки своих винто-

вок, а те, которые стояли у самой могилы, соединили концы шашек, образуя коридор. И через этот коридор люди с обнаженными головами несли обитые кумачом досчатые гробы.

Гробы медленно проплывали перед строем, и их на полотенцах опускали в широкую яму.

Оркестр играл приглушенно. Все стояли, затаив дыхание, глядя, как проплывают по коридору и становятся один подле другого гробы. Солнце освещало эту процессию. И хотя у Айно пощипывало глаза, — было совсем не страшно, а только печально и очень торжественно.

— Вот так бы и меня хоронили! Такой солнечный морозный день, под музыку — и вокруг тысячи товарищей...

Айно стала осматриваться... На севере видно было огромное озеро Несиярви. Снега его резали своим блеском глаза. Высокие берега незаметно пропадали в неоглядных пространствах... Озеро было пустынно. На юге лежало такое же огромное озеро Нюхейрви. Оно тоже было безлюдно. А на востоке от горы внизу был виден большой промышленный город со шпилями киров, с высокими трубами и многоярусными корпусами фабрик. Потом за протоком шла железнодорожная часть города... Хотя гудков паровозных отсюда не было слышно, но розоватые в солнечном свете дымки и пушистые, словно ватные, столбики пара показывали, что жизнь на путях еще продолжается.

Айно оглянулась на строй. Лица девушек были серьезны и сосредоточены. Они внимательно смотрели на то, что приходилось видеть им впервые. У некоторых были от напряжения раскрыты рты, другие же в волнении плотно стиснули губы. И ни у одной в глазах Айно не нашла робости. Если она что-нибудь понимала в людях, то при виде убитых лахтарями девушки испытывали лишь

большую злость и решимость. Выбор ими уже был сделан... И сейчас всем своим энергичным видом они только подтверждали его.

Ялмар подскакал к бричке.

Он взглянул на женский батальон и тоже остался доволен. На козлах уже стоял оратор... Женщина. Первая в мире женщина — депутат социал-демократической партии в сейме.

Она была сейчас разъездным агитатором партии. Она была прирожденным оратором, и даже, когда однажды ночью, уже через месяц, она вдруг проснулась, ей показалось, что ее разбудили аплодисменты... На самом же деле у дома хлопали пулеметные очереди...

Айно увидела на ее ногах шелковые чулки.

В яму плавно опускали тридцать седьмой гроб... Оркестр перестал играть. И смяв вооруженный коридор, могилу обступила огромная толпа...

И тогда с козел зазвенел высокий и ясный женский голос...

— Товарищи!

Она говорила о великом деле международной рабочей революции, о близкой и полной победе трудящихся и демократии. Рядом с ней стоял однорукий Коски. Он снял шапку, Ялмар запомнил:

— Умереть за дело революции, значит жить для славы человечества!

«Да, они настоящие герои, настоящие люди, — торжественно подумал он о погибших. — Как будут хоронить меня?»

Ялмар с седла увидал в толпе — Ивар стоял рядом с Симхой, и оба слушали, затаив дыхание... Юкко... Рагнар... Отец протирает синим платком очки.

А оратор заканчивал речь:

— Товарищи, которых мы сейчас хороним,

вернулись в город героями. Рядом с ними лежит один товарищ, фамилии которого мы даже не знаем. Русский товарищ, он, сын чужой страны, пришел помочь своим финским товарищам в борьбе против капитализма и отдал за это дело свою жизнь. Он лежит без имени, но никогда не будет забыт... Память о таких людях живет вечно!..

Она кончила говорить. Айно же все еще продолжала слушать и чуть не упустила подать команду.

— Он лежит без имени, но никогда не будет забыт, — тихо повторила она и, вспомнив о своем батальоне, взмахнула рукой и скомандовала: — Огонь!

Вместо залпа началась разрозненная беспорядочная стрельба... Точно швыряли свинцовую крупную дробь на лист кровельного железа и дробинки подпрыгивали, стуча по этим листам.

Айно увидела, как некоторые из ее девушек поставили винтовку к ноге и с недоумением потирали ушибленные отдачей плечи. Бедняжки! Они стреляли первый раз в жизни... Они даже и не подозревали до сих пор, что существует отдача. Айно тоже не знала, что стрелять надо учиться заранее.

Теперь схватил Ольгу за рукав:

— Понимаешь теперь! Я тебе говорил, что самое трудное заставить их учиться военному делу. Они думают, что это приходит от бога!..

Все же через минуту несколькими девушкам удалось выстрелить вместе...

От стрельбы лошади стали нервничать.

— Отставить огонь! — скомандовал Ялмар.

Застучал, ударяясь о доски, песок...

Люди сняли шапки и сначала тихо, а потом громче запели похоронную песню и, спев ее, стали расходиться...

Айно кусала губы, ей казалось, что теперь и

она и весь батальон окончательно опозорены. Но все присутствующие, кроме Ялмара и Тетеря, думали, что так и надо перед могилой стрелять вроссыпь.

Никто и не подозревал, что женский батальон получил первый урок стрельбы...

Люди расходились к своим обычным и необычным делам.

Кавалеристы ускакали, обогнав других.

Женский батальон выстраивался в походную колонну.

Айно подошла к Ольге.

— Подари мне карточку товарища Ленина, я покажу ее всему батальону.

— Ладно.

Ольга снова открыла свою сумочку и не без сожаления простилась с фотографией. Айно положила ее рядом с партийным билетом и красногвардейской карточкой и скомандовала, как ее учил Айроксинен:

— Шагом марш!

«Чорт дери! Какая тишина в городе, какая здесь мирная жизнь... Глядя на эти лавки, на дома, на этих спокойных прохожих, ни за что не подумаешь, что вблизи уже неприятель. Что позавчера еще я не мог остановить бегущих! Да и была ли вообще паника... Если бы не свежая насыпь братской могилы, можно было подумать, что вся эта неделя была только в моем больном воображении». Так, раздумывая, Ялмар подъехал к штабу.

Оттуда вышло несколько красногвардейцев. Они были веселы.

— Идем в отпуск! Ээро, главнокомандующий, разрешил нам!

— Чорта с два! — И Ялмар ловко соскочил с седла...

У дверей, однако, его задержали.

— Товарищ командир, — произнес робкий женский голос.

А, да это подобранная вчера девушка!

— Здравствуй, Марта!

Оттого, что командир узнал и назвал ее по имени, щеки девушки зарозовели.

— Товарищ командир, у тебя нет еще в штабе курьера-ординарца?

— Нет.

— Возьми меня курьером-ординарцем.

«А в самом деле у меня нет курьера», — подумал Ялмар. И конечно, ординарец был ему необходим, а то самому надо бегать передавать каждую мелочь, хлопотать по пустякам... И он сказал Марте:

— Ладно, будешь моим ординарцем.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

1. ПОЗДРАВЛЕНИЕ НАРОДНОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО

Народный уполномоченный по иностранным делам, неутомимый, принципиальнейший Ирья Сирола, прибывший в город для того, чтобы приостановить отступление, выходил из дома Армии спасения. В этом доме он собрал всех командиров красновардейских частей, находящихся в городе и в пригородах.

Ялмар проспал начало заседания. Сегодня по-настоящему он отоспался за две недели. Он торопился на заседание, не успев даже помыться, и все-таки опоздал. Народный уполномоченный выходил из здания.

Увидев Ялмара, он остановился, приподнял шляпу и протянул ему руку. Ялмар покраснел от удовольствия и пожал руку товарища Сирола. Тот, мягко улыбаясь, произнес:

— Поздравляю вас, товарищ Ялмар. Сейчас вас на общем собрании командиров выбрали главным начальником обороны города.

Ялмар пожал руку народному уполномоченному и затем по-военному приложил руку к шапке:

— Вместо того чтобы поздравлять меня, вы бы лучше спросили, какие цветы я больше люблю...

Глубокие серые глаза товарища Сирола на мгновение выразили удивление.

— Для того, чтобы знать, какие цветы положить на мою могилу! — пояснил Ялмар.

Сирола снова мягко улыбнулся и сказал:

— Рабочее правительство подтверждает решение командиров. Оно вам доверяет, товарищ.

— Надо идти, а то опоздаем к поезду... Куда это запропастился товарищ Ээро?

Они пошли.

— Ты будешь главнокомандующим; всеми рабочими и заводскими делами будет ведать Айроксинен, по военным делам тебе в помощники избран командир батальона кожевников и грузчиков Кальюри.

— Кальюри? Тот самый! Депутат?

— Да, он. Дней через пять-шесть ты получишь подкрепление в десять тысяч человек, а пока — твоя задача продержаться во что бы то ни стало. Выдержишь?

— Раз правительство рабочего класса мне доверило, значит, надо выдержать...

— Ладно... Так действовать учил нас и товарищ Ленин.

— Пусть Ээро едет следующим поездом! — крикнул секретарь.

Машина тронулась.

Товарищу Сирола нравился этот высокий, сильный, красивый парень. Правда, он, кажется, не слишком силен в марксистской науке и любит

эффектные фразы. Это, конечно, не так хорошо. Но если это может принести пользу, то...

Машина проехала по мосту над водопадом и катила к железнодорожной станции.

— Парень решительный, — сказал секретарь. Сирола кивнул головой.

Секретарь озабочен тем, что Ээро оставался в городе, — где он сейчас?

Ялмар стал разыскивать своего избранного помощника — начальника штаба.

Кальюри... Это имя было известно издавна. Он был депутатом сейма, социалистом. Сам мелкий кустарь-кожевенник, он являлся на заседания сессий сейма, демонстрируя свое пренебрежение к буржуазным вкусам, совершенно босым, с грязными ногами... Правда, для этого ему приходилось специально пачкать ноги, а ботинки он снимал перед ошеломленным гардеробщиком в самом здании сейма. Такое поведение, он думал, должно было вызвать к нему любовь среди батраков, торпарей и люмпенпролетариев... Но на деле оно вызвало только несколько скандалов на заседаниях сейма, — буржуазные газеты писали о «непарламентских эксцессах», карикатуристы тоже поживились. Во всяком случае Кальюри добился того, что имя его стало широко известно даже и за пределами страны.

Теперь он стоял пред Ялмаром. Про него говорили, что он одет в ремни, так много на нем было ремней, кроме портупей... Они все были свежие и пахучие. На ногах крепкие лакированные краги. Шаровары с пришитыми на месте лампасов широчайшими красными шелковыми лентами. Высоченная белая папаха с пересекавшей ее тоже шелковой красной лентой.

— Настоящий генерал!

Кальюри познакомил Ялмара с двумя своими адъютантами — молодыми парнями. С прямыми проборами и набриолиненными волосами, парни тоже были перекрещены ремнями.

— Весь мой отряд ходит в коже, — горделиво произнес Кальюри. — Почти всем ремни приготовил я сам. Чтобы у командира-кожевника красногвардейцы ходили как ошипанные куры, — да никогда! Это был бы позор рабочего класса!

Под окнами раздалась громкая походная песня.

Ялмар и Кальюри бросились к окнам.

Мимо проходил батальон гельсингфорсцев строем, с песней.

— Куда вы? — закричал Ялмар.

Кальюри пожал плечами:

— Командир не должен кричать в окна, это снижает авторитет, — наставительно сказал он, — командир должен все узнавать через адъютанта. Узнай! — приказал он адъютанту.

Ялмару не ответили... А адъютант через несколько минут вернулся и отрапортовал Кальюри:

— Гельсингфорсский батальон постановил на общем собрании идти домой в отпуск.

— Кто им разрешил? — перебил Ялмар.

— Этого я не знаю. Наверно, главнокомандующий Ээрс.

Гельсингфорсцы этого батальона действительно не были дезертирами. Они не были трусами, эти парни. И это они блестяще доказали через месяц на баррикадах Гельсингфорса.

Но, воспитанные социал-демократической парламентской практикой, они в эти дни с трудом представляли, как надо воевать, и полагали, в большинстве, что воинская дисциплина в бою

должна быть похожа на профсоюзную демократию. И разве только двое из ста из них держали до сих пор в руках оружие; но и это оружие было охотничьим, а не боевым.

Ялмар помолчал и затем тихо произнес:

— Нам предстоит огромная работа, надо дисциплинировать и реорганизовать все наличные силы.

Кальюри небрежно кивнул головой.

— Имей только в виду, — сказал он, — что мой отряд остается так, как есть, все остальное делай, как хочешь, — ты командир.

Ялмар удивился словам своего помощника и продолжал развивать план действий:

— Надо людям, которые хотят уйти и боятся драться, предложить сдать оружие и профсоюзные билеты и немедленно покинуть город.

Через день штаб так и сделал, и людьми, желавшими уйти из города, оказалось, можно было загрузить длиннувший товарный состав... Поезд вышел утром по расписанию, но скоро вернулся обратно... Белые его обстреляли. Пути были уже отрезаны, город окружен, и им тоже нужно было драться.

Но накануне вечером все же успел пройти из города последний состав — паровоз и два вагона. С этим составом ехал бывший командир всей Красной гвардии — Ээро.

Все произошло так...

В штаб позвонили...

— Кто?

Ялмару ответил командир отряда, стоявшего на опушке леса за городом:

— Мы наблюдаем появление лахтарских отрядов, а главнокомандующий Красной гвардии Республики Ээро требует, чтобы все немедленно пришли в город, в почетный караул на вокзале...

Я отказался. Он требует и поносит нас последними словами. Красногвардейцы разозлены. Что делать?

— Выполняйте то, что я приказал; а он пусть обращается ко мне. Откуда он звонил? Со станции? Из буфета?

Ялмар с Кальюри немедленно выехали на машине на вокзал.

Все автомобили в городе были конфискованы Красной гвардией, и Ялмар выбрал для штаба машину последней марки — открытое рено. В буфете за столиком, где Ялмар в ноябре сидел с братом, грузно восседал Ээро...

— Что же ты делаешь, вмешиваешься в оперативные распоряжения!

— Ну и что же, — пробасил Ээро, — вмешаюсь!

— Я здесь отвечаю за все...

— Ну и ответишь, — так же невозмутимо сказал Ээро.

Затем он неуклюже встал и опрокинул стул.

— Уйди, попугай, — мрачно сказал он и со всего размаха ударил Кальюри по лицу.

Кальюри бросился на него, схватил за плечи и начал трясти.

— Меня так легко не возьмешь, — сказал Ээро и схватил со стола стакан.

— Именем революции ты арестован! — не помня себя от злости и обиды на то, что он ранее уважал такого человека, крикнул Ялмар.

Стакан выпал из рук Ээро и, упав на плиточный пол, не разбился.

— Кто ты такой, чтобы меня арестовать... Сопляк... Я еще в 1906 году организовывал Красную гвардию.

— Сдавай оружие, — Ялмар приходил в себя. — Ты предатель!

— Я оружие сдам только Совету народных уполномоченных.

— Вот мы тебя и отправим туда... под конвоем... там и поговоришь...

— Ну, это дело другое, — успокаиваясь, ответил Ээро. — Так бы ты с самого начала и говорил. А то лезешь в драку, — вдруг он снова взглянул на Кальюри и крикнул: — Убери «Генерала», — и, положив голову на руки, громко заплакал пьяными слезами.

Револьверы висели у пояса Ээро справа и слева. Кальюри взял их себе как бы в компенсацию за удар.

Ээро продолжал плакать у столика. Он был противен до крайности.

Через два часа, обезоруженный, под охраной, как арестант, он был отправлен в Гельсингфорс. Сопроводительное письмо, подписанное Ялмаром и Кальюри, было написано Ирмаром.

В ту ночь Ялмар и Кальюри спали на складных походных койках, в одной комнате. Утром Ялмар проснулся от того, что Кальюри кричал на адъютанта.

— Ты что, дурак, службы своей не знаешь? Пойди немедленно на улицу и скажи мне, какая погода, чтобы я знал, какого цвета надеть краги.

Искоса поглядывая на своего начальника штаба, Ялмар стал натягивать на ноги высокие сапоги.

Потом Марта принесла газету. Огромным шрифтом, жирной шапкой выделялось сообщение:

«Совет народных уполномоченных поставил во главе всей Красной гвардии коллегия из трех лиц под председательством народного уполномоченного по внутренним делам товарища Тайми». ²³

II. СИГРИД

В штабе было, как всегда, шумно.

Люди суетливо пробегали по комнатам, уходили, возвращались, громко спорили друг с другом. В углу прямо на полу, без всякой подстилки, обняв свои винтовки, спало несколько красногвардейцев. Увидев Ялмара, многие метнулись к нему. Требовалось тут же на месте разрешить десяток мелких вопросов, от которых разбухала голова.

— Да идите же к Айроксинену, идите к председателю комитета, — некоторых Ялмар сначала отсылал к Коски, но затем тут же сам разрешал спорные вопросы, потому что боялся, что Коски разрешит их опять неправильно и снова лахтарские дети на улицах будут подтрунивать над рабочей властью.

Среди мужчин Ялмар заметил девушку. Она была совсем непохожа на Марту, хотя и такая же светловолосая, сероглазая, — она была бледнее и тоньше.

— Ты ко мне? — спросил он.

— К тебе, товарищ начальник! — утвердительно кивнула она.

— Ну, говори, в чем дело?

— Я не могу при всех, — она смутилась.

Ялмар, ожидая секретных известий и донесений от лазутчиков, пригласил ее в соседнюю комнату.

Он запер за собой дверь, комната была маленькая и полутемная.

Положив голову на столик, сладко спал Ивар.

— Ладно, — остановился Ялмар, — говори.

— Меня Айно не принимает в женский батальон смерти, — пожаловалась девушка.

— Ну и что ж?

— Я пришла проситься в батальон... Она меня не берет. Я стала спорить. Она послала к главному командиру и сказала, что все будет так, как вы решите. Я хочу драться с лахтярями.

По голосу девушки можно было понять, что эти слова идут из глубины души.

«Вот так же я в юности хотел попасть в Америку», — подумал он и спросил:

— Почему же Айно не берет тебя? Ты, может быть, больная, слабая?

— Нет, я совсем, совсем здоровая, — вспыхнув, сказала девушка, — но она не хочет меня брать...

— Почему? — строго спросил Ялмар.

Этот разговор явно касался личных дел и не имел отношения к фронту, поэтому надо было скорее кончать его.

Девушка мяла в руках носовой платок.

— Мне придется вам рассказать все, товарищ начальник, только я обещаю вам, что буду хорошим красногвардейцем и не опозорю этого звания..

— Ты, наверно, не член партии? — догадался Ялмар. — Но ведь уже десять дней, как отдано распоряжение принимать в гвардию и беспартийных, и Айно это знает.

— Да, я не член социал-демократической партии, — робко подтвердила просительница, — но я...я проститутка... я была проституткой.

— Так вот оно в чем дело! — Ялмар теперь уже не удивлялся решению Айно.

— Да, я думаю, что Айно, пожалуй, правильно рассудила...

— Неужели и вы меня оттолкнете? — быстро заговорила девушка. — Неужели и вы такой же, как все бабы и как эти буржуи... Я думала,

что красные меня хоть за человека считать будут!

Ялмар видел, что она вот-вот расплачется. Но девушка сдерживалась изо всех сил. Только на лице ее проступили красные пятна...

— Ну, кто? Ну, кто, — повторила она, — может еще так ненавидеть старую жизнь, как я... Ведь что они со мной сделали? — Она остановилась, чтобы перевести дыхание. — Мне только двадцать четыре года... А вы тоже отталкиваете меня. Куда же идти мне?

В словах ее было слышно отчаяние...

— Да, я была проституткой, но разве я, разве я виновата!..

— Милая, здесь не надо истерик, — сказал Ялмар и сразу же почувствовал, что говорит не то.

А она стояла перед ним, смущенная и расстроенная, требующая правды.

— Но если ты будешь в отряде, это может бросить тень на весь отряд, — проговорил он уже не так решительно.

И девушка, почувствовав колебание, стала еще настойчивее.

— Ладно, — сказала она, — я хотела расстаться с прошлой своей жизнью, я хотела сама расстрелять ее. Я радовалась этому освобождению, а ты меня снова гонишь обратно на улицу... Ты идешь на бой с лахтарями, а сам признаешь все законы, которые они установили для нас.

— Кто тебя научил так говорить? — изумился он, а про себя подумал: «и впрямь, не похож ли я на Коски, ведь эта девушка права».

— Сладкая жизнь меня выучила, — усмехнувшись, сказала девушка. — А ты думал, что я только и должна говорить: «Кавалер, угости па-

пироской», или: «ночь тебе обойдется шесть марок, миленький».

Когда она говорила эти осточертевшие слова, голос у нее перестал звенеть и стал таким противным — голосом ночных фей Эсплапады.

— Как тебя зовут?

— По приходским записям — Сигрид.

И снова перед Ялмаром стояла милая девушка, робкая и бледная.

— Кто же их так еще может ненавидеть, как я! — тихо сказала она.

— Кого? — не понял Ялмар.

— Лахтарей. Я очень прошу вас...

Ялмар вырвал из блокнота листок и написал: «Айно, прими в батальон Сигрид», — подписался и припечатал самодельной печатью, вырезанной еще в ноябре Рагнармом.

— Вот тебе, — протянул он листок девушке. — Я надеюсь, что ты не заставишь меня никогда жалеть об этой записке!

— О, конечно, конечно, я вам очень благодарна, — сказала девушка.

Она протянула руку Ялмару, но, быстро спохватившись, опустила ее.

— Товарищ начальник, будьте спокойны, — уже официальным тоном произнесла она.

Он отворил дверь, и девушка вышла из комнаты. Через секунду она вернулась и, стоя на пороге, тихо спросила его:

— Товарищ начальник, а в рабочем государстве проститутки будут или нет?

Ялмар никогда об этом раньше и не думал, но сейчас он авторитетно отвечал:

— Конечно, нет!

— Спасибо вам, товарищ начальник, на добром слове, — сказала Сигрид и быстро ушла из штаба, — она торопилась уйти, зажав в руке

бумажку, словно бы боялась, что ее могут отнять.

Ялмар улыбнулся и вышел в большую комнату. Люди теперь группировались около Айроксинена, высокого и седого; он казался моложе, чем многие молодые.

— Тебя опять к телефону требуют, — сказала Ялмару Марта.

Ялмар взял трубку:

— Я вас слушаю... Алло?

— Это говорит Ялмар?

— Да, я...

— Будьте добры, подайте автомобиль на угол Шведской улицы и бульвара.

— Что, что? — вскипел Ялмар.

— Только скорее, — продолжал издевательский голос, — получите крупные чаевые.

— Кто говорит? — невольно спросил Ялмар и в ответ услышал: — Твой хозяин, — и смех...

— Что с тобой? — спросил Айроксинен.

— Дразнят меня тем, что я шофер, — злясь, ответил Ялмар.

— Пусть их, не порть себе нервы, — громко рассмеялся Айроксинен, и молодые глаза его заблестели под серебряной оправой очков. — Представь себе, мне сегодня три раза звонили и спрашивали, в какие часы я буду принимать посуду лудить и паять. Я в ответ — сию секунду... — И он снова рассмеялся. — Они никак и никогда нам не простят, что мы простые рабочие жестянщики, — он показал свои руки, — лесорубы, шоферы, — он указал на Ялмара, — или ковбои, — он снова указал на него, — находимся у власти... Да вот и командуем, и лудить и паять умеем... А вы только командовать, да и то не сумели... — И он снова расхохотался: — Весело живем.

Ялмару стало даже стыдно, что он сердился на

того дурака, которому ничего не осталось, как только злобствовать в телефонную трубку.

— Но шутки шутками, — продолжал, перестав смеяться, Айроксинен, — а надо нам организовать группу по борьбе с внутренними врагами и изъять их из обращения... Ты, может быть, Коски, опять скажешь, что нет инструкции от центрального правительства по этому поводу?

Коски ходил взад и вперед по комнате, с растрепанной шевелюрой и положив руку в карман.

— Да, только эта группа должна действовать в рамках закона и с ограниченными правами...

— Вот, вот, — обозлился Ялмар, — еще нет группы, а уж он ее ограничивает...

— А у меня для этой группы уже первое дело есть, — продолжал Айроксинен. — Эй, ты, иди сюда! — крикнул он, распахнув дверь на лестницу.

С лестницы вошла девушка с головной наколкой горничной.

— Ну, говори.

Девушка стала рассказывать, что сегодня, когда она чистила костюм своему хозяину, в большом платяном шкафу под всем бельем она увидела спрятанный костюм, форму шюцкоровца!

— Молодцом, молодцом! — поощрял ее рассказ Айроксинен. — И вообще у нас есть и другие данные, что ее хозяин — лахтарь...

И когда горничная кончила свой рассказ, Айроксинен сказал Ялмару:

— Я этого субчика уже арестовал. Ну, и тип же!

— Теперь у меня нет места, — сказала девушка.

— А ты в женский батальон хочешь пойти? — спросил ее Ялмар.

— Да, конечно, — сказала девушка, — только не сестрой милосердия, а красногвардейцем.

— Есть, — весело ответил Ялмар, взялся за блокнот и написал записку к Айно.

— Я еще хотела, — сказала девушка, — поблагодарить правительство за закон о прислуге от тридцать первого января²⁴. — И она пожала руку Ялмару.

— Идем, идем, — поговорим, кого назначить в особую группу. — Айроксинен потащил за собой Коски и Ялмара в соседнюю комнату, где все еще, положив голову на столик, спал Ивар.

— Это вторую я сегодня отправил в женский батальон, — сказал Ялмар, — на сегодня хватит.

III. О ТЕХ, КТО НЕ ПРОДАЛ СВОЕЙ ШПАГИ

Город был со всех сторон окружен белыми. На окраинных улицах быстро вырастали баррикады. Ялмар предложил Айроксинену мобилизовать всех трудоспособных мужчин, которые ничем не помогали Красной гвардии. И бритый пастор рядом с лавочником, и адвокат укладывали тюки целлюлозы в плотные баррикады.

Они выполняли навязанную им работу нехотя и неумело. Но приставленные для наблюдения девушки батальона Айно были требовательные и внимательные, и укрепления выходили плохо.

Коски раз попытался произнести перед мобилизованными на эти работы большую речь о достоинствах труда, но его не поняли, речь вышла очень маленькой. Потом Коски ездил объясняться к шведскому консулу, так как по ошибке был мобилизован адвокат, а также негоциант — подданные шведского короля. Они так долго жили в городе и принимали такое деятельное участие в городских делах, что окружающие давно перестали считать их за шведских подданных.

Железнодорожные пути были отрезаны...

Оставшиеся в городе красногвардейцы не унывали. Главным командованием была обещана скорая и сильная поддержка, а до подхода подкрепления, которого ожидали дней через пять, город мог выдержать осаду и штурм уже начавшего наступать противника.

С востока и запада красногвардейские отряды были выдвинуты на три километра от города.

Юг и север были открыты. Огромное озеро, сейчас покрытое льдами, расстиралось на юге, и берегов его не было видно. И другое такое же шло на север... Далеко на север. Соединялись они узким протоком, в котором неумолчно бурлил водоскат — водопад, пороги... Вода, шумя, кипела, разбивалась о камни, падала с высоты, рассыпалась брызгами и снова устремлялась вперед. Стремясь скорее пройти из озера в озеро на протяжении своего короткого полуторакилометрового пути, она падала на восемнадцать метров. Зимой берега протока обледеневали от брызг; бурлящая, никогда не замерзавшая вода казалась горячей... а на прибрежных камнях были ледяные шапки. Около этого водопада и вырос город. Во всех учебниках он именовался финляндским Манчестером, и никаких особых достопримечательностей, кроме самой старой в стране бумажной фабрики, суконной фабрики, льняной и металлической, фабрики толя, целлюлозных и текстильно-бумагопрядильной фабрик, да еще других промышленных предприятий, здесь не было. Правда, были два парка, набережная и красивые озера, но вид на водопад был испорчен высившимися по берегам фабричными многоярусными корпусами, и поэтому праздные туристы его не полюбили. Да еще портил его памятник на островке, с которого так хорошо было видно

мощное, рвущееся вниз падение воды. Огромный бронзовый орел простирал свои крылья над высеченными цифрами: «в 1819 году здесь был Александр I и в 1856—Александр II».

Памятник был красив, но его не любили, как знак народного угнетения. Славилась еще недавно выстроенная из гранита церковь с росписью двух известных художников. Но до росписи ли было теперь красногвардейцам! Впрочем, и лахтарям теперь было не до религиозной росписи. Последняя их атака на восточное кладбище была без особого труда отбита красногвардейцами, залегшими за каменной оградой и могилами.

— Это безобразие, — говорил Симха, — ты, Ганнес, ведешь себя по-мальчишески... Тетерь ведь говорил: когда в тебя стреляют, надо нагибаться и даже ложиться на землю...

— Ну, я не такой трус, чтобы кланяться каждой пуле, — горделиво ответил Ганнес.

— Ну, ладно, не трус, а кто сказал, что не хотел бы остаться среди могил один ночью?

Ганнес вспыхнул, но так же упрямо произнес:

— Все равно я не буду кланяться пулям.

Около ограды стояло несколько походных кухонь, оставленных русскими демобилизовавшимися войсками, — молодые кашевары подкладывали в топки мелко наколотые дрова, и когда у походной кухни приоткрывалась крышка, оттуда шел теплый и вкусный пар. Было приятно вдыхать такой пар и знать, что через полчаса будет обед. Пшенная каша... селедка... кофе...

— Скоро, наверно, сразу после обеда мы пойдем в атаку, — сказал Ивар, — к обеду народу здесь поднаберется — больше не надо. Это ловко все-таки Ялмар придумал.

Ялмар приказал всем кухням перейти на самые передовые линии к фронту, к огню.

И только здесь, на линии огня, могли красногвардейцы получить свой обед и горячую пищу, иные к обеду только и приходили на фронт.

А в городе и гражданскому населению было голодно.

На обед в штабе оставался один лишь дежурный, остальные уходили к походным кухням на фронт... Да начальник штаба Кальюри не захотел подчиняться такому, как он считал, унижительному для него порядку и заставил своего ординарца — племянника из деревни — на керосинке варить ему обед в помещении штаба.

Народ прибывал.

Юкко и Рагнар ели из одного медного котелка... Они сидели на чьей-то богатой могиле. Рагнар положил винтовку к ногам, а Юкко прислонил свою к мраморному кресту... Опуская ложку в котелок, Юкко толковал что-то Рагнару.

— Сам я из Кулоярви, там, в приходе, у меня и семья осталась — жена с детьми и старики ее и мои... Ну, в городе я до революции зарабатывал сносно, помогал дому. Только вот в нашем приходе смехота... Я в бога по-старому верую, всяких сект и Армий спасения сторонюсь... Но вот подите, объявился у нас пастор в юбке... Хорошо говорит и крестит, и надгробную проповедь скажет, как надо... Только как-то неудобно. Женщина — и вдруг пастор!.. А в газетах о ней пишут: «Самая демократическая, мол, страна в мире. Первая в мире женщина-пастор...» Жаловаться на нее, конечно, не приходится, а все ж таки как-то неудобно — женщина.

Каша в котелке кончалась.

Рагнар вытер бумагой ложку, завернул ее и положил во внутренний карман куртки.

— Все бы хорошо, если бы погода потеплее стояла... Лучше бы воевать.

— Что ты, что ты, — Юкко с негодованием отвергал пожелание Рагнара: — лучше увидеть лисицу в курятнике или вора в амбаре, чем теплый март...

Рагнар молчал.

— Холодный март — хороший урожай, — пояснил Юкко.

— Какой там будет урожай — неизвестно, а вот сейчас начнется атака. Это непременно.

— Откуда ты это знаешь?.. — удивился Юкко.

— Мне плевать — мужчина там или женщина пастор у тебя, но вот здешний пономарь — сволочь! Это факт. Уже четвертый раз замечаю: сразу после трезвона с колокольной лахтари идут на штурм... — медленно отвечал Рагнар, застегивая пуговицы на куртке.

Юкко подчищал кашу в котелке.

— После атаки пойдем вместе в город, на колокольню, и пощупаем звонаря, — сказал он.

— Ладно. Надо сказать Ялмару об этом.

Рагнар встал с занесенной снегом мраморной плиты и прикладом стал счищать снег, чтобы прочитать надпись.

Надпись была по-латыни и по-шведски, и они смогли только прочитать фамилию.

«Август Карл Тавастшерна...»

Действительно, как и предсказал Рагнар, через несколько минут началась атака белых...

Это была какая-то странная, неожиданная атака.

Ляхтари бежали, во весь рост, не кланяясь пулям.

На белом снегу, без защитных халатов, они были отличной мишенью даже и для неопытных стрелков.

Из-за оград красногвардейцы прямо на выбор били бегущих лахтарей.

Видно было, как медленно оседают и опускаются в снег раненые, как рушатся навзничь убитые.

И все же лахтари приближались к кладбищу, время от времени на ходу стреляли. Но странно — не только ни один из красногвардейцев не был ранен этими выстрелами, но даже не слышно было характерного пощелкивания пуль о кресты, памятники, деревья кладбища, о камнях ограды.

В уже приближающихся криках нельзя было разобрать отдельных слов.

Странно! Как будто пули белых потеряли свою грозную убийную силу и тем убийственнее казался огонь красногвардейцев.

— Ну, вот же, Симха, ты тоже не кланяешься пулям...

— Ну, Ганнес, я и так горбат, мал ростом, куда ж еще кланяться! — И Симха выстрелил через ограду.

Все-таки это было странно, что пули, которые посылал неприятель, не долетали сюда.

— Эй, мы сегодня заговорены от свинца! — весело сказал Симха и крикнул: — Вперед, навстречу!..

И красногвардейцы, перелезая через каменную преграду, устремились навстречу лахтарям.

Тетерь, стоя на крыше бумагопрядильной фабрики, наблюдая в бинокль картину дальнего боя у восточного кладбища, ругался последними словами.

Внизу, у моста через водопад, стояли его орудия.

— Дураки, сидели бы за оградой... И перестреляли бы белых как куропаток, так нет — штыкового боя захотелось!

Но ему нравилась эта смелость.

— Еще так месяца два, и всерьез научатся воевать... по-настоящему, — сказал он Ялмару, который вышел и стал рядом с ним, на крыше.

— Только что двух лахтарей, агентов, с колокольни снял, — сказал Ялмар, вытирая пот со лба.

— Дай бинокль!

Глазам Ялмара представилась странная картина. Лохтари, бросая винтовки в снег, поворачивались и бежали обратно. Но в них сзади тогда стали стрелять свои же... Ялмар отдал бинокль Тетерю и побежал вниз по лестнице.

— Эй, Марта! — крикнул он, и шофер нажал грушу рожка.

Красногвардейцы, перебравшись через ограду, побежали навстречу лахтарям. Они впервые шли на штыковой удар!

Симха увидел, как лахтарь приложился и почти в упор выстрелил в бегущего рядом с ним Ивару... Заряд попал Ивару прямо в лоб. Сбил с головы фуражку. Ивар вскрикнул и покачнулся.

— Убит! Идет еще только по инерции, — решил Симха, вонзил сразмаху штык свой в выстрелившего лахтаря и сразу же нажал курок.

Лохтарь выпустил из рук винтовку и упал на снег.

Симха освободил свой штык и оглянулся.

Ивар попрежнему стоял во весь рост на снегу, широко расставив свои ноги. В одной руке он держал винтовку за штык, другой снимал со лба какие-то маленькие, мягкие, беловато-серые комочки.

Поднося их к самым глазам и странным, каза-

лось, невидящим взглядом внимательно рассматривал их.

— Мозг! — ужаснулся Симха.

— Кажется! — тихо, не удивляясь, проговорил Ивар.

«И говорит как идиот», — подумал Симха... Он поднял винтовку и со злобой выстрелил в последних уцелевших, убегающих белых...

И снова оглянулся, но Ивар попрежнему стоял на ногах. И глаза его заблестели. Он надкусил комочек, который так пристально разглядывал.

— Соленый творог! — с торжеством сказал он.

Тогда Симха опустил на снег около убитого им белого и раскрыл его патронную сумку... в сумке вперемешку с патронами был самый настоящий деревенский соленый творог.

— Он стрелял творогом! — не понимая еще, в чем дело, развел руками Симха.

Это было, действительно, странно...

Ивар из внутреннего кармана другого убитого белого вытащил профсоюзный билет.

Они начинали понимать.

Вот почему сегодня не было среди красногвардейцев ни убитых, ни раненых.

У некоторых убитых за плечами были берестяные плетеные корзинки, батрацкие торбы-коннги.

— Вот прочти, — протянул Ивару отец Ялмара листок, — взял из кармана убитого!

Записка была написана карандашом.

Симха читал ее вслух, громко:

«Товарищи! Держитесь изо всех сил. Мы — мобилизованные Маннергеймом 7 рабочие и батраки... Держитесь! Через две недели мобилизованные Маннергеймом мужики начнут убегать на полевые работы. Привет, товарищи!»

— Что же это такое, мы своих, выходит, били... — сморщился Ганнес.

Все замолчали в тяжелом раздумьи.

— Мне стыдно, — вдруг громко сказал Ивар. — Мне стыдно, что лахтари, которые проделали эту гнусность, еще называются людьми... Мне стыдно, товарищи, что шюцкеры, так же как мы, финны.

Никто не смог его утешить...

— Мы похороним их в нашей братской могиле и воздадим воинские почести, как подобает товарищам, — тихо сказал Симха.

Красногвардейцы начали подбирать на снегу тела убитых и относить их к ограде кладбища.

Но не успели они убрать все тела, как раздался окрик Ялмара.

Машина его застряла, не доезжая кладбища, и он сейчас бежал по полю. За ним попевала Марта — его ординарец...

— Смотрите! — крикнул Ялмар, указывая на дорогу.

От леска у дороги на Кангасала и по полю вдоль дороги от Мессикюля бежали, держа винтовки наперевес, люди в непривычной форме...

— За ограду! — командовал Ялмар. Но его сначала плохо слушались...

За первой линией атакующих — метрах в ста позади — катилась уже вторая.

— Огонь!

— Огонь!

Скрытые памятниками, заработали пулеметы...

— Они кричали по-шведски. Они кричат по-шведски! — расслышал Ганнес крики наступающих.

На поле оставалось еще много красногвардейцев, и пулеметы не могли работать по-настоящему.

— Назад за ограду! — требовал Ялмар.

Отходили медленно.

Наступавшие, действительно, горланили слова какой-то шведской песни, прерываемой неистовой руганью. И хотя в их рядах падало много скошен-

ных пулями, они все шли вперед, и крики их становились громче, и ругань неистовее...

— Они кричат как пьяные, — сказал Симха Ялмару.

Ялмар отдал Марте найденные у убитых записки, два профсоюзных билета и исписанный листок из своего блокнота.

— Передай в типографию Ирмари.

Пули тенькали, ударяясь о камни и металл памятников, но Марта шла прямо, не перебегая от памятника к памятнику, не торопясь.

Красный помпон на ее синем берете был виден далеко...

— Эх, запретил бы я носить синий берет, — как бы про себя сказал Ивар.

— Что, и она носила синий берет?

Симха услышал, улынулся.

— Как увижу, все кажется, что она идет...

Но Марта уже была далеко; гораздо дальше, чем цепи противника.

Набежавшая вторая волна слилась с первой, сильно поредевшей, и устремилась к кладбищу...

Два красногвардейца, один за другим, отошли от ограды, в глубь кладбища. И потом, прячась среди могил, улыбаясь, медленно они пошли в сторону города, куда ушла и Марта, и выйдя уже из-за кладбищенской ограды, почти бегом устремились к городу.

Ялмар видел это, но ничего не сказал. У него была своя думка.

И тогда в мягком свете мартовского солнца, падавшего за городом, за дальние тихие леса, уже занятые белыми, Ялмар вдруг увидел своего отца...

Старик стоял у самой ограды, которая служила ему упором для винтовки.

Старик внимательно целился, потом, затаив

дыхание, нажимал спусковой крючок. Винтовка отдавала в плечо. Выстрелив, отец вытаскивал из кармана брюк большой клетчатый синий платок, снимал с переносицы очки в потертой оправе и тщательно, спокойно, как в мастерской, протирал платком круглые стекла. Потом платок прятался в карман, очки водворялись обратно на переносицу, — старик прикладывался к винтовке и снова начинал целиться. Ялмар смотрел на него, на эти угловатые движения, и перед ним вставало его детство, и детские игры, и детские обиды. И этот стоявший вблизи от него человек делался совсем родным и навсегда своим.

И как до сих пор он, Ялмар, не замечал этого и почему ни разу не сказал отцу ни одного ласкового слова?

Вот отец снова расправляет платок, протирает стекло. Приложился к винтовке и деловито выстрелил. Милый, милый старик! Подойти к нему, от души пожать его шершавую руку и сказать: «Как живешь, старина, не холодно ли тебе, друг родимый?» — и посмотреть в глаза...

Неприятельские бойцы были уже совсем близко, а Ялмару было хорошо оттого, что он любил этого хмурого, несговорчивого и теперь родного старика.

Ялмар сделал несколько шагов, чтобы подойти к отцу. Сабля зацепилась за памятник и ударила плашмя по ногам... И вдруг проклятая пуля выбила из рук отца очки — и он упал, опрокинувшись навзничь, задев затылком простой железный крест. Упал — и не вздрогнул, не пошевелился...

Поздно! Ялмар никогда не скажет отцу тех ласковых слов, какие не успел сказать.

Ялмар не заметил, как неприятельские солдаты перебрались через ограду, как отбегали, отстре-

ливаясь под прикрытием могил, красногвардейцы. Потом красногвардейцы совсем перестали стрелять и бросились навстречу наступающим, — так велика была ненависть к лахтарям, что выстрел на расстоянии не разряжал ее... Требовался удар наощупь... А еще лучше было отбросить в сторону винтовку и вытащить из ножен привычным движением финский нож и схватиться один на один.

Ялмар сам остался с маузером в руках, один с фланга, у тела своего отца. На него навалился какой-то тяжелый, большой человек. Зарядов в револьвере не было. Ялмар взял револьвер за дуло и опустил рукоять на голову наседавшего на него человека. В нос ему ударил неприятный запах спиртного перегара. Человек выругался по-шведски и обмяк.

Ялмар увидел еще, как председатель рабочего правления бумажной фабрики отбросил в сторону винтовку и схватился за свой большой финский нож.

В нескольких шагах от него Ивар, сжав руками горло человека в серой униформе с зелеными петлицами, колотил его головой о мраморный памятник.

Ялмар бросился на помощь Ганнесу. Котелок Ганнеса был продавлен, а сам парнишка, захватываясь прикладом, отбивался от двух наседавших на него, неустойчиво державшихся на ногах шведов. Ударяя прикладом чьей-то винтовки по спине белого, Ялмар слышал вокруг себя только тяжелое дыхание, хрип и сопение и громкую ругань, разносившуюся по всему кладбищу. Потом он увидел двух красногвардейцев, которые раньше пытались уйти в город. Они только что пришли. На дорогах к городу, у вокзала и на мостах Ялмар поставил патрули женского батальона.

Красногвардейцы не проскользнули мимо патрулей. С одной из женщин они вернулись обратно и стояли сейчас, держа у плеча винтовки, но не решаясь выстрелить, чтобы не попасть в своих же.

— Бейте прикладами, финскими ножами! — крикнул им Ялмар и побежал вперед.

Через полчаса на кладбище не оставалось ни одного живого шведа в серой форме с зелеными пуговицами.

Да, по всем документам, найденным на вражеских трупах, видно было, что в бой вступила прибывшая из Швеции, давно ожидаемая белыми бригада...

Среди убитых товарищей был и председатель рабочего правления бумажной фабрики.

Ялмар ехал обратно в штаб на автомобиле. Он прихватил с собой девушку из женского батальона, пришедшую к бою с двумя красногвардейцами. Она сидела на заднем сиденье одна и, словно в бреду, в полубытьи, все время твердила одну фразу:

— Тетя Шарлотта, я не могу, я не могу, тетя Шарлотта!

На углу, у светлого уличного фонаря, у свежей, наклеенной на стене листовки стояла кучка людей. Ялмар остановил машину и сошел, чтобы прочитать листовку. Люди посторонились и дали ему место. Из того, что было написано там, ему запомнилось:

«Мобилизованные лахтарями рабочие и батраки не стреляли в нас, а стреляли в воздух, и многие погибли от братской руки и пули в спину.

Вы своей смертью показали свое величие, безыменные герои.

Герои и товарищи не продали своей шпаги за деньги!»

Только в ярко освещенном помещении штаба

Ялмар понял, что на улице у фонаря перед ним расступились вовсе не из уважения, а просто, чтобы не запачкаться.

Его куртка заскорузла от крови.

IV. ФЕРМОПИЛЬСКОЕ УЩЕЛЬЕ³⁵

— Почему не бьют наши пушки? — стучал о пол прикладом красногвардеец, прибывший с кладбища. — Противник шпарит во-всю, а наш молчит. Этот русский не иначе как саботажник!..

— Заткнись! — приказал Ялмар. — Знай, что у нас осталось только четыреста снарядов. Понял, в чем дело?

Красногвардеец понял, в чем дело. Но от этого ему не стало легче.

Противник всю ночь, без перерыва, бил из трехдюймовок по кладбищу. Казалось, что огню этому не будет конца и что этих чортовых орудий у противника уйма. Он бил методически, расчетливо... Пожалуй, ни одного целого памятника и креста не осталось на этом старом, огромном кладбище.

Ограды тоже как не бывало.

Трупов мобилизованных лахтарями рабочих и батраков и своих убитых убрать не удалось.

Противник действовал только своей неумолимой артиллерией. Наводчики, очевидно, пристрелялись хорошо, и через несколько часов красногвардейцам пришлось оставить кладбище. Они отошли на полкилометра и стали окапываться вдоль линии железной дороги. А неприятельские орудия все еще продолжали бить по оставленному кладбищу.

Это была батарея, пришедшая с егерским финским батальоном.

«Что же, — думал Ялмар, — уже три дня назад должны были прибыть обещанные подкрепления, а их нет, а нога вражеского солдата в город еще не ступала. И мы еще подеремся!»

Он поехал в новые окопы, выкопанные в снегу вдоль железной дороги... Там вместе с бойцами и командирами был выработан план, как встретить шведскую бригаду...

Красногвардейцы уже дали ей прозвище «Черная».

Сотня красногвардейцев должна была пробраться вперед и доползти до самого кладбища, а когда появится противник, красногвардейцы должны были сразу же привлечь его внимание и затем бежать к железной дороге.

Ялмар не сомневался, что шведы станут преследовать их по пятам, чтобы уничтожить живую силу Красной гвардии. Красногвардейцам, оставшимся в окопах, следовало пропустить своих и затем прямо в упор расстрелять наступающих.

Надо было точно разметить для каждого бойца участок, который он должен простреливать, и заранее пристреляться, — но, когда начнется бой, ничем не выдавать своего присутствия до последней секунды.

Отпор должен был быть неожиданным и тем более сокрушительным.

Все поняли план Ялмара, все согласились с ним, и Ялмар поехал обратно в город.

Предстояло укрепить город еще и с западной стороны... Разведчики сообщили, что оттуда движется эшелон лахтарских егерей...

Путь, проходящий в одном месте между двумя высокими отвесными скалами, был разобран, и рабочие каменоломен взрывали скалы и рушили обломки поперек пути, создавая непроходимые

каменные завалы в этом ущельи, которое путеводители называли Фермопильским.

Шведское правительство, в которое входили и социал-демократы, объявило о своем невмешательстве во внутренние дела Финляндии, и тем не менее на территории королевства организовалась «добровольческая бригада», прибывшая в полном боевом порядке и с оружием на территорию Суоми.

Солдатам, отбывшим разные сроки наказания в тюрьмах за убийство, кражи и прочие уголовные или дисциплинарные и воинские преступления, объявлено было прощение, если они вступят добровольцами в шведскую бригаду, идущую водворять порядок в соседней стране. И добровольцев таких было около двух тысяч. Командирами стали кадровые офицеры. Офицерам нужна тренировка — ведь Швеция не воевала сто лет. Эти офицеры с охотой шли на службу шаху персидскому. Они бывали и в Афганистане, и в Китае.

В Финляндии же — почти что дома... В Финляндии «под красным игом изнывают больше двухсот тысяч единокровных братьев-шведов». Офицерам было наплевать, что профсоюзы шведских рабочих в Финляндии были единодушны со всеми трудящимися страны. Шведы-рабочие, жившие в Суоми, вступали массами в Красную гвардию. Был повод или не было — офицерам неважно. Им важна тренировка, и приятно, что солдаты понимают по-шведски, и еще приятно, что враги — социалисты и «русская сволочь», с которой следует посчитаться еще за поражения 1811 года. Предок командира одного из батальонов бригады — Тавастшерна — погиб в баталии 1809 года

в этих самых местах. Командир батальона решил навестить предка и возложить на могильную плиту венок и, словно праздную тризну, разгромить «красных разбойников».

В штабе обороны никого не было. Заместитель весь в скрипе своих свежих кожаных ремней, в своих шароварах с нашитыми лентами лампасов, забрав три роты, ушел защищать город с западной стороны, — к ущелью, которое называлось Фермопильским. Там был разобран путь и прегражден скалистыми обломками. Это было неплохо... Но если уж тронулся с места Генерал, как все в шутку звали Кальюри, значит, там действительно было неблагополучно. Если Кальюри по своей инициативе вышел на линию фронта, значит, противником были уже сбиты первые заслоны. А взятые им с собой три роты представляли единственный резерв командования. Правда, еще оставался женский батальон. Но большего, чем исправное несение караульной и гарнизонной службы, Ялмар от этой воинской части не ждал. Ударили несколько раз орудия Тетеря...

Значит, началось с востока наступление шведской бригады.

— Марта, — приказал Ялмар, — вот ключ от погреба, возьми десять бутылок коньяка, отвези и раздай в окопах, что у вокзала.

На склад спиртных напитков позавчера набрел сторожевой патруль батальона Айно. Айно хотела разбить все бутылки там же на месте, но Ялмар приказал коньяк и спирт оставить.

— Коньяк может понадобится для поднятия настроения. А спирт — для лазарета.

После того как вчера пришлось расстрелять двух посланных для раздачи коньяка на фронте

красногвардейцев, — они много выпили сами, а остаток продали за огромные деньги неизвестным покупателям, — Ялмар доверял ключ и коньяк только своему ординарцу Марте.

Она приложила руку к своему синему с красным помпоном берету и спокойно ушла выполнять поручение командира. Она на лестнице столкнулась с Айно, которая во что бы то ни стало сейчас же пожелала увидеть Ялмара.

— В чем дело? — спросил ее Ялмар.

И Айно стала рассказывать.

Орудия противника на востоке перестали бить еще в ту минуту, когда Ялмар входил в штаб. Значит, сейчас, наверно, уже идет атака...

— Так вот, Айно, — сказал Ялмар, — я, конечно, верю желанию твоему и твоих девушек... Я понимаю, что им надоела гарнизонная и караульная служба... Но... надо быть реалистами... Я боюсь дать твоему батальону более опасное задание. Я думаю, что твои женщины настоящего огня и не выдержат.

Айно, плотно сжав губы, молчала... Она видела и знала, что ее девушки хотят встретиться, наконец, с лахтарями... Она и сама хотела боевого испытания. Но, положив руку на сердце, разве могла она гарантировать нужную в бою твердость и упорство своего батальона?

Звуки перестрелки с запада приближались.

Ялмару показалось, что вблизи затарахтела моторная лодка... Но это было нелепо. Озеро покрыто льдом. Может быть, это мотоцикл?

Айно тоже слышала этот мерный, нарастающий шум мотора. Ялмар подошел к окну и сразу понял, откуда шел гул.

Довольно низко над городом пролетал моноплан. Айно замерла, задрал голову кверху. Самолет,

ником не потревоженный, сделал еще круг над парком и пошел обратно к себе на юг...

— Эх, хорошо бы и нам несколько аэропланов, — размечтался Ялмар, и в эту минуту в комнату влетела раскрасневшаяся Марта.

— Почему от тебя так несет коньяком? — строго спросил Ялмар.

— Да так! — отмахнулась Марта. — Пуля разбила бутылку.

И затем, радостно волнуясь и задыхаясь, сказала:

— На восточном участке наши бегут!

— Что?

— Ну да, бегут вперед!.. Шведы отступают. Наши ребята все молчали и молчали, пока их цепи не подошли на пристрелянные места, метров на пятьдесят-сто. Как ты велел... А шведы бежали вперед... Винтовки наперевес, и все кричали: — урра, урра! Ой, как наши парни нервничали. А потом, подпустив, как начали бить из всех пулеметов и ружей... Боже ты мой! Что было! Шведы падали в разных местах кучами. Отдельных выстрелов не было слышно, все слилось в один гул... Все поле было покрыто шведами. Они одеты в серые мундиры... Петлицы — зеленые... Самая малость уцелела... и побежала назад. Ну, а теперь наши вылезли из прикрытий и бегут по пятам за уцелевшими шведами... к лесочку...

Все было прекрасно... и шло, как рассчитывал Ялмар, только совсем незачем было преследовать неприятеля, — в лесочке могла ждать засада...

Ялмар хотел немедленно же выехать на фронт. У выхода из штаба им пришлось задержаться...

Их остановил взволнованный Генерал. В его внешности уже не было ни форса, ни лоска.

— Чорт тебя дери, — кричал он, — куда ты

скрылся!.. Они прорвались через Фермопильское ущелье с запада.

Трудно было точно разобрать, что хотел рассказать этот человек, но видно было, что он до крайности взволнован и перепуган.

— Белые егеря... Прорвали... наши линии... наши бегут... я примчался за подмогой, с трудом нашел тебя. Понимаешь?

— Понимаю! — Ялмар обернулся к Айно. — Твой батальон просил боевое задание... Вот оно... Иди к Фермопильскому ущелью и во что бы то ни стало задержи противника. Возьми три последних резервных пулемета из штаба. Понимаешь?

— Понимаю! — ответила Айно.

— Но ведь это невозможно. Если бегут мужчины, где уж женщинам устоять?

— Что же, роди себе бойцов, а других у меня нет, — огрызнулся Ялмар и, оставив Генерала и Айно, приказал шоферу гнать.

Машина проскочила по мосту через поток, перемахнула через железнодорожные пути, миновала вокзал и единым духом дошла до снежных окопов и остановилась.

Фигурки красногвардейцев чернели уже у кладбища и у опушки дальнего леса.

— Так легко было ударить нам во фланг и обойти, — ведь красногвардейцев было не так уж много. Скорее... Только, чтобы белые не успели разобраться в том, что происходит, и ударить по флангу.

Из окопов несколько красногвардейцев вытаскивали два пулемета и хотели тянуть их за собой к кладбищу...

— Немедленно садитесь в автомобиль со своими пулеметами, — скомандовал он им. — Свезешь их к ущелью в помощь Айно, и обратно!

Машина круто повернула. А Ялмар побежал

вперед за своими красногвардейцами, проваливаясь в рыхлый снег. Марта, отставая, бежала за ним... Еще не добежав до кладбища, он должен был остановиться, чтобы перевести дыхание... Он попробовал было подсчитать, сколько лежит на снегу людей в серых мундирах с зелеными петлицами, но сбился в счете. Потом пошел вперед шагом и стал убеждать красногвардейцев возвратиться обратно в окопы. Они шли обратно неохотно.

Ялмар отлично понимал их настроение. Но, к сожалению, у него нет резервов, хотя город он обороняет уже дольше, чем было условлено, но еще неизвестно, когда придет обещанное подкрепление...

Около двух часов ушло на то, чтобы возвратить бойцов в исходное положение...

Донесений с западного участка все еще не было.

Важно было, чтобы батальон Айно продержался до тех пор, пока он не придет на помощь с полусотней добровольцев — из людей, только что отразивших штурм шведов.

Ялмар торопился к Айно и поэтому не стал разбираться в документах и письмах, взятых с валявшихся тел. Все ж таки карта из походной сумки офицера — план города — приковал его внимание. С поразительной точностью отмечены были крестиками все здания, где были расквартированы красногвардейцы, «Смольный», ревком и довольно точно намечены окопы за городом и баррикады в городе.

— Сволочные агенты, — пробормотал Ялмар и остановился у тела офицера, у которого была взята карта.

Это был молодой, стройный, должно быть и высокий человек. Офицерское свидетельство на имя Тавастшерна.

— Ну что ж, это у них в роду, очевидно, фамильное — погибать под этим городом, — сказал Ялмар, — похороните его рядом с предками. — И пошел к окопам отбирать бойцов.

Через год, когда на этом поле был поставлен монумент в память гибели солдат шведской бригады, Маннергсёйм сказал:

«Посылаю мой горячий привет шведской бригаде, которая много потеряла в тот день, а также егерскому полку, третьему и шестому батальонам и командиру майору Бонсдорфу».

Шведская бригада потеряла в тот день половину своего состава... Им поставили монумент... А тела наших товарищей откопали и выбросили их из братской могилы и самую могилу сравняли с землей.

Когда наши товарищи придут снова, они оставят этот памятник шведской гибели и рядом поставят памятник тем, кто был победителями в тот достопамятный день. Тем, кто им тогда завещал победу.

А егерский полк — четвертый, шестой и двенадцатый его батальоны — тоже потеряли половину своих людей. Но это уже особое дело. И о нем могли бы порассказать бойцы женского батальона, если бы... если бы... но это тоже особый и уже печальный рассказ...

Ялмар ехал на машине в наступающих сумерках к Фермопильскому ущелью, и навстречу ему попадались идущие в беспорядке по тротуарам и посредине улицы отдельные красногвардейцы. Некоторые из них были ранены. Другие поддерживали их.

Ялмар заметил нескольких, шагавших без оружия... Он остановил свою машину на углу и стал останавливать здоровых красногвардейцев.

— Товарищи, идите обратно! — говорил он. —

Неужели вы допустите, чтобы одни женщины дрались за всех и защищали вас от лахтарей!

— А где помощь, которую ты обещал нам, где обещанная помощь из Гельсингфорса? — сказал один из красногвардейцев и стукнул винтовкой о панель: — Нас обманули и обманывают! — закричал он еще громче, обращаясь к скопившимся у автомобиля людям.

В толпе зашумели.

— Товарищи! — громко сказал Ялмар, — растегните его куртку и в кармане вы найдете шюцкоровское удостоверение, — а если он спрятал это удостоверение, то рассеките ему грудь и в груди этой увидите сердце лахтаря!..

Сзади уже подходил строем отряд добровольцев... И слышался голос запевалы...

Кто же мог усомниться, что это был голос Симхи? Услышав приближающуюся песню, многие из остановленных Ялмаром людей повернулись и пошли обратно на запад, к лесам, за которые уже опустилось огромное красное солнце мартовского дня.

Машина быстро пошла вперед, и скоро кончились городские дома и замелькали придорожные деревья в своих снежных уборах: за ними таились темные дачи с заколоченными ставнями.

Шум выстрелов слышался с каждым поворотом дороги все явственнее. Но самих выстрелов становилось все меньше и меньше...

«Неужели не устояли и побежали?» — тревожась, подумал Ялмар и положил руку на маузер у пояса. На поясе висели две гранаты; позади на сидении, рядом с Мартой, был прилажен пулемет. Коробки с лентами лежали в ногах. Это была последняя поддержка женскому батальону...

Нет, не бегут. Не раздаются неприятельские выстрелы... И не слышны крики лахтарей... Стало

совсем тихо. Одно лишь гудение мотора машины. У поворота машина остановилась.

На камне сидела позавчерашняя девушка.

— Ты что, ранена? — спросил ее Ялмар.

Она не отвечала и лишь, как тогда, положив голову на руки, твердила:

— Тетя Шарлотта, я не могу. Я не могу, тетя Шарлотта.

— Дальше...

Шофер покачал головой и нажал грушу. Камни на дороге!

Ялмар выскочил из машины и побежал вперед... Марта и шофер вытаскивали пулемет.

Перед Ялмаром стояла Айно, бледная и взволнованная; она говорила очень громко, как человек, оглушенный орудийной стрельбой. За ней уже толпились девушки с винтовками в руках.

— Товарищи, — сказал Ялмар, — через двадцать минут к вам подойдет на помощь отряд.

— Товарищ комендант, — закричала Айно, — нам не надо помощи. Мы выполнили задание и отбили лахтарей. Можешь полюбоваться.

Она повернулась и пошла по разобранному пути, приглашая за собой и Ялмара.

Лица обступивших его девушек у одних пылали неестественным румянцем, у других же были чрезмерно бледны.

Это было видно даже в сумерках. Подходя к самому ущелью, он увидел девушку, которая терла себе снегом лицо и бессмысленно бормотала:

— Я больше не буду. Я больше не буду, я больше не буду.

Айно была права: женщины отбили ожесточенные атаки белых егерей.

— Где Генерал?

— С той минуты, как ты нас оставил, я его и не видела.

— Товарищи женщины, — возвысил свой голос Ялмар, продолжая итти, — вы отбили жестокую атаку лахтарей, — поздравляю вас с неслыханной победой, — и он услышал, как кто-то сзади начал всхлипывать...

Он споткнулся, — споткнулся о тело...

— Обойди — это Мария, — сказала тихо Айно.

— У нее осталось двое детей, — крикнул кто-то спереди, и снова Ялмар услышал плач.

Плакало уже несколько женщин. И голоса их все повышались и повышались...

— Тише, товарищи, — сказала Айно, но эти слова словно были сигналом.

Всхлипыванья усилились... И кто-то рядом громко и пронзительно засмеялся...

Марта молчала, потупив в снег глаза, — а рядом громко и истошно не то смеялась, не то всхлипывала девушка — и эти странные звуки повторяло эхо.

Через полчаса с песней пришли красногвардейцы, и еще издалека звенела «Марсельеза» в лесу среди скал...

Ехали молча... Подъезжая к штабу, шофер наклонился к Ялмару:

— Я этой девушке, которая заплакала, этой истеричке, поставил бы памятник из золота...

«Он говорил о Сигрид», — подумал Ялмар и, не отвечая, оглянулся.

Марта поддерживала двух раненых девушек.

Одна из них, тревожась, спросила:

— Куда ты положила мою винтовку?

Винтовка была за спиной у Ялмара.

И девушку эту Ялмар тоже знал: это была дочь торпаря Капули, другая была в туфельках на высоких каблуках.

Ялмар проснулся. В штабе было необыкновенно тихо, из всех углов слышался мерный храп спящих людей. Некоторые красногвардейцы спали на полу, безо всякой подстилки, положив под голову лишь свои вещевые мешки.

Винтовки в беспорядке были прислонены к стене. А некоторые так и спали, не расставаясь с оружием, в обнимку.

Веселое мартовское солнце уже встало над миром и проникало в светлую комнату, золотя прокуренный воздух...

Ялмар потянулся. Осторожно сошел со своей полотняной, наскоро расставленной походной койки и пошел к выходу.

Выстрелов не было слышно, от этой тишины Ялмар и проснулся сейчас. Весь дом казался теперь заколдованным сонным царством, и даже настенные часы, на которые мельком взглянул Ялмар, показывали два часа, как и тогда, когда перед сном Ялмар взглянул на них.

Они остановились.

Сколько, однако, могло быть сейчас времени?

Марта должна была разбудить его ровно в пять часов, однако сейчас гораздо больше.

К шести часам он обещал Тетерю быть уже на передовой линии, чтобы сменить его. Первый раз Марта не выполнила приказа. Он вошел в соседнюю комнату. Солнца там было еще больше, чем в его комнате, и лучи прорывались сквозь сизый прокуренный воздух.

Кальюри, одетый в им самим выдуманную форму, вместе с адъютантом возился, вскрывая ящик с гранатами.

— Осторожнее, Генерал, — предупредил его Ялмар.

— Посмотрю, чего и как? Я этой системы не знаю, — угрюмо возразил Кальюри, не только не обижаясь на данную ему кличку, но втайне даже довольный ею.

— Хотите упражняться, идите на линию, — сказал Ялмар и прошел в следующую комнату.

У самого окна, уронив голову на руки, положенные на стол, спала Марта. Шапочка ее валялась в ногах, золотистые, светлые волосы свесились на лоб и мягкими локонами, слегка завиваясь, падали на щеки.

Солнце озаряло ее светлую голову, и Ялмар увидел, как розовела щека, — от сна то было или от солнца? Рот девушки был слегка полуоткрыт. Она спала таким глубоким сном и на лице ее была такая безмятежность и ясность, что Ялмар остановился.

Он нагнулся и поднял берет с пола. Положил на стол. Красный помпон на берете был прострелен в позавчерашнем бою.

Руки Марты лежали на столе, и казалось, издали можно было почувствовать теплоту ее ладоней. Ялмар почему-то не мог отойти от стола. Он прислонился к подоконнику и стал смотреть на Марту.

Что могло ей сниться сейчас?

Вдруг она плотно сомкнула губы. Брови у нее были черные. Ресницы были длинные, частые и тоже черные.

Она ровно и спокойно дышала.

Нет, конечно, ничего ей сейчас не снилось — она просто спала, а Ялмар стоял, прислонившись к подоконнику, и не в силах был отвести глаз от Марты. Казалось, впервые он увидел ее такой, какой она была... Молодой, красивой, светловолосой, с легким румянцем здоровья на крепких щеках.

«Какая она милая», — подумал Ялмар и почувствовал, что сердце его наполняется необычайной нежностью к этой девушке, случайно подобранной на снежной дороге. Он мог довериться и доверял ей самые опасные поручения.

Он смотрел на нее и всем существом своим ощущал, что вот так прислониться к подоконнику и смотреть на нее и есть самое настоящее счастье, которое дано ему пережить, что вот теперь, кроме матери, есть у него еще один человек, родной на всю жизнь, до конца родной.

Он проделает тысячи миль юнгой, несколько лет будет ковбоем спать под открытым небом, снова пойдет в батраки, если это надо будет, чтобы быть с ней, с этой девушкой, которая так тихо и счастливо спит, сидя за столом, положив голову на руки.

Впрочем, всего этого он не понимал, он только ощущал в себе огромное, захлестнувшее его счастье, и ему не хотелось никуда идти, а сидеть здесь с ней, взять ее за руку, сказать что-нибудь ласковое, а может быть, поцеловать.

«Когда мы разобьем лахтарей, обязательно поженимся», — подумал он, глядя на нее.

— Марта, — сказал он про себя. Но девушка зашевелилась, подняла зарозовевшее лицо и открыла глаза.

Глаза были темносиние, а зрачки большие... И опять Ялмар почувствовал, что нет ему сейчас жизни без этих глаз, смотрящих на него с таким доверием.

Он быстро отпрянул от подоконника и пошел из комнаты, а девушке так хотелось спать, что голова ее снова упала на руки, и через секунду в этой, уже насквозь пронизанной солнечным светом комнате снова раздалось ровное посапывание.

Ялмар вскочил на сидение рядом с шофером.

Ялмар был сейчас полон веры в себя, теперь он твердо знал, что рабочая власть победит и что он много сделает для этого. Ведь они с Мартой должны быть счастливы, а какое же это счастье без нашей победы, так думалось ему; и он всем своим существом в эту минуту ощущал радость бытия и счастье любить по-настоящему женщину, и при этом он ни минуты не сомневался в том, что и она будет любить его.

Шофер, готовый ко всем неожиданностям, спал, сидя у руля. Он быстро встрепенулся. Отжал диски, включил мотор, дал первую скорость и прибавил газ.

— Куда?

Ялмар в ответ лишь мотнул головой.

Надо было ехать на фронт.

Шофер, совсем еще мальчик, понимал его с полуслова. Он готов был поехать с начальником даже в ад. Ялмар любил его лихость, он видел в этом шофере свою юность.

Шофер отлично ездил с Ялмаром и всегда без приключений, может быть ему импонировало то, что Ялмар отлично знает мотор и по слуху легко определяет малейший изъян.

Когда он возил других, всегда случались разные происшествя. Позавчера пули пробили покрывку. Вчера командир одного из отрядов попросил у Ялмара автомобиль. Ему нужно было быстро съездить к своему отряду и вернуться в штаб.

Через две минуты шофер был уже в штабе. Ялмар удивился.

— Ему уже никуда не надо, он никуда не поедет, — сказал шофер про своего седока и тут же пояснил: — На третьем квартале пуля пробила ему голову.

И еще один раз был убит седок, с тех пор никто уже и не пользовался машиной Ялмара.

Всякого желающего сесть в кузов шофер предупреждал:

— Лучше не просите, если жизнь вам дорога. Разве вы не знаете, что тот, кто едет на этой машине, погибает от пули!

— А Ялмар?

— Ну, Ялмар-то заколдован!

И в самом деле шофер был уверен, что начальник его как бы заговорен от пули.

Не успели они отъехать на этот раз и трех кварталов, как раздался дробный грохот и дребезжащий звон разбивающихся о камни стекол.

Грохот шел со стороны штаба.

Артиллерия противника второй день молчала. Противник собирал свои силы, здорово потрепанные в позавчерашнем бою.

Услышанный грохот не походил на грохот от взрыва снаряда.

— Поворачивай в штаб! — крикнул Ялмар шоферу.

Людф²⁶ у руля был большой, и, быстро поворачивая баранку, шофер заметил, что Ялмар был бледен.

Этого с ним никогда не случалось даже под обстрелом на самой передовой позиции.

Ялмар и в самом деле плечом отодвинул от руля шофера, казавшегося рядом с ним совсем юнцом.

Ялмар дал газ доотказа.

Из окон штаба вырывались клубы дыма. На тротуаре лежали осколки оконного стекла и осыпавшаяся с карнизов штукатурка.

Ялмар приказал шоферу с маузером в руке стоять у выходной двери и никого не выпускать из штаба.

— Нельзя допустить панику в городе!

Единым махом он проскочил два марша лестницы и вбежал в помещение.

Холодный воздух врывался в комнату через разбитые окна. Какой-то дробный мелкий звон стоял в комнате. Табачный дым смешался с пылью от осыпавшейся штукатурки.

Стенка между комнатами была разбита, и куски дранки торчали из нее, как рыбы кости.

На полу лежали люди в самых неестественных позах. Ялмар чуть не споткнулся о какую-то железку.

Это был изогнутый, исковерканный штык. Адъютант Кальюри лежал лицом вниз около стенки. И красная лента оборванного лампаса Генерала извивалась по полу, как струя крови.

На полу лежал начальник штаба.

Он еще дышал. Был немного бледнее, чем полагалось бы, но дышал ровно.

Ялмар перевернул его.

— Повезло парню, просто чудо, поцарапана рука и двух передних зубов нет!

Кальюри открыл глаза.

— Да их и не было. Они у него вставные, — сказал красногвардеец, обвитый ремнями. — Вот от сотрясения и выскочили.

Видны были тела других людей, и не разобрать, кто из них ранен, кто убит...

Висевший на стене телефонный аппарат все время, не переставая, тревожно звонил.

Ялмар увидел в открытую дверь на полу соседней комнаты лежащую девушку.

«Она!» — подумалось ему, и огромная тоска сжала его сердце. Он метнулся к ней. Девушка тяжело стонала. Она была ранена. Куда? Нет, это была не она. И как мог он принять эту девушку за нее? Ведь и волосы были темнее. Ведь и ростом была она больше, и не тужурка была на

ней, а обыкновенная дамская блузка. Это была штабная машинистка.

Откуда-то в комнате появились живые и здоровые люди. Первой подняли и понесли к выходу стонущую раненую девушку.

Уборкой раненых и убитых распоряжался Коски. И тогда Ялмар поднял глаза и увидел, что Марта сидит так же, как и сидела минут десять назад, уронив свою светлую голову на стол.

Рядом лежала ее шапочка-берет с простреленным красным помпоном.

У Ялмара стало горько во рту; охваченный огромным горем, он на мгновение остановился.

«Осколком в спину — мгновенная смерть!» — подумал он и тихо подошел к столу, положил свою руку на руку Марты.

Девушка вздрогнула, подняла голову и раскрыла синие глаза, широкими зрачками удивленно взглянула на мир...

Она еще не успела проснуться, но уже легкое волнение можно было прочесть в выражении ее лица.

— Я опоздала тебя разбудить?! — с тревогой спросила она Ялмара.

Ялмар, обуреваемый радостью, что она жива, жива, только мотнул головой.

Щеки ее были розовы от сна, и от всего ее существа шло тепло.

— Если подобный случай повторится, — строго сказал он, — то мне придется взять другого ординарца, а тебе надо будет идти в батальон к Айно!

Он подошел к телефону, не перестававшему звонить, снял трубку и услышал взволнованный голос Айроксинена.

— Генерал неправильно обращался с гранатами и взорвал весь ящик. Да!.. сто штук гранат...

Пострадало человек восемь... Да, ты прав, штаб надо будет перенести в другой дом... Ты организуй это дело. Да и новый штаб тоже. А я еду на линию!

Он повесил трубку и пошел к выходу, рядом шла освеженная сном Марта.

Ялмар и не знал, что в разрушенной сегодня взрывом комнате в 1906 году заседала конференция, на которой впервые увидел Ленина человек, которого через несколько лет все, и в том числе Ялмар, будут знать, как учителя и любимого вождя рабочих всего мира.

VI. Я ТОЖЕ ЗА МИР!

Вечером целая рота лахтарей, никем не задержанная, в полном боевом порядке прошла в вокзальный район, затем быстрым шагом перешла через проток по дамбе и так же быстро, минуя русскую церковь, добралась до городского сада, около северного озера, Несиярви — и, захватив стоявшее на пригорке в парке здание, открыла бешеную стрельбу по всему прилегающему району.

Роту никто не остановил, потому что шюцкоровцы надели на рукава красные повязки — отличительный признак красногвардейцев.

Когда раздались выстрелы внутри самого города, Ялмар находился в штабе. Он вспылил.

— Это наверно подражатели Генерала озорничают! Безобразие! Необходимо немедленно прекратить!

Но через несколько минут ему пришлось убедиться в том, что это — белые...

Наглость их дошла до того, что во время быстрого прохождения по городу от белогвардейской роты отделились десять вооруженных человек,

которые с гранатами в руках немедленно направились к штабу обороны. Они не учли того, что штаб после позавчерашнего взрыва переехал в другое помещение.

Они быстро проскочили к пострадавшему зданию и стали метать в него гранаты...

Подоспевшие с тыла красногвардейцы быстро закончили с ними.

Подъехавшему на автомобиле Ялмару довелось разрядить свой маузер не больше двух раз.

Но городской сад и музей были теперь в руках белых, и выбить их было не так легко...

В это же время враг начал штурм от разбитого кладбища, и прибывший курьер сообщил, что лахтари и шведы уже выбили красногвардейцев из окопов вдоль железнодорожной линии и прорвались на восточную окраину города.

Красногвардейцы засели в железнодорожной школе и во дворе фабрики и, ожесточенно обороняясь, просят подкрепления...

Откуда было взять эти подкрепления?

К городскому саду на окружение был брошен женский батальон. Сняты в городе все караулы и тоже брошены к городскому саду...

По распоряжению Ялмара, по передаточной ветке подошел к саду и бронепоезд и, обстреливаемый лахтарями, сам начал поливать их огнем пулеметов и бить снарядами трехдюймовок.

Впрочем, это было одно лишь название «бронепоезд»... Железнодорожники на открытые товарные платформы у бортов наложили мешки с замерзшим песком. Крыши у этого бронепоезда и вовсе не было.

Через пять минут после начала боя Коскинен, командир бронепоезда, был ранен в плечо, и его отнесли в лазарет к русской женщине-хирургу, которая тут же ампутировала руку.

Теперь, когда парк был обложен, можно было подумать и о восточном участке, где красногвардейцы дрались уже внутри самого железнодорожного поселка.

«Они не должны ни за что прорваться в самый город, не должны перейти через проток», — решил Ялмар.

— Марта! передай Айроксинену мое распоряжение... У мостов строить баррикады и на улицах за мостами — вторую линию. Во что бы то ни стало и скорее. А пока мы задержим лахтарей!

Группа красногвардейцев, впрягшись, тащила на себе от здания Городского театра шестидюймовую гаубицу...

Теперь распоряжался. Они дотянули пушку до перекрестка и повернули дулом на восток.

Ялмар проехал дальше по улице.

Он слышал удар первого выстрела гаубицы и посмотрел вперед. Теперь только он заметил бело-голубой флаг на пожарной каланче... С каланчи стреляли белые. Он въехал в переулок, и цепь каменных зданий заслонила от него каланчу. Он услышал второй удар гаубицы, и когда выехал из переулочка и снова взглянул на то место, где полагалось быть каланче, каланчи не было...

Ялмар взглянул на шофера, тот утвердительно кивнул головой.

Через два квартала они попали в такое место, где по обеим сторонам улицы горели подожженные снарядами белых деревянные дома... Языки пламени корчились на деревянных стенах, лопались стекла, и стояла такая жара от этого огня, что нельзя было пройти посредине улицы. Кожа становилась сухой и трескалась.

Надо было повернуть обратно. Люди из горя-

щих домов, торопясь, уходили через мост в город.

Они старались унести с собой самое ценное из имущества... Но один почему-то нес большую клетку с двумя желтыми канарейками, и следом за ним бежала, повизгивая, большая дворняга, обожженная случайной головней...

— Да ведь при таком пожаре белые не смогут пройти через этот район... Не смогут прорваться в город... А тем временем там будут построены нужные укрепления...

Ялмар повернул машину к гаражу. Вместе с шофером, еще не понимавшим, что хочет сделать начальник, они перетащили в машину несколько бидонов с бензином. Потом снова подъехали к району боя.

Выстрелы здесь раздавались как будто над самым ухом.

Ялмар плеснул бензином на дверь закрытого деревянного магазина, затем поднес спичку... Пламя вспыхнуло...

Следующим был подожжен дом, который был так знаком Ялмару с детства: он прибегал сюда через проходные дворы, и здесь они играли в Илку, в русско-шведскую войну, в пиратов. Здесь жила девочка, которая ему подарила ленточку.

И теперь этот дом пылал... Сначала от бензина огонь быстро вспыхивал, затем уже языки ползли по дереву медленнее — словно задыхаясь... Снег в пазах шипел. Ледяные сосульки под крышей, озаряясь пламенем, таяли. И в этом доме раньше жил человек, который...

Но, впрочем, не было времени предаваться воспоминаниям.

Успевшие выбежать из железнодорожной школы раньше, чем ее окружили лахтари, Ивар и Симха,

и Юкко, и Рагнар, и суетливый и ловкий Ганнес, уже помогали Ялмару в его работе.

Они с полуслова поняли, что Ялмар хотел создать непроходимую огневую завесу.

Ни они, ни Ялмар не знали, что парижские коммунары в борьбе с прорвавшимися версальцами делали то же самое. И тем более они не знали, что такую же огневую завесу против французских войск устроили граждане Сарагосы больше ста лет назад...

Ялмар увидел отблески пламени на лицах товарищей и услышал, как Юкко, бросив спичку на облитую бензином стену, громко произнес стих из псалма Давида:

— Много теснили меня от юности моей, но не одолели меня!

Здесь дело было сделано.

У моста дозорные остановили автомобиль, проверяя едущих.

Молодец Айроксинен, он был энергичнее всех молодых. Он налаживал в городе порядок. Он сейчас уже руководил постройкой баррикад у моста.

— Вдребезги разбито здание в городском саду, — отвечал он Ялмару. — Наш бронепоезд тоже приказал долго жить... Из всей роты лахтарей осталось в живых семь человек... Впрочем, я думаю, что теперь уже ни одного не осталось!.. Не туда ставишь! Не туда ставишь! — вдруг закричал он на человека, катившего огромный рулон бумаги.

«Итак, в городе все в порядке», — облегченно подумал Ялмар.

— В штаб!

Надо обдумать, как быть дальше.

Путь до нового здания штаба был сейчас очень длинным. Приходилось вдруг огибать те квар-

талы, по которым днем еще сходили беспрепятственно. Всюду вырастали баррикады. Приходилось объезжать по соседним улицам... И все же нужно было оставить машину за два квартала от штаба.

У дверей штаба его поджидала Марта... Она была встревожена.

— В штабе секретное заседание!

— Ладно.

Ялмар взбежал по ступеням, пробежал коридор и распахнул дверь. В большом помещении классов бывшего технического училища было полутемно.

Электрическая станция сегодня не дала света, и штаб и десяток людей, специально позванных Генералом, о чем-то совещались при свете свечей, воткнутых в пустые бутылки...

В огромные стекла окон смотрела темнота, и лишь у самого верха окна еще зеленели кусочки неба... Коски стоял в углу, прислонившись спиной к изразцам печки... Конечно, Айроксинена здесь не было, он работал.

Когда Ялмар встал на пороге распахнутой двери, все находящиеся в комнате вдруг замолчали...

В этом молчании чувствовалась неловкость.

— О чем шла речь? — резко спросил Ялмар, и свой собственный голос показался ему чужим и неприятным.

— Мы ведем разговоры о том, как кончить войну с шюцкерами миром, — вызывающе сказал Генерал.

— Вчера еще ты называл их лахтари, а сегодня уже официально — шюцкоры. Что ты испугался их, Генерал?

— Я прошу не называть меня так, — уже вызывающе сказал Генерал. — И чего мне бояться?

Я член сейма и пользуюсь депутатской неприкосновенностью, это, во-первых. А во-вторых, я не из трусливых, — и он указал на левую руку, висящую на перевязи. — Видишь, ранен, а с поста не ушел...

«Тоже нашел, чем хвастать — сам себя взорвал», — подумал Ялмар и сказал:

— Какой может быть разговор о мире, когда белые все равно ни одного из нас в живых не оставят... Надо драться до конца!

Коски внушительно сказал, продолжая стоять у печки:

— Борьбу можно продолжать, но сейчас можно поговорить и о мире.

— Нам нужно прорваться отсюда, а говорить о мире — до нашей победы преждевременно!

И тогда снова распахнулась дверь, и в комнату вошел белый офицер-егерь.

Позади его стояли два красногвардейца — Рагнар и Юкко; за их спинами были винтовки, через грудь накрест бежали пулеметные патронные ленты...

Офицер твердым, уверенным шагом вышел на середину комнаты. Стало тихо, и все глаза устремились на вошедшего.

На нем была белая меховая шапка. Белая повязка на рукаве.

Он, четко разделяя слова, тоном команды заявил:

— Мы решили во что бы то ни стало прекратить братоубийственную войну с красногвардейцами этого города. Сдавайте оружие и кончим проливать братскую кровь.

Ялмар оглянулся и увидел, что собравшиеся сейчас в штабе смотрят на офицера-егеря как на божьего посланца... Генерал, довольный, улыбался... Коски сделал шаг от печки. Лишь за спиною

егеря Рагнар смотрел угрюмо и упрямо. Глаза его встретились с глазами Ялмара. Он почему-то кивнул головой, все это совершилось в какое-то неуловимое мгновение...

Ялмар поднял маузер.

Ялмар сказал:

— Я тоже за мир! — и прострелил офицеру голову.

И сразу же напряженная тишина разрядилась криками, шумом.

Все повскакали с мест, взволновались, закричали.

Генерал разразился руганью.

— Ты не имел права так делать!

— Тебя надо самого застрелить, как бешеную собаку.

Ялмар выпрямился во весь свой высокий рост.

Тень его закачалась на потолке... Сейчас Ялмар был похож на сумасшедшего.

Он не спал несколько ночей, он непрерывно находился на фронте. Он видел убитых, видел, как дымится на морозе кровь, он слышал стоны раненых. И Ялмар давно решил, что ему живым отсюда не уйти, но еще тверже было его решение бороться до последнего вздоха.

Сейчас каждый нерв у него жил сам по себе. Он не мог больше слышать криков и угроз по своему адресу, и он крикнул:

— Молчать! Или я вас всех расстреляю!

Дверь была открыта, и эхо его голоса гулко прозвучало по большим классам этой пустынной школы...

И все поверили ему, замолчали и стали выходить из класса.

Даже Генерал приумолк.

Рагнер и Юкко шли по темному коридору

рядом с Ялмаром... «Надо бы погасить свечи в классе», — вспомнил Юкко.

Он скоро догнал других и осветил пролет лестницы свечой, воткнутой в горлышко бутылки.

К штабу подходил Айроксинен.

Марта без всякого приказа Ялмара догадалась о его желании, чтобы старик был на заседании.

Они опоздали, и Ялмар встретил их у подъезда этого высокого, облицованного в гранит здания. Позади них шагал Ганнес.

— Правда это? — спросил он Ялмара. — Там кто-то говорил, что красные и белые теперь будут вместе. Командиров арестуют, а красногвардейцев распустят по домам.

— Возьми пулемет, Ганнес, — все еще не успокоившись, проговорил Ялмар, — возьми пулемет и стой с ним на часах у штаба, пока я сам не сниму тебя. И если увидишь красных и белых вместе, стреляй в них немедленно!

Он пошел к городскому саду, прошел по дорожкам. Снег уже таял. Ялмар остановился у озера и посмотрел в даль. Даль была темная, и эта мглистая темнота успокаивала его.

Он посмотрел направо и увидел зарево огромного пожара над восточной частью города. Так он стоял и раздумывал... И рядом с ним стояла Марта, его ординарец.

Проходило время, но зарево не становилось меньше.

VII. РЕШЕНИЕ

— Я не вижу другого выхода, Айроксинен! — повторил Ялмар.

Теперь уже и сам Айроксинен, как ему ни жалко было покидать родной город, не видел иного выхода.

Надо вырваться из города, так как подкреплений ждать неоткуда. Надо пробиться и присоединиться к главным силам. Да, но как это сделать?

— Лобовой удар — это слишком много потерь!

Но Ялмар вчера вечером, стоя у озера, принял решение.

Конечно, прямая атака слишком рискованна. Наши хорошо обороняются, но наступать еще не научились. Потом у белых, может быть, на второй линии расположены сильные резервы. Кто его знает! Нет, Ялмар думал о другом, и своими мыслями он поделился со стариком.

Тот снял очки, положил перед собою на стол и спросил:

— А это можно?.. А лед выдержит?..

— Думаю, что выдержит.

И они помолчали.

— Теперь рассчитаем наши силы. Думаю, что некоторые, к сожалению, предпочтут остаться в городе. Ну, здесь ничего не поделаешь.

— Да, надо спасти тех, кто может и кто хочет спастись. И потом мы снова ударим!

— Да.

Ялмар чиркал по листку...

— Женский батальон, назовем его вторым. Потом организуем первый батальон... Я буду им командовать. Из остальных надежных ребят организуем третий батальон. Придется тебе, Айроксинен, снова стать военным. Будешь командовать третьим батальоном.

— А Генерал?

— Ну, он ранен, и поэтому нельзя ему командовать в переходе, — уклончиво ответил Ялмар и подумал: «Такого и пуля не берет!»

Они согласились на том, что красногвардейцам можно рассказать только о том, что идем на

прорыв, но нельзя говорить о путях, — о направлении удара.

Об этом можно сказать только одной Айно.

В штабе никого не было. Кто-то сказал, что Айроксинен в банке...

В банк было ближе пройти пешком, чем объезжать баррикады на улицах. Шофер остался проверять мотор, а Ялмар прошел через проходные дворы и вышел к красивому новому зданию банка.

Здесь он остановился и взглянул перед собою на проспект.

На тротуарах снега уже не было, явственно наступала неверная северная весна, и в опускавшихся на город сумерках была какая-то смутная грусть.

«На сколько же времени мы отдаем этот замечательный город лахтарям?» — с грустью подумал он, и сам не смог себе ответить на этот вопрос. И вдруг в здании банка раздался взрыв. Зазвенели, падая на тротуар, стекла...

— Смотри, раскрылась форточка! — показала Марта Ялмару.

Ялмар хотел подниматься по широкой лестнице наверх, чтобы отыскать Айроксинена, но старый швейцар в облитой золотыми галунами ливрее сказал:

— Господа красногвардейцы в подвале.

В подвале было полутемно...

Коски, расположившись на ступеньках, что-то писал при свете карманного фонаря...

Айроксинен диктовал ему.

— Пиши еще двадцать тысяч марок, еще семнадцать тысяч крон... семь тысяч рублей.

Увидев Ялмара, он прекратил диктовку.

Ялмар увидел в подвале еще несколько других красногвардейцев и двух хорошо одетых, точно прямо с бала, мужчин.

— Что тут происходит?

— А я решил, что нельзя золота банковского оставлять здесь лахтярям. Лучше возьмем с собой и сдадим правительству... Вот Коски опись-протокол составляет... А они подпишут. Это бухгалтер и комендант здания, — указал Айроксинен на незнакомцев.

— А что это за взрыв был?

— Да вот голубчики, — и снова Айроксинен показал на незнакомцев, — не хотели ключи от сейфов отдавать. Ну, я показал им, что у нас есть сильно действующие отмычки.

И действительно, дверца одного из несгораемых шкафов покоробилась, словно какой-то невероятный силач измял ее, краска с нее сошла...

— А все остальное в порядке?

— Все, как условились!

Ялмар шел по улице... Оглядывал город.

«Завтра уже я не буду проходить ни по рыночной площади, ни мимо ратуши... После-завтра в этом городе не будет уже красных знамен»... Ему стало грустно, — он замедлил шаги.

Каждый шаг гулко отдавался на гладких каменных плитах тротуара.

— Товарищ командир! — вдруг окликнули его сверху.

Он поднял глаза.

Его звали из окна второго этажа, оттуда доносился неровный гул голосов.

Это был дом Армии спасения, где теперь расположился отряд Генерала.

— Товарищ Ялмар, тебя просят зайти сюда.

Приказав Марте пойти за машиной, Ялмар

вошел в дом... На площадке дверь услужливо распахнулась перед ним.

В большой комнате было душно. Больше сотни красногвардейцев заполняли ее. У кафедры проповедника сидел с рукой на перевязи в своем пестром оперении Генерал.

Ялмар вошел, и сразу стало отчаянно тихо.

Ялмару показалось, что он слышит, как бьется сердце в груди соседа...

Такая тишина не предвещала ничего хорошего. И дверь позади захлопнулась. Ялмар сделал шаг назад и стал спиной к двери вплотную.

Первое правило — никого не должно быть за спиной.

Он прислонился к двери и громко спросил:

— В чем дело?

Все молчали.

— Отвечайте, — повторил он, — у нас времени мало. Ведь пора уходить!

Тогда сбоку раздался голос:

— Что собрание решило!

Все загалдели, застучали о пол винтовками.

— Нам не справиться...

— Ты арестован.

— Стойте! — крикнул Генерал. — Я скажу...

Общий гул немного приутих. Перед Ялмаром было больше сотни вооруженных людей... Генерал, морщась, негромко, слегка присвистывая—двух передних зубов у него нехватало, — сказал так, что каждое слово было слышно и доходило Ялмару до самого сердца:

— Вы убили парламентаря; наша игра здесь проиграна, и за этот выстрел всем попадет. Поэтому собрание решило задержать вас и выдать белому командованию. Вы сами лично должны ответить за это убийство!

Что было делать Ялмару? Он быстро сорвал

гранату со своего пояса, высоко поднял ее над головой. В другой руке у него был маузер.

— Живым меня никто не возьмет! — крикнул он и сделал движение, чтобы бросить бомбу.

И тогда раздались возгласы:

— Подожди, подожди, мы еще будем говорить с тобой.

Все еще держа над головой гранату, Ялмар сказал:

— О чем говорить? Я расстрелял одного провокатора, а вы хотите меня предать в руки белогвардейцев. Другим это можно простить, а не вам! Что вы думаете о ваших товарищах, которые умирали на морозе, в снегу? И что они подумали бы о вас, если бы слышали вашу речь? — И слова Ялмара звенели обидой и горечью. — Я отвечаю за жизнь товарищей и не только перед народным правительством, но и перед ними и перед самим собой. Вы, здесь собравшиеся, думаете только о себе, а мне поручено думать обо всех.

Нервы его были взвинчены. Он должен был кричать, чтобы не разрыдаться... Но он не кричал, а говорил решительно и спокойно. И те, кто слушал, покорялись этой решимости и верили в нее.

— Поэтому я предлагаю вам выбирать, — продолжал он. — Вы или уйдете из города и будете продолжать борьбу, — пусть это будет сам ад, или останетесь здесь... И тогда за вашу жизнь я не отвечаю. Но если вы продолжаете настаивать на моем аресте, я сейчас же взрываю бомбу, и мы погибнем вместе!

Снова из толпы раздались выкрики:

— Нам неправильно рассказали!

Сосед Ялмара стукнул винтовкой о пол и закричал:

— Мы пойдем с тобой, куда угодно!

Кто-то из стоящих около Генерала крикнул:

— Я остаюсь здесь!

И тогда Ялмар произнес голосом командира:

— Кто пойдет со мной — выходи!

Он стоял у двери, держа в одной руке гранату, в другой маузер, и мимо него проходили люди с винтовками, и, стуча каблуками по ступеням, они спускались на улицу...

И все-таки немало народа осталось в комнате, около Генерала, который молча сидел подле кафедры и злыми глазами смотрел на Ялмара.

Если бы силою взгляда можно было убить человека, Ялмара уже не было бы в живых. Когда Ялмар боком вышел из комнаты и захлопнул за собой дверь, адъютант нагнулся к Кальюри и тихо, но так, чтобы все оставшиеся в комнате слышали, сказал:

— Его счастье, что у тебя рука на перевязи!

Машина уже стояла внизу.

Ялмар с подножки сказал толпившимся вокруг машины красногвардейцам:

— Выберите себе командира роты и потом идите к рыночной площади. Там группируется перед выходом третий батальон. Командир вашего батальона Айроксинен!

Мотор заработал. Шофер включил сцепление, и машина снялась с места. Ялмар сел позади шофера.

Обида не отступала от его сердца.

Но о ней нельзя было никому говорить... Кому было легко? И только сознание, что он действовал правильно и иначе не мог, немного успокаивало его.

Жизнь двух тысяч людей теперь зависит от того, правильно ли он будет себя вести... И у

каждого есть мать и отец... любимые девушки, жены... маленькие сыновья и дочери. Перед ними тоже он в ответе. И перед революцией тоже! — Он должен спасти людей и расстроить планы противника...

— Ялмар, застегни ворот, а то простудишься, — просто сказала Марта и тронула его руку.

VIII. ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР В ГОРОДЕ

Ялмар еще раз ошупал свой пояс — золото было на месте. Рагнар, Ивар, Юкко, Симха и еще два красногвардейца, которым доверили Ялмар и Айроксинен золото, сейчас были похожи друг на друга. Та же озабоченность и некоторая важность проступали на их лицах и даже в движениях. А по тому, как часто хватались они рукою за свои пояса, — даже неопытный вор легко мог бы определить, что там спрятаны какие-то ценности.

— Ну, все в порядке, — сказал Ялмар.

— С богом, — подхватил Юкко, и все пошли по местам.

Золото решили распределить между верными красногвардейцами, а не везти на возу, чтобы не было соблазна и чтобы соблюсти маскировку.

Все было в порядке. Жалованье красногвардейцам за месяц выплачено.

Ялмар остался с шофером и Мартой на берегу.

Было темно, и после перестрелки озеро казалось пустынным и тихим. На дальних берегах угадывались в темноте леса. Ночь стояла спокойная и бесшумная.

Сплошные облака шли по небу.

Была тишина, холодок, мокрый снег, темные леса по берегам озера — и все же ощущалось, что наступает весна.

— Марта, — тихо позвал Ялмар.

— Я здесь, — быстро отозвалась девушка.

Она стояла рядом.

— Противник думает, что мы постараемся про-
рваться на юг. А мы пойдем по озеру на север.
Обойдем!

И Ялмар про себя улыбнулся.

— Машина не пройдет, — отозвался шофер.

— Бросим.

— И пушки тоже!

— Бросим. Люди пройдут.

Ялмар слышал дыхание Марты у своего плеча.

Она молчала.

Озеро лежало перед ними темное, тихое и
огромное.

Каждый из них теперь думал о своем.

— Ну, едем! — сказал Ялмар, и они пошли
к машине.

Шофер резко взял с места. Без гудков по
вечерней улице пролетели несколько квар-
талов. На углу выстраивался женский бата-
льон.

— Айно, — сказал Ялмар, — девушки замы-
кают колонну. Все остальное расскажет тебе
Айроксинен.

— Девушки к походу готовы, — ответила Айно.

— Только ты проследи, чтобы все сменили
чулки на портянки, — сказал Ялмар, и машина
двинулась дальше по пустынным улицам полуноч-
ного города.

«Смольный» горел. Сюда было свезено негодное
военное имущество, японские винтовки, к которым
не было патронов, пушки, которые нельзя было
взять с собой.

Высокие языки пламени вырывались из окон
здания и вились, как флаги по ветру.

От света пламени высившийся на флагштоке

красный флаг казался еще краснее и извивался, как будто чувствовал жар от огня.

— Сегодня еще красный флаг и завтра будет красный, а послезавтра? — вслух подумал шофер.

Из здания доносились глухие толчки взрывов, — как тогда, когда в этом же доме взорвались гранаты.

Ялмар приказал шоферу ехать дальше.

— Сейчас, — сказал шофер, и Ялмар удивленно взглянул на него. Обыкновенно парень без промедления выполнял его распоряжения.

— Сейчас, — повторил парень.

И Ялмар увидел, что глаза его наполнены влагой.

— Чего это ты? — тихо спросил он.

— Машину жалко, машину покидать жалко!

Они поехали дальше... А Марта сидела позади, на кожаном сидении, и молчала.

Ялмар тоже молчал и лишь поворотами головы указывал шоферу, куда ехать.

Отсветы пожаров шли за ними по всем улицам. Горели дома, подожженные бризантными снарядами лахтарской артиллерии и бомбами с аэропланов.

Они проехали по окраинной деревянной улочке, и там дымились угли, и на пепелище, как старинные паровозы, стояли одинокие плиты и печи, которых не мог взять огонь.

Потом опять шли улицы, выглядевшие так мирно, словно ничего на свете не случилось, и сон их обитателей был тих и безмятежен.

«Какая страшная вещь эта война», — подумал Ялмар и прислушался.

Стрельбы не было, царил мертвый покой, и только время от времени слышался грохот снарядов, взрывавшихся в «Смольном»...

— Здесь! — остановил машину Ялмар. — Здесь... Это был дом, где жила его мать, еще недавно жили отец, он, брат и сестры.

Старшая теперь была в отряде Айно...

Младшая, когда Ялмар вошел в дом, уже спала. Ялмар не стал ее будить... Он подошел к матери.

Она была вся в черном, траурном, и даже при свете коптилки он видел, что мать стала совсем седой...

— Мама, — сказал он, — прощай.

— Голос ласточки до неба не дойдет, — отвечая какой-то своей затаенной думе, промолвила мать и подошла к сыну вплотную.

— Разбудить Тюне?

— Пусть спит, — сказал Ялмар.

— Когда ты вернешься?! — спокойно, точно сын уходил на вечеринку, спросила мать.

Ялмар прикинул в уме... Месяца через два, по его мнению, революционные войска должны были опять занять город. Но это могло на худой конец произойти и через три месяца, и поэтому он сказал:

— Уж давай попрощаемся, мама, как следует... — и прижал ее голову к своей груди.

Он был высок, и голова матери, с собранными на затылок седыми волосами, не доставала даже до подбородка сына. Старая женщина запричитала:

— Была наша семья вместе собрана, как зерна в колосе. И как зерна из колоса мы рассыпались теперь.

— Мама! — сказал Ялмар.

Дверь отворилась. На пороге стояли Марта и шофер.

— Мама, — тихо повторил Ялмар.

При посторонних мать не стала жаловаться на

свою судьбу; оторвавшись от Ялмара, она внимательно оглядела Марту.

Слышно было, как ровно дышит спящая сестренка.

Старая женщина набожно произнесла:

— Да хранит бог твоих родителей, милая...

Лицо Марты странно нахмурилось. Она с грустью вздохнула... Ялмару было неловко целоваться при всех, поэтому он, пропустив вперед Марту и шофера, на площадке лестницы прижался губами к волосам матери и почувствовал, как она целует его гимнастерку.

Он быстро сбежал по лестнице и услышал еще, как шофер спросил Марту:

— Почему тебе не понравилось, что старуха благословила твоих родителей?

Девушка произнесла:

— Мой отец шюцкоровец!

— А, лахтарь, — сказал шофер, — тогда понятно!..

Опять на улицах никого не было.

Опять было жарко проезжать мимо горящих зданий.

«Теперь их больше не будет», — подумал Ялмар, ему стало жалко этих небогатых домов, — сколько воспоминаний детства связано с проходными дворами, таинственными подворотнями, подвалами, казавшимися то подземельями разбойников, то катакомбами древних христиан.

Машина пошла медленнее.

Или фары испортились, или не было уже карбида, но свет погас. За спиною Ялмара, на кожаном сидении машины, была Марта, и он ощущал на себе ее взгляды, и ему было от этого легко.

Ему так хотелось взять мать с собой, но разве не он сам отдал приказ никого из посторонних в отряд не брать?

Слишком уж сложен и труден был путь колонн... И не мог он не выполнить собственного приказа.

На углу стоял, опершись на винтовку, одинокий человек.

Ялмар остановил автомобиль.

— Подойди сюда! — скомандовал он.

Человек стоял, словно не слышал приказа.

— Я красный, — сказал Ялмар.

Человек подошел к автомобилю ближе.

Марта услышала, как он тяжело дышит.

— Я думал, что пришли уже белые, — сказал он.

— Почему ты остался в городе, разве не знаешь приказа отходить? — сурово спросил его Ялмар.

— Знаю приказ! — отвечал человек; теперь уже слышна была отдаленная перестрелка.

Дальние ракеты изредка разрезали темное небо.

— У меня здесь жена и пятеро детей, — продолжал человек с винтовкой.

Снова Марта услышала, как тяжело он дышит.

— Я хочу остаться тут — и пусть делают со мной, что угодно!

Ялмар не стал спорить с ним. Но ему было тяжело видеть пожилого человека с винтовкой, который знал, что, оставаясь, он рискует жизнью.

— Отдай свою винтовку, патроны и профсоюзный билет, — приказал Ялмар.

Тот охотно вручил Марте свою винтовку и патронташ, набитый патронами. Профсоюзная книжка была запрятана в глубоком кармане. С этим билетом расставался он неохотно.

Марта раскрыла билет и узнала, что он выдан в 1909 году.

Безоружный пожилой человек все еще глядел вслед автомобилю, даже тогда, когда он уже

скрылся за углом, потом, вздохнув, пошел в противоположную сторону.

И снова машина остановилась около здания большого национального театра... Часовых не было.

Ялмар вошел в большой зрительный зал.

За ним шла Марта.

Густой запах портянок, одежды, долго не снимавшейся, и табачного дыма ударил ему в нос.

В проходах, между рядами, на стульях, в ложах спали красногвардейцы, винтовки валялись в беспорядке рядом со своими спящими хозяевами.

— Белые, белые! — громко закричал Ялмар, и крик его громко раздался в зрительном зале.

Архитектор не раз благодарно вспоминался актерами: акустика была превосходна. И все же на окрик Ялмара никто не только не встрепнулся, но и не поднялся, чтобы посмотреть, кто пришел.

Это было спящее, заколдованное усталостью царство.

Ялмар выстрелил из маузера. Сонное царство не потревожилось. Выстрел не снял заклятия.

В главной директорской ложе находился Кальюри — новый выборный командир этих спящих красногвардейцев. Это были те, которые ни за что не хотели покидать своего города. Они верили обещаниям вражеских лазутчиков; они верили кооператорам, утверждавшим, что буржуа наши тоже люди, и люди цивилизованные и культурные, которые пленным не мстят, они не хотели уходить от семей и, пусть плохих, но насиженных гнезд, и, наконец, они были очень голодны и устали драться.

Шагая через спящих, стараясь не споткнуться, Ялмар разыскал Генерала и его адъютантов. Они сидели на полу, — на мягком директорском кресле лежали карты.

Кальюри играл в «Бисмарк» при трепещущем свете стеаринового огарка. Одной рукой ему было неловко сдавать.

— Вы остаетесь здесь, — сухо сказал Ялмар, — и должны защищать город до завтрашнего полудня. Понятно?

Генерал перестал тасовать колоду.

— У тебя восемь пулеметов и шесть орудий, — продолжал Ялмар. И оглянулся. Марты не было за спиной, и ему стало как-то не по себе.

— Ты поставишь эти пулеметы и пушки... — Ялмар точно назвал места, куда следовало поставить пулеметы и пушки, — и если неприятель войдет в город раньше завтрашнего полудня, ты отвечаешь...

— Как отвечаю? — спросил командир и встал.

Огарок, укрепленный на спинке мягкого театрального кресла, был единственным источником света во всем этом большом и темном зрительном зале.

Со всех сторон слышался густой и заливи-стый храп. Огромные тени качались на ярусах.

— Как?.. — переспросил Ялмар, губы его пересохли, ему очень хотелось ударить собеседника по лицу... Скольких он обрекает верной гибели. Но Ялмар сдержался.

— Ты будешь исключен из партии, — сказал он, — и все рабочие газеты мира напечатают твоё имя как имя предателя трудящихся, твоим именем будут пугать детей и проклинать ненавистных. Змея и ехидна и лахтарь будут казаться ласковыми именами в сравнении с твоим!

— Довольно, — сказал Кальюри. — Ну, а если я выдержу до полудня?

— Тогда делай, что хочешь, иди к лахтарям, сдавайся или, если хочешь, лижи зад у Маннергейма или его лакея.

— Довольно! — повторил командир. — Я ручаюсь, что до полудня продержу город. А как уходят твои колонны, куда путь держишь?

— Подробности узнаешь из газет, — процедил Ялмар и пошел к выходу.

Адъютанты командира «спящего царства» зашевелились, они пошли будить пулеметчиков и артиллеристов.

Но для этого нужно было сначала разыскать их среди спящих.

Ялмар снова вдохнул морозный и влажный воздух апрельской ночи. Шофер и Марта накладывали в кузов пулеметные ленты и патроны, которые они притащили из вестибюля театра.

— В редакцию, — скомандовал Ялмар.

Он должен был захватить с собой брата.

В редакции брата не было.

Ирмари сидел в типографии за керосиновой лампочкой и быстро водил пером по большому куску бумаги.

— Подожди минутку, — сказал он брату, — я сейчас окончу.

— Мы выходим из города, тебе надо уходить с нами!

— Сейчас, сейчас — бормотал, не слушая, Ирмари.

Лицо его было сосредоточено, и он улыбался, точно торжествовал победу над врагом. Перо быстро летало по бумаге... Ялмар положил руку на плечо брата.

— Вот, кончил, — сказал Ирмари и встал, размахивая исписанной бумагой.

Несколько типографских рабочих окружили его.

— Сейчас я прочту, а они отпечатают. Тогда можно и уходить. — сказал он брату и начал читать хриплым голосом.

Красный шерстяной шарф обматывал шею, и бахромка его спадала на плечо... Ирмари был небрит и восторжен, читал — словно небывалые стихи.

«Кто он, ваш командующий?! Швед по национальности! Помещик по положению?! Генерал Николая Кровавого по должности!

Он подавлял революцию в Персии.

Он служил в той русской армии, которая раздавила нашу революцию пятого года и послала в тюрьмы и Сибирь тех, кто боролся с царем и русскими националистами.

Не за это ли получил он от Николая Второго золотое оружие?

О, у них есть чем похвастаться! Они могут похвастать количеством измен и перебежек своего маршала!

Ни один жулик-старьевщик столько раз не продал пары стоптанных старых сапог, сколько раз этот негодяй свою шпагу! Это самый большой Иуда из всех живших на земле. Он получает плату и награду от тех, кого предал!.. И зовут его генерал Маннергейм!»

Печатники слушали чтение Ирмари, сжав кулаки, с ненавидящими глазами... Он читал так, словно произносил речь на огромном митинге, и Марта знала, что попадись сейчас генерал Маннергейм, она бы его задушила своими руками.

И с этим подлецом вместе шел ее отец!..

— Я успею еще, я знаю, догоню вас, но эта листовка должна увидеть свет, даже если она будет последним моим произведением, — прервал Ирмари чтение листовки.

Ялмар положил руку на плечо Марты, и они вышли из типографии.

— Последний раз в Рабочий дом, и оттуда к месту отхода!

IX. МАРТА! МАРТА! МАРТА!

Шофер повел машину по пустынным улицам посажденного города.

Фары не светились, и машина все время пронзительно и дико кричала.

— Перестань, — попросила Марта шофера, и Ялмару голос ее напоминал что-то родное, издавна знакомое, с детства, но ведь он был старше, чем она.

Машина остановилась около горящего дома.

Опять стало жарко. Дальше ехать нельзя было — путь преграждала большая баррикада из тюков белой целлюлозы. Наверху этой баррикады стоял пулемет. Это было одно из мест, названных Ялмаром командиру в театре...

Шофер стал разворачивать автомобиль. И вдруг снаряд ударил в горящий дом и, сорвав несколько досок с чердака, сбросил их вниз на улицу, на тротуар, и вместе с мелкой пылью штукатурки большая доска упала в машину. Машина вздрогнула. Ялмар обернулся.

Совсем рядом с Мартой стоймя стояла огромная тяжелая доска с дранками и штукатуркой...

Марта сидела попрежнему спокойно, даже не пошевелинулась.

Ялмар вздрогнул и подумал: «Да ведь эта девушка без нервов!»

— Пробила пол, — спокойно сказала Марта и немного отодвинулась в сторону от доски.

«Да, она без нервов», — снова сказал про себя Ялмар и удивился, как это он мог посы-

лать ее так спокойно в самые опасные места, куда отказывались идти мужчины. Вот и позавчера пули разбили бутылку, торчавшую у нее из кармана, и куртка еще пахла крепким коньяком.

Как он не подумал до этого вечера, что девушку можно было бы и не подвергать такой опасности так часто! Да, но ведь ее приход на линию огня вызывал всегда подъем и радость у бойцов. Нет, он поступал правильно.

— Не будем вытаскивать доску, — с деланным ухарством сказал шофер, — все равно ведь машине погибать!

У парадной двери штаба стоял пулемет. У пулемета на ступеньке подъезда сидел Ганнес. Он поеживался от холода.

— Что ты здесь делаешь? — изумился Ялмар.

— Да ты же сам меня здесь поставил вчера и велел не уходить, — негромко ответил Ганнес.

В самом деле — как это Ялмар мог забыть!

— Так ты не сходил с места, не ел и не спал!

— А то как же? — беспечным голосом ответил Ганнес.

Но видно было, что он очень утомлен.

— Ну, тогда садись в машину со своим пулеметом.

Марта вытащила из сумки ломоть черного хлеба, посыпанного крупной солью, и подала его Ганнесу.

— Есть, товарищ командир, с пулеметом в машину! — и Ганнес приподнял свой котелок.

Через три минуты Ялмар с Мартой уже подымались по темной лестнице Рабочего дома во второй этаж.

Дом был пуст.

Зазвенела отброшенная ногою пустая жестянка

из-под консервов. Кипа книг лежала на полу посредине комнаты...

— Наверно, из библиотеки, — и Ялмар тихо выругался.

Так они прошли по безлюдным комнатам, прощаясь с ними...

Оставалась еще самая дальняя диванная комната, где отдыхали в старое время и где репетировал новые постановки драматический кружок.

Когда-то и Ялмар был участником драматического кружка, но на его долю почему-то выпадали роли: грома за сценой, свиста ветра, дробы барабана, топота проходящих войск или ночного сторожа, когда он бьет в колотушку... Один раз даже он ведал боталами заблудившейся коровы. А как интересно бывало на репетициях, и как волновался он тогда, когда наступала его очередь действовать...

Он обернулся и ощутил на своем лице теплое дыхание девушки. Он протянул вперед руку, и она встретилась с рукой Марты. Ее рука была горячая и дружеская... Он притянул к себе Марту и поцеловал. В темноте он целовал ее лоб, глаза, щеки, но, она доверчиво подалась к нему. Ему было очень хорошо оттого, что она так доверчиво держала своей легкой рукой его большую руку, дышала рядом с ним.

Он провел рукой по спине девушки. Спина была чудесная. Кожаная тужурка, подбитая барашком, упала с ее плеч... Прядь волос защекотала щеку.

— Марта! — тихо сказал Ялмар...

— Я! — тихо отозвалась девушка.

Он почувствовал, что сердце его наполняется неведомой благодарностью за то, что он живет и что она ждала минуты, когда его руки найдут ее.

Он поднял ее на руки.

Она была совсем, совсем легкая — и в темноте, прямо, не спотыкаясь и не падая, он понес ее к дивану. Она тихонько приложила свои теплые губы к его щеке.

«Завтра нас, может быть, совсем не будет на свете, — подумалось Ялмару, — ни ее, ни меня», — и все же он всем своим существом ощущал счастье.

Он отвел со лба Марты непослушную прядь (почему он не замечал до сих пор, как нежны ее волосы!) и поцеловал в губы.

— Господи, как хорошо жить, — сказала Марта.

Никогда он не чувствовал такой большой и чистой радости, как сейчас...

Было непонятно, сколько прошло времени с той минуты, когда они зашли в дом...

Ялмар услышал, как ударила неприятельская пушка, он чувствовал, как рядом прислушивается уже навсегда родная женщина. Орудийный выстрел повторился и еще — через равные интервалы.

— Это подготовка, — значит, еще есть время. Раньше рассвета они не начнут наступать.

Ялмар встал с дивана.

Марта поднялась, оперлась на его руку, и они медленно пошли обратно.

На площадке Ялмар зажег спичку, и в свете быстро вспыхнувшего пламени он снова увидел Марту: глаза ее были полузакрыты, ресницы длинные и темные, а на щеках теплился румянец. Он взял ее под руку и так, не говоря ни слова, прижимаясь друг к другу на каждой ступеньке, они сошли вниз.

В автомобиле на заднем сидении рядом с доской, стоявшей торчмя, спал Ганнес.

— Садись к нему, я поведу машину, — сказал Ялмар шоферу и посадил рядом с собой Марту.

Тело свое он ощущал сейчас легким, и, казалось, пожелай — сейчас бы и полетел... Но улететь от земли не хотелось — Марта сидела рядом с ним и локтем касалась его локтя.

На повороте он искоса взглянул на девушку. Она тоже смотрела с восхищением на его лицо, и глаза ее блаженно блеснули.

Он знал, что если ей понадобится, он, ни секунды не медля, погибнет за нее, но она молча требовала сейчас не гибели, а жизни. Жить! Вдыхать полной грудью этот морозный воздух, неожиданно давать тормоз и поворачивать так круто, чтобы ее приближало к нему. Нет, не гибели требовала их любовь. (И мать его сейчас стояла у себя в комнате на коленях и горячо молилась богу, чтобы красные победили, чтобы господь успокоил душу ее непокладистого мужа и чтобы Ялмар женился, наконец, на хорошей девушке и у нее были бы внуки.) Нет, не гибели требовала его любовь, а победы.

На берегу, в том месте, где снег был плотно утоптан уже прошедшими отрядами, Ялмара поджидало двое саней и три лошади.

Ялмар приказал возчикам ждать, пока придет Ирмари, и вместе с ними идти по льду озера следом за отрядами. Привезенные ленты с патронами и пулемет перенесли из кузова автомобиля на сани...

Шофер отказался ехать верхом вместе с Ялмаром и Мартой.

— Я подожду Ирмари и с ним поеду.

— Тогда на санях! Лошадь я беру с собой.

— Ладно.

Спящего Ганнеса положили на сани, он и не

проснулся. Его прикрыли деревенскими бараньими тулупами.

Когда отъехали шагов пятьдесят, Ялмар сказал:

— Марта (как приятно это имя ложилось на язык), он не Ирмари ждет, он до последней секунды хочет быть рядом со своей машиной. Он все еще надеется, что лахтари в город не войдут...

Марта не отвечала. Ее лошадь на две головы отстала, и он чувствовал у своей левой ноги громкое и теплое дыхание лошади Марты, и ему было хорошо от этого.

Через десять минут легкой рыси Ялмар и Марта увидели черневшую во тьме группу людей.

Подскакав ближе, они увидели, что люди эти вовсе не стояли, а работали, надрываясь, выбиваясь из сил. Провалился лед под тяжестью пушки, и она ушла в воду...

— Я же приказал оставить орудия! — рассердился Ялмар. — Апрельский лед не выдержит такой тяжести: лишний труд и задержка!

— Я по-фински не говорю, — раздалась русская речь. — Я по-фински не понимаю. Я по-русски, по-большевистски, — нам эта пушка нужна и баста!

Это был Тетерь с обученными им артиллеристами.

— Слушай, Ялмар, — продолжал он, — какой-то субъект отдал приказ не брать с собой орудия: я думаю, что Коски решил действовать на свой риск. Одно проехало впереди, с другим, видишь, завязли.

— Но лед снова проломится!

— Какое там проломится! Вот у тебя третья лошадь пустая, отдай мне в работу — завтра возвращу.

Ялмар уступил лошадь.

— Больше по пути девушек не поднимешь... — усмехнулся матрос. — Ну, а какой я артиллерист без орудия! Смешно! Это понимать надо!

И уже вдогонку отъезжающим он бросил свою обычную финскую фразу:

— Как вас зовут, милая нэйти!

Долго еще слышал Ялмар, как кряхтели и ругались красногвардейцы, стараясь вытащить пушку из воды на лед.

— Как он только управляет ими, не зная языка? — вслух усомнилась Марта.

— Работой! Сердцем! — сказал Ялмар.

Снова на всем этом большом озере, казалось, никого не было, кроме них и темных лесов, стоявших по берегам.

Потом взвились высоко в темное небо яркозеленые осветительные ракеты. И на мгновение все озеро озарилось неестественным театральным светом.

Ялмар остановил коня.

Лошадь Марты подошла вплотную и тоже остановилась.

При свете ракеты Ялмар заметил далеко, далеко впереди движение хвоста колонны.

Неприятели ничего не заметили. Они ждали удара с другой стороны.

Через час Ялмар и Марта догнали батальон Айно.

Айно шла впереди своего отряда. Потом шли обозы... Впереди батальон Айроксинена.

Айроксинен сидел на санях, позади бежала привязанная к саням его лошадь.

Первым батальоном командовал сам Ялмар...

Когда он занял место впереди колонны, уже начинало светать. Розовый свет был разлит во всем воздухе. Ялмар оглянулся. Марта спала, мерно покачиваясь в седле. Ее кожаная тужурка,

казалось, посветлела. Легкая прядь светлых волос выбилась из-под берета. Щеки розовели, и губы были полуоткрыты.

Прошли только половину озера.

Но путь уже шел влево к лесистому берегу. Яркое солнце не должно было настигнуть их на открытом месте.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ

I. АЙРОКСИНЕН СТОИТ НА ЧАСАХ

На сон в этой деревне было отведено четыре часа. Потом марш дальше — и через несколько километров неожиданный поворот на проселочную дорогу: лахтари не должны были даже догадаться, что будет делать, какой путь изберет колонна Ялмара. И вот теперь четыре часа было отведено на сон. И в углу — у печки, прикорнув на полу, уже спала Марта. От ее куртки пахло лошадьё. Ялмар не мог спать.

Ему казалось, что уже никогда-никогда он не заснет спокойным, мирным сном. Перед его внутренним возром все стоял Ганнес — этот нелепый, взъерошенный мальчишка в котелке, прискакавший вечером на взмыленном коне.

— Сволочь, совсем лошадь загнал, — произнес вслух Ялмар, но думал он не о лошади.

Он старался представить себе все то, о чем так

взволнованно, беспорядочно рассказывал Ганнес, и, хотя все слова были понятны и убедительны, Ялмар видел обрывки каких-то неясных картин. То вставала перед ним прорубь, и в этой проруби, пузырясь, топорщилось коверкотовое пальто и над барашковым воротником этого пальто маячило небритое лицо Ирмари, и длинные тонкие пальцы, поросшие волосами, цеплялись за кромки льда... И лахтари стреляли по этой, черневшей на белом льду бескрайнего озера, мишени... Или он видел, как поднимаются вверх бойкие языки пламени — горела машина, к которой он так успел привыкнуть в дни осады города. Это шофер вылил из бензинового бака все горючее и поджег свою машину, чтобы она не досталась белым.

А что потом? Ганнес не рассказал — он ускакал раньше.

Ялмар встал и прошелся по темной комнате. Он опустился на пол рядом с Мартой; чувствуя на своем лице ее ровное дыхание, думал, что рядом с ней и он, может быть, заснет, хотя бы на два часа... завтра бой.

Но сон не шел.

Ганнес рассказывал, что они с шофером и возницей заждались Ирмари до самого восхода солнца над озером. А утром он пришел с двумя печатниками и тащил в руках две большие пачки со свежими листовками. Потом юноша начинал плести что-то несвязное — откуда-то появлялись неприятельские кавалеристы и броневики. Шофер гнал машину по льду. Белые преследовали по пятам. А потом шофера ранило в руку, и ему пришлось бросить баранку руля. Он поджег машину и стал отстреливаться. Ганнес бежал дальше, надеясь, что его скроет пелена этого бесконечно идущего мокрого снега. Ветер в лицо. А Ирмари бежал, держа в одной руке пачку свежих, пах-

нущих типографской краской листовок. И он попал в прорубь, у которой, покидая город, Ялмар догнал Тетеря с орудием.

Лахтари были близко.

По льду бегала лошадь без всадника, — Ганнес вскочил в седло и примчался сюда. Он был взъерошен и совсем не похож на того сонного человека, каким видел его Ялмар в последний раз. Потом Ганнес рассказал, как белые стреляли в прорубь, и нельзя было понять из его слов — жив остался Ирмари или убит... Или потонул в холодной воде, или сидит сейчас, дожидаясь расстрела, в каком-нибудь подвале.

«Бедная мама», — подумал Ялмар и погладил Марту по теплой спине.

— Бедная мама, — встал он с пола.

Итак, Ирмари нет в живых. Вместе с Ирмари уходила из мира часть и его собственной жизни, неразрывно связанная с жизнью брата. Теперь уже не с кем будет вспоминать отдельные случаи, незначительные с первого взгляда, но такие незабываемые. Вспоминать, понимая с полуслова, о чем идет речь. Невозвратно погибал кусок и его собственной жизни.

Он не мог спать... А уже скоро надо было всем просыпаться. Он взглянул на часы... И куда это запропастился Айроксинен? Перед тем, как наметить дальнейший маршрут, он условился договориться со стариком, чтобы уже вместе спорить с Коски, если тот будет в чем-нибудь несогласен. Коски спал на печи.

Айроксинен не приходил.

«А пусть его поспит еще немного», — подумал Ялмар о старике. Он вытащил из полевой сумки карту и хотел уже было затеплить свет, как на улице раздались громкие голоса. Ржали лошади, кто-то смеялся. Потревоженный, во дворе

шумно захлопал крыльями и закукарекал пестух...

«Рагнар и Симха?» — подумал Ялмар и вышел из дома.

По улице медленно везли орудие с поломанным колесом. Его тянули четыре лошади, и Тетерь торжественно, без седла, восседал на спине передней...

— Как вас зовут, милая нэйти! — крикнул он, увидев Ялмара. И в этой фразе звучало торжество удачи, гордость. — А орудие все-таки наше.

В свою единственную финскую фразу Тетерь мог вложить, что хотел, и вопрос, и печаль, и удаль, и торжество, и, конечно, она подходила и для ухаживания за девушками.

— Вот тебе подарочек, — сказал он, соскочив с лошади и пожимая руку Ялмару, — получай с процентами, а мне давай в награду сто фунтов шоколаду, сто фунтов мармеладу, а еще лучше стаканчик коньяка да и на боковую. Когда выступаем?

Из всей этой тирады Ялмар понял только последние слова и, посмотрев на часы, ответил:

— Всякий минут готов поход.

Но, чорт дери, куда это запропал Айроксинен?

— А знаешь что, — говорил Тетерь, — я в покои не пойду... Гони, ребята, сена сюда. Я около орудия посплю часок-другой...

Но так как никто не понял его, пришлось ему самому итти доставать сено.

А спать на воздухе можно было — снег перестал итти, небо было пустое, и уже занималось утро; на небе еще голубели одинокие звезды.

Ялмар оставил Тетеря у орудий, а сам пошел к околице.

— Куда запропастился этот долговязый старик? А Тетерь — молодец, что отстоял орудие. Надо

будет ему объявить благодарность в приказе. Хотя он и не поймет... Впрочем, Ольга переведет ему все...

Он хотел проехать верхом до самого хвоста своей части, но лошадь была не оседлана — возиться с седлом не хотелось, и Ялмар пошел пешком. На нескольких санях с боевыми припасами и продуктами сидели не причастные к отряду женщины, старые и молодые, с малыми ребятишками. И были сани, доверху нагруженные домашним скарбом. Семьи красногвардейцев. Ялмар хотел было рассердиться на то, что нарушен его приказ, но вспомнил, как позавчера прощался с матерью.

«Не будь я командиром, конечно, мать восседала бы здесь среди домашнего скарба, рядом с этими старухами», — подумал он и, махнув рукою, пошел дальше. Уже не было саней и красногвардейцев, уже скрылся за холмом последний домик деревни, а он все шел по дороге.

— Дойду, проверю последний пост, — пробормотал он себе под нос...

Пройдя еще метров двести, он удивленно остановился.

Перед ним стоял с винтовкой в руках Айроксинен. Губы Айроксинена побледнели от холода, и он весь продрог.

— Что ты здесь делаешь? Я тебя жду!

— Поди скорей, посылай смену, тогда приду. У старика зуб на зуб не попадал.

— Я здесь стою часовым.

— Командир батальона! По-моему, ты спятил.

Но Айроксинен не был похож на сумасшедшего.

— Часа три назад я проверял посты, прихожу сюда, — рассказывал он, — смотрю — нет дозорного, пост не может быть обнаженным, я и остался отстаивать здесь положенные часы. Придется только хорошенько выругать караульного началь-

ника. Уже полчаса сверх срока стою — нет смены...

— А где часовой?

— Поди, спроси у него.

Когда Ялмар шел обратно к деревне, навстречу ему попался разводящий с двумя часовыми.

— Идите, идите поскорее, Айроксинен вам там задаст перцу, — напутствовал их Ялмар.

Он шел медленно, и Айроксинен догнал его у самой околицы.

— Тому, чорт, холодно стало, он, не сказавшись, и пошел отогреваться в караулку! — возмущался Айроксинен. — Какие дураки!

— А ты тоже... сам встаешь на часы, шел бы в караулку и прислал бы красногвардейца, — рассердился Ялмар.

— Ну, уж это извини, — возразил Айроксинен. — На то я начальник, чтобы самому рядовым пример показывать!

Ялмар вспомнил женщин и детей, невозбранно сидевших в санях обоза, и не стал спорить. У крыльца дома, где располагался штаб, Марта седлала лошадь.

II. АЙНО ХОЧЕТ ИЗВИНИТЬСЯ

От вчерашней метели и следа не осталось. Казалось, она была давно, давно. Юккс сообщил Ялмару, что в лесу во время метели потерялся Рагнар. Ивар не находил отставшего своего друга Симха. Их не было и среди больных. В дезертирстве таких красногвардейцев заподозрить нельзя было. Итак, Рагнар и Симха попали в плен.

Когда кто-то из красногвардейцев усомнился в этом и выразил предположение, что золото очень хорошо звенит и совсем не пахнет, Юкко развернулся и своим увесистым кулаком вле-

пил ему такой удар в ухо, что усомнившийся как куль шлепнулся в мягкий снег, а потом целый месяц жалел о своих неосторожных словах.

Тетерь восседал около своих орудий, как какой-то идол. Коренастый, невысокий и сильный... Он гордился теперь пушками, как мать гордится успехом своих сыновей.

Орудия были поцарапаны. У одного из них на месте оторванного колеса был прикреплен полоз... и оно немного покосилось.

Трудно было корректировать стрельбу из такого орудия... А теперь, как назло, нужно было быть очень метким.

Предстояла сложнейшая операция.

Командир полка карабинеров, который получил приказ во что бы то ни стало остановить движение колонны, много уже слышал рассказов о Ялмаре и считал его офицером, получившим образование в военной академии. «Поэтому, — думал он, — Ялмар поймет всю безнадежность атаки укрепленных позиций и повернет обратно в поисках лучшей дороги».

Но Ялмар не получил военного образования, и потом он знал, что другого пути нет, поэтому он решил пройти через мост.

Нужно было пройти по перешейку, шириною метров двести, разделявшему два озера. Озера эти соединялись широким протоком, и там, где проходила дорога, через него был положен мост. Мост находился в ложбинке, сразу позади и впереди моста дорога поднималась вверх, и вся она, как и озера, была окружена сосновым лесом. На другой стороне протока, сразу же после моста, на подъеме у опушки леса залегли карабинеры, наскоро устроив себе прикрытия из валунов, сырого снега и быстро поваленных сосен.

По льду озера обойти позицию нельзя было.

Лед был совсем тонкий. А местами уже чернели большие холодные полыньи...

Ялмар долго разговаривал с Айроксиненом и Коски о том, как же быть... Но они, как и Ялмар, не знали военного дела и поэтому решили идти напролом.

В лоб должен был идти батальон Ялмара. Батальон Айно вместе с обозом оставался в резерве... Батальону Айроксинена давалось задание — перейти по льду озера на другой берег и, ежели удастся перебраться — сковать фланги неприятеля.

Женский батальон стоял в деревне вместе с двумя пушками. Айроксиненцы — это были почти все металлисты, бумажники — достали несколько легких лодчонок (на всякий случай) и осторожно вступили на хрупкий уже лед.

Батальон Ялмара стягивался у дороги и, стараясь пройти незамеченным по обочинам, подбирался к мосту.

Солнце только что взошло. Ялмар нарочно избрал для этой операции дневное время. Ночью красногвардейцы вели себя очень неуверенно, очень легко поддавались панике и плохо слушались приказов. И хотя Тетерь всегда настаивал на ночных операциях и Ялмар признавал его авторитет, — чутье Айроксинена подсказало другую тактику.

Тетерь сошел с пушки.

Айно стояла вблизи и наблюдала за Тетерем. Ей нравился этот крепко сшитый парень, она внутренне восхищалась его настойчивостью и энергией и тем, что у отряда все-таки два орудия. Это была работа Тетеря. Он наклонился и начал мыть руки снегом.

— До орудия нельзя касаться нечистыми ру-

ками! — Это было его твердое и искреннее убеждение.

Орудие надо оберегать и холить, и тогда оно будет послушным и безотказным.

Он готов был лично вслух извиниться перед орудием за то, что допустил потертости на нем, царапины на его благородном вытянутом теле. Он страдал от того, что было поломано колесо, так, как будто у него самого сломана была рука, и все ж таки он был весел и попрежнему жизнерадостен, хотя его после ледяной бани иногда немного знобило и руки были горячее, чем полагается.

— Как вас зовут, милая нэйти? — сказал он, любовно поглаживая замок орудия. — А ну, подавай сюда снаряды! — крикнул своим номерам.

Они стали медленно вынимать снаряды из зарядной повозки и так же медленно подносили к орудиям.

— Чорт подери, как вас зовут, милая нэйти? — произнес матрос тоном ругательства единственную свою финскую фразу.

И Айно вспомнилось, как и когда она слышала от Тетеря впервые эту фразу. Она вспомнила переулочек, уходящий отряд Красной гвардии, мальчишек, заколачивавших досками ставни, и троих русских, шумно шагавших по тротуару ей навстречу, и она вся вспыхнула — ей стало стыдно, что она могла плохо думать о русских революционерах, и ей стало неловко, что тогда она в испуге перебежала на другую сторону улицы, только бы не встретиться с глазу на глаз с русскими военными. Тетерь поднял глаза от орудия и заметил Айно. Он поднял руку к бескозырке, отдавая честь, и подумал:

«А все ж таки боцман брехал!»

А боцман им, еще в четырнадцатом году при-

гнанным во флот, перед отправлением в Финляндию внушал такие понятия:

— Что есть чухна? Белобрысая рожа, и из рта торчит трубка — значит, мужчина. Такая же белобрысая рожа, трубки нет — вот тебе и баба!

Да, если сам боцман в ту минуту взглянул бы на раскрасневшееся лицо Айно, он немедленно взял бы слова обратно. Тетерь даже стянул свою бескозырку с головы от удивления. А потом, поняв, что делает что-то не то, стал деловито поправлять и без того правильно лежавшую ленточку. Айно окликнула стоявшую поодаль около своего пулемета Ольгу. Она хотела подойти к Тетерю и здесь же извиниться в своем глупом, неуместном, нетоварищеском поведении тогда на улице.

Ольга служила ей часто переводчиком — она хорошо говорила по-русски. Сама она была петербуржанкой. На Выборгской стороне организовывался финский красногвардейский отряд (в отряд вошли рабочие-финны завода Парвизайнена, Колесного и ряда других предприятий Питера), при отряде создали кружок красных сестер милосердия, и Ольга была одной из первых, записавшихся еще в августе в этот кружок. Вместе с отрядом она была в окопах в сентябре под Петроградом, во время мятежа Корнилова, вместе с товарищами была она и под Гатчиной когда казачий генерал Краснов задумал уничтожить советскую власть; а когда Ольга узнала, что в Финляндии раненым бойцам нужна помощь красных сестер милосердия, она, прекрасно владеющая двумя языками, не раздумывая, приехала.

Здесь ей пришлось переменить профессию. Несколько русских солдат-пулеметчиков из расквартированного в городе гарнизона обучали финских

красногвардейцев пулеметному делу. Но солдаты не знали финского языка, а красногвардейцы — русского. За Ольгу ухватились и попросили помочь.

Она, сверх своей обычной работы в полевом лазарете, стала приходить на занятия и, деловито вникая в каждую деталь, внимательно переводить красногвардейцам то, что требовали русские пулеметчики-инструктора.

Все детали затвора, причины всех произвольных и непроизвольных задержек максима, кольца и гочкиса очень скоро были ей известны лучше, чем тем, которых обучали. Постепенно забросив свою работу в госпитале, она целиком ушла в работу переводчика и даже дала в тире несколько больших и малых очередей из пулеметов разных систем.

А тем временем оба русских пулеметчика демобилизовались и уехали домой — один на Урал, а другой в Воронежскую губернию.

Так Ольга осталась на этих «курсах» одна, и раз не было никого другого, пришлось ей, переводчице, уже прослушавшей несколько «курсов», стать инструктором.

И что же, почти все пулеметчики ялмаровского отряда были ее выучениками, а сама она, когда начались бои за город, вступила в батальон Айно и, конечно, домой, родным ни слова не написала, что стала здесь пулеметчицей, — не зачем волновать стариков, которые боятся даже вида патрона.

Сейчас, когда Айно захотелось сказать Тетерю, что девушки, по глупости своей и буржуазной клевете, боялись всех русских — и она была совсем недавно такой же душой, — она попросила Ольгу быть ее толмачом.

Девушки подошли к орудию. Ольга была

полная, невысокая брюнетка, — никто из иностранцев не принял бы ее за финку.

Матрос дружелюбно протянул руку, но, поздоровавшись, сразу перевел глаза на дорогу. Нестройной толпой, держа винтовки за плечами и в руках, к ним подходила группа красногвардейцев.

— Закладывать лошадей! — кричал шедший впереди других.

— Гони орудия на позицию вперед!

— Хватит отсиживаться здесь, в тылу... — горлагили другие, и было видно, что ими уже принято какое-то определенное решение.

— Что они хотят? — спросил у Ольги Тетерь.

Ольга спросила у переднего:

— Начальник артиллерии хочет знать, в чем дело?

Тот выступил вперед:

— Мы хотим, — решительно сказал он, — чтобы все было по-честному. Мы идем в бой, на смерть, и нам не до игрушек.

— В чем же дело?

— Жалко, что ты баба, а то мы не так бы говорили. Пусть пушка идет в бой вместе с нами, как полагается, впереди линии. Мы ее поддержим во всякую минуту. Пусть она идет впереди и неуклонно бьет по лахтарям.

Ольга перевела.

Услышав это предложение, матрос-комендор вскипел.

— Идиоты, сумасшедшие дураки, полоумные, когда же это видано, чтобы орудие шло впереди! Ему в позиции бить положено. Оно снаряды к неприятелю через свою цепь перекидывает!

Красногвардейцы сгрудились вплотную около орудия. Ольга, Тетерь и Айно ощущали их горячее дыхание.

Ольга переводила слова матроса медленно, но

ей казалось, когда она пропускала ругательства, что речь теряет всю убедительность...

— Она не через наши спины в лахтарей бьет, а нас по затылку ударяет!

— Ну, да что там разговаривать, большинством голосов постановили, — значит, закон. А ну, запрягай!

— Тащи пушку!

Тетерь взобрался на орудие. Он стоял один перед толпой, побледневший, держа в руке небольшой браунинг.

— Болваны, — громко и медленно произнес он. — Орудие мне вверено революционной властью, и совесть моя не позволяет его отдавать противнику за здорово-живешь! Не для того мои канониры в ледяную воду лазали, не для того из-под льда вытаскивали, лямками до крови плечи стерли, чтобы проклятому генералу отдать! Понятно? — Он распахнул бушлат, рванул гимнастерку так, что пуговицы оборвались, застучали по телу орудия и скатились в снег.

Снизу была полосатая матросская тельняшка.

— Орудие мое! что вы, по-русски не понимаете? — громко сказал он и потом спохватился: — Да и правда, не понимаете! Скопские!

Но чьи-то цепкие руки уже тянулись к его ногам. Из задних рядов вырвался истошный голос.

— Вы сами теперь видите, это изменник, он в спину нам палить хотел. Поймали с поличным, поэтому и разоряется так! Бей его!

— Он стрелять будет! — в испуге крикнула Ольга.

— Бей его! Русский изменник! — поддержало несколько голосов.

— Отойди, товарищ. — сказал какой-то быстрый человек Айно, — девушкам этого видеть не полагается,

И тогда Айно подняла свой грудной и сильный голос.

— Стой! Смирно! — и она вскочила на колесо. — Русский матрос — революционер, большевик, он за Ленина! — кричала она. — Он наш товарищ и сам пришел помогать, и сам каждую минуту жизнь готов отдать за свободу финских трудящихся! Он военный, он лучше нас с вами знает, как надо воевать! Стыдно будет нам, если мы обидим такого человека... И если не будет у нас военного специалиста, кому от этого лучше?.. Лахтарям!

— Ты как мешок, — прервал ее слова человек, который первый крикнул «бей!» — ты как мешок: что положат, то и несешь!

— Не прерывай, — тоном приказа сказала Айно. — Я здесь еще командир!

— Ну, переизбрать-то не так уж трудно!

Она видела, что ее слушают внимательно, она знала, что ей верят.

— Сначала переизбери, а потом не слушай! — и она продолжала: — А если такие, которые не верят и думают, что товарищ не так стреляет, пускай выберет одного или двух, и те при орудии будут следить, чтобы все шло, как нужно!

— Что она говорит? — нагнувшись с лафета, спросил Тетерь у Ольги.

— Правильно говорит, — так же шопотом отвечала пулеметчица.

— Имей в виду, — еще тише, но непреклонно произнес матрос, — что орудие впереди я пускать не позволю...

— Правильно сказала, дочка! — крикнул один из красногвардейцев, старик с окладистой бородой. — Правильно говоришь, дочка, — еще раз воскликнул он, и Айно увидела по лицам других, обступивших орудие красногвардейцев, что они

согласны с этим стариком, но им неловко громко и откровенно признаться в этом друг перед другом.

Тогда Айно сказала:

— Я предлагаю выбрать наблюдающим этого товарища, — и указала на того, кто первый крикнул «бей» и сравнил ее с пустым мешком.

Все поддержали эту кандидатуру.

— А меня может переизбрать только женский батальон, но девушки, кажется, не хотят этого делать!

Все смущенно рассмеялись в ответ на слова Айно. Потом медленно пошли обратно по дороге, по мокрому снегу. Навстречу им ехал на своем коне Ялмар. Немного отстав, скакал ординарец — Марта.

— Живей, живей, ребята! — бросил он им с седла. — Скоро начнется!

Он подъехал к орудию и передал Тетерю с лошади подробную карту местности.

— Бей сюда! Карош! — сказал он ломаным русским языком и показал место на карте. — Понимать?

— Понял! — ответил Тетерь.

— Ну, карош, — они пожали друг другу руки. Марта подъехала к Айно.

— Ялмар приказал привести твой батальон в полную готовность. Вы в резерве — по первому сигналу должны пойти в бой!

— Понятно, — ответила Айно.

Марта поскакала за Ялмаром обратно по дороге к мостику.

Айно смотрела внимательно вслед, пока оба всадника не скрылись за излучиной лесной дороги... тогда она подошла к орудию.

Тетерь терпеливо объяснял приставленному к нему красногвардейцу устройство и работу орудия.

Переводила опять Ольга.

Красногвардеец с некоторым недоверием слушал ее перевод и внимательно смотрел в рот Тетерю, когда тот объяснял.

Около орудия и русского теперь толпились деревенские ребятишки — шустрые, белоголовые и любопытные.

— Так я, пожалуй, из пулеметчицы сделаюсь артиллеристом, — смеясь, бросила Ольга Айно.

«Я что-то хотела сказать Тетерю, — подумала Айно, — попросту из головы у меня вылетело. Что я хотела сказать?»

Она никак не могла вспомнить, что же ей нужно было передать этому ладному матросу, и поэтому, не отрывая его от дела, пошла к избам, где сейчас отдыхали ее деревушки... Когда она уже подымалась по ступенькам крыльца, раздался оглушительный удар.

Это выстрелило орудие Тетеря.

III. КОМЕНДАНТ ЛЬДИНЫ

Справа и слева от широкого перешейка вступили на лед первые красногвардейцы батальона Айроксина... Вскоре передовые остановились. Надо льдом по шиколотку стояла вода, и нужно было дальше продвигаться по ней...

— Итти вперед дальше, — последовал приказ е берега. Айроксинен разъезжал по берегу взад и вперед на своей кляче.

«Похож на Дон-Кихота в очках, — подумал Ивар, который придан был батальону Айроксина для связи с Ялмаром, — похож на усатого Дон-Кихота, но где же его Санчо-Панса?»

Холодная вода обожгла его ноги.

«Надо было пойти в валенцах», — подумал Ивар.

Если постепенно входить в воду и во-время вытаскивать валенки из нее, то на морозе они покрываются плотной ледяной коркой, становятся тяжелыми, но водонепроницаемыми.

Пальцы на ногах замерзли, и вдруг он услышал треск. Кусок льда, по которому шли, с треском отломился от припая и закачался под ногами красногвардейцев.

Они, как стая испуганных рыб, метнулись назад, но тогда льдина накренилась, еще больше погрузилась в воду с той стороны, на которую перебежали красногвардейцы. Перед ними расстилалась большая черная полынья...

— На середину, на середину! — скомандовал Ивар, и его послушали.

Так он стал комендантом льдины... По полынье уже шла небольшая лодка — одна из взятых в деревне, — доотказа переполненная красногвардейцами.

Плоские японские штыки поблескивали на розовом солнце апрельского утра... А слева стояла над лесами еще незакатившаяся и совсем бледная луна... Ивару видно было, как с берега на лед вступают все новые и новые красногвардейцы, как торопит своего коня Айроксинен, и конь, вытаскивая копыта из вязкого снега, медленно передвигается по берегу.

Льдина с восемью красногвардейцами тихо покачивалась в большой полынье.

— Ты стань сюда, ты — туда, а ты будешь здесь! — начал распоряжаться Ивар и совсем забыл, что у него замерзли на ногах пальцы и что вода была выше щиколоток.

— Приклад вместо весел, — продолжал командовать он. — Направление к тому берегу!

Это был берег, на котором их должны были ожидать белые. Работая изо всех сил, опускаая

в воду приклады, медленно повели красногвардейцы свою льдину к берегу... Для этих весел не было упора, уключин. Для сильного загребания не было упора ногам. Один из красногвардейцев сделал сильное движение (уж очень ему хотелось скорее добраться до неприятельского берега!), но ноги его заскользили по гладкому льду, он странно перегнулся и, не удержавшись, шлепнулся в холодную воду. Через мгновение он вынырнул, винтовки уже не было. Рядом плавала по воде его ушанка. Ивар протянул ему свою винтовку.

— Держись, вытащу!

Красногвардеец ухватился за протянутую винтовку и потянул ее к себе. Ивар хотел подтянуть товарища. Но ноги его заскользили по льдине. Он представил себя на ковре, когда сильный противник поднимает его захватом двойного нельсона, — и напряжением своей силы и ловкости восстановил равновесие.

Льдина мирно покачивалась на воде.

Ивар оглянулся — от льдины к льдине перебирались на нескольких лодках красногвардейцы, на некоторых льдинах также гребли винтовками.

Далеко по кромке чернели фигуры красногвардейцев, обходящих полынью. Солнце теряло красные тона, и смотреть на него уже было больно... Он еще раз попытался подтянуть к себе утопающего человека и снова поскользнулся. На этот раз, поскользнувшись, он выпустил из рук винтовку.

Мышцы его тела были приучены в таких обстоятельствах непременно делать «мост». Но сейчас надо было только устоять... Винтовка была потеряна. Человек больше из воды уже не показывался...

Враги не ожидали такой переправы и поэтому

проглядели ее. Только тогда, когда льдина Ивара уже причалила к кромке припая, неприятель открыл редкий винтовочный огонь по перебирающимся красногвардейцам... Ивар и его товарищи бежали вперед — к валунам на берегу. Люди скользили, падали, подымались и снова бежали вперед, не чувствуя замерших ног...

«Если Симха у них в плену, мы еще успеем отбить его», — думал Ивар.

Рядом с ним красногвардеец пошатнулся, и снег заалел.

Ивар подхватил выпавшую из рук бойца винтовку и, закричав «ура», побежал вперед...

Добежав до берегового валуна, он лег за ним на снег, выстрелил вперед, не целясь; так выпустил он патрон за патроном всю обойму и, только вбивая вторую, оглянулся.

Рядом с ним, слева и справа за валунами, и в снеговых ямках, у корней сосен, лежали красногвардейцы и стреляли.

IV. АТАКА ЖЕНСКОГО БАТАЛЬОНА

Ялмар легко спрыгнул с седла и отдал поводья Марте. По канавам обочин, на дне которых весело журчала весенняя талая вода, люди подходили к мосту.

Они тихонько попыхивали трубками, ругались между собой — и все же были серьезны и сосредоточены. Ялмар среди подходящих заметил Юкко, который молча шевелил губами.

«Молится, чорт», — понял Ялмар.

А Юкко, перестав шептать, обернулся к Ганнесу.

— Видишь, братишка! — восхищенно сказал он: — как дружно тают снега! Хороший урожай будет!

Когда посланный от Айроксинена сообщил, что лед на озере ломается под тяжестью идущих людей, Ялмар, к удивлению посланца, обрадованно улыбнулся.

— Ты это чему? — спросил тот.

— Хорошо, что мы своевременно ушли из города. Теперь бы никому уже не уйти!

Людей на холме перед спуском на мост становилось все больше. Надо было начинать...

Ялмар взглянул на небо. Небо было высокое и пустое — безоблачное. Леса стояли тихие, и слышно было, как журчит талая вода в канавах обочин.

Издалека от деревни доносилось уверенное пение петуха, такое привычное и домашнее. Все шло, как и было намечено. Орудия Тетёря замолчали как раз в тот момент, когда на берегах озерных флангов началась ружейная перестрелка.

— Перешли все-таки! — с восхищением сказал Марте Ялмар.

Он этого ожидал от своих ребят, но они постоянно обманывали его: то не могли преодолеть пустячного препятствия, то совершали такие дела, которых совершить было невозможно.

«Петухи поют совсем одинаково и на Ямайке и у нас», — подумал он и отдал приказ:

— Вперед, в атаку!

И громко запевая: «ур-ра!», «ур-ра!» — красногвардейцы выскочили из канавы и побежали вперед по дороге к мосту. Ялмар видел, как двое поскользнулись и скатились обратно в канаву, потом вылезли и мешковато побежали вперед.

Один из них на бегу немного прихрамывал. Второй бежал, держа в правой руке винтовку, в левой — трубку, размахивая ею.

А сзади шла, накатываясь, еще новая волна

красногвардейцев, и все они громко кричали «ур-ра!»

Ялмар стоял сбоку дороги, пропуская мимо себя бегущих вперед красногвардейцев, и тоже громко кричал что-то ободряющее. Он слышал стук сапог бегущих по деревянному мосту людей, и было странно, что не слышно было ни одного выстрела — только дальние, с озера.

«А может быть, белые ушли, и мы свободно пробьемся», — вспыхнула радостная мысль у Ялмара, но ее тут же погасила строчка неприятельских пулеметов, заработавших сразу длинными очередями.

Этот пулеметный треск ворвался в громкое «ура» и притушил его...

— Вперед, вперед! — закричал Ялмар и, выхватив из ножен казацкую шашку, побежал вниз к мосту...

За ним бежал целый взвод, держа винтовки наперевес. Он не оглядывался, но слышал за собой тяжелое дыхание красногвардейцев.

Вражские пулеметы не прекращали своей работы, и по мосту, навстречу Ялмару, уже бежали обратно красногвардейцы.

— Вперед! — кричал Ялмар, но они, не останавливаясь, бежали мимо него назад.

С холма, откуда он только что сбежал вниз к мосту, тоже заработал пулемет.

«Правильно! Правильно!» — подумал Ялмар. Кто же это? — он сам не распорядился (как это можно было забыть!) поставить там пулемет. Сейчас же заработал второй, и красногвардейцы, почувствовав себя под защитой своих пулеметов увереннее, замедлили свой отход. Они стали залегать цепью с этой стороны моста... Пулеметы белых работали уже впустую. Их огонь не достигал залегших в ложбине у моста, а другие

уже успели взобраться на холм и скрылись в лесочке.

Снова стало тихо, и тогда Ялмар услышал громкий женский голос:

— Мне стыдно, что вы мужчины! Если вы уйдете, то сначала наденьте на себя юбки!

«Молодец, Марта», — подумал Ялмар и свистнул в свисток один раз и потом два раза коротким свистом. Первый означал, как было условлено, — орудийный огонь, второй — батальон Айно в атаку:

Через несколько секунд он услышал цокот копыт. Это Марта скакала передавать его приказ. Он прошел вдоль цепи, залегшей перед мостиком в ложбине. Вскоре просвистели один за другим несколько снарядов трехдюймовок Тетеря, а через полчаса в бой был брошен подошедший к мосту женский батальон.

Ялмар побежал вперед, размахивая шашкой, он снова остановился на мосту, чтобы пропустить вперед бежавших за ним девушек. Когда он услышал высокое, тонкоголосое «ура», ему стало легко и приятно и так жалко чего-то, что клубки счастливого горя подкатились к его горлу.

— Милые, милые девушки, — пробормотал он, и снова в тонкоголосое, высокое «ура» вплелся громкий, низкий голос его команды:

— Вперед!

Впереди других с винтовкой в руках бежала Айно, и не то ветер, не то пуля сбили с нее фуражку, и коротко подстриженные волосы напоздали на глаза. Быстрым движением головы она отбрасывала их назад. Ялмар увидел рядом с ней свою бегущую сестренку, он узнал домашнюю работницу, посланную им в батальон. Батрачка Капули на бегу приветливо помахала ему рукой. Среди женщин бежал приставленный к Тетерю, во всем

сомневавшийся красногвардеец. И снова в морозном воздухе апрельского светлого дня звучало это высокое, хватающее за душу «ура!»

Опять заработали пулеметы врага.

Но голоса попрежнему продолжали звенеть в воздухе.

С винтовками наперевес устремлялись на неприятеля текстильщицы и бумажницы.

Ялмар видел, как Ольга с какой-то еще незнакомой лет под сорок женщиной тащила пулемет.

— Так это она стреляла с пригорка — молодчага!

Они протащили пулемет по мосту, даже и не заметив командира. Втащив пулемет на горку, Ольга снова легла за щитом.

Пулеметы белых трещали уже не так уверенно и все не могли приглушить, прибить к земле этого высокого тонкого «ура!»

Ялмар почувствовал, что по лицу его ползет что-то липкое и теплое... Он хотел смахнуть рукой, но не смахивалось... Наоборот, рука запачкалась... Это была кровь.

Он почувствовал головокружение, как будто мост под его ногами сам рвался в атаку, и подступала легкая тошнота. Выстрелы шли только справа. Слева он не слышал.

Он увидел, как во второй волне впереди своего отряда бежит тонкая и гибкая Сигрид, золотые ее кудри вились на ветру; она держала в руке маузер, потом нагнулась и подняла лежавшую на дороге винтовку. Бегущие за ней девушки тоже кричали «ур-р-ра!», пробегая мимо Ялмара.

Одна из них вдруг упала на мосту.

Она лежала ничком, без движения, плотно прижав к себе винтовку.

Затем на лошади вперед по мосту, с винтовкой за плечами, держа в левой руке поводья, а в правой — ручную гранату, проскакала в бой Марта...

В эту минуту она не могла оставаться на второй линии. Ялмар успел крикнуть:

— Перейдя мост, рассыпаться направо!

Ему этот крик показался очень громким, хотя его едва слышно было за двадцать шагов.

Он побежал вперед, сделал несколько шагов, в глазах у него потемнело, и, обмякая, он тяжело осел, как подмытый талой водой сугроб.

И в ушах его все раздавалось это высокое, за душу хватающее «ур-ра!»

V. РУССКАЯ ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ

За несколько дней до выхода колонны из осажденного города в главный штаб пришла высокая, стройная, нестарая, но уже совсем седая женщина, одетая в строгое черное платье. Она совсем не говорила по-фински и знала только несколько слов по-шведски, из которых можно было понять, что она врач-хирург, русская, и хочет работать в полевом лазарете красных. Коски удивленно пожал плечами:

— Такую работу присуждают лишь за непочтение к родителям, — пробормотал он и назначил ее в лаза ет.

Там она двигалась спокойно и безмолвно и всегда появлялась у изголовья раненого тогда, когда это было нужно. Она не могла разговаривать с ними, но ее глубокие карие глаза смотрели благожелательно на весь мир, и тем, с которыми она бывала, от одного ее присутствия становилось легче.

Ее перевязки были самыми безболезненными, и

сестры сбегались учиться мастерству накладывать бинты.

Операции делала она четко и быстро, знаками показывала сестрам, что ей нужно.

Нужно же ей было много и такого, чего нельзя было достать. Не всегда хватало ваты, эфира и хлороформа совсем не было. Бинтов хватало. Вместо ваты ей подавали мох: ягель, действительно, был подходящим сурогатом. А эфир и хлороформ заменялись крепким коньяком и мужеством раненых, которым было неловко кричать перед этой седой женщиной в черном.

Раненых оставили в городе с пятью сестрами и санитарками.

Вместе с отрядом пошла эта молчаливая русская женщина, любимый врач колонны.

Санитарный пункт был разбит в школе, перед которой стояли орудия Тетеря, но сестры, санитарки и врач так привыкли к шуму схваток, что гул каждого орудийного выстрела не беспокоил, а радовал. Значит, орудия в порядке, значит, все еще идет хорошо.

Когда с мороза распахнулась дверь и на пороге встала с ношей за плечами высокая, худенькая, гибкая Сигрид, женщина в черном изумилась. Правда, пот струился по лицу Сигрид, и от пота стали влажными ее золотистые кудри, но все же доктор не могла понять, откуда взялось у этой девушки столько сил, чтобы дотащить на себе большого и тяжелого мужчину. На полу оставался маленький, капельный след крови. Раненого положили на стол. Это был сам командир колонны, товарищ Ялмар.

— Кто ты, скажи имя? — повелительно сказала русская женщина в черном.

Но Сигрид, понявшая вопрос, смущенно взмахнула рукой.

— Не надо! — и, хлопнув дверью, сбежала вниз по крыльцу.

Орудия Тетеря молчали.

В комнате было тихо. В этом молчании чувствовался беспорядок, угроза.

Санитарки положили Ялмара на плотно составленные столы. Ранение было поверхностное, ничего опасного, только много крови он потерял.

VI. МЫ МОЖЕМ КРЕПКО БИТЬ

Ялмару казалось, что он просыпается из какого-то далекого сна, из прошлого, когда он лежал выброшенный кораблекрушением, в полубеспамятстве, а над ним, голым, любопытствуя, столпились негритянки, старые и молодые — и все весело гоготали, глядя на белое тело. Белая кожа, белое тело — это ведь так смешно!

Он усилием воли отогнал от себя это воспоминание и открыл глаза...

Над ним склонилась седая женщина... Врач... И он сразу вспомнил все.

— Как дела на фронте? — спросил он, забыв, что по-фински она не понимает.

— Лежать спокойно, — ответила она по-шведски.

— Я пойду на фронт, — сказал он и приподнялся на столе.

Было удивительно тихо... «Я оглох», — подумал он.

Женщина в черном положила руку на плечо раненого, тогда он настойчиво снял ее руку с плеча и встал со стола.

Она была спокойна, но ему показалось, что она обижена.

— Кто принес меня сюда? — спросил он виноватым голосом.

Она пожала плечами.

Он переспросил по-шведски, стесняясь своего русского ломаного языка, который из всех русских мог уразуметь один лишь Тетерь.

Она снова пожала плечами, и тогда финская санитарка затараторила.

— Тебя принесла какая-то женщина, — говорила она. — Отдала нам и имени своего не сказала.

— Блондинка? — спросил Ялмар.

— Да, светлая, в штанах, — ответила санитарка.

Ялмар вышел на крыльцо.

На солнце около крыльца снег подтаял, сосульки, висевшие на наличниках, сияли и роняли на землю капли. У Ялмара немного звенело в ушах, но все тело казалось освобожденным, легким, каким-то невесомым и прозрачным. Он шел к мосту.

Остановился. Услышал выстрелы, улыбнулся.

Он шел к схватке, глубоко вдыхая весенний воздух. Выстрелы были далеко, за мостом несомненно. И ему было совершенно ясно, кто его вынес из боя.

Светлая. Конечно, Марта. Марта — его ординарец; Марта — его возлюбленная. Ялмар вспомнил, что не поблагодарил врача за перевязку, и стало неловко — был груб с русской женщиной в черном, но возвращаться было некогда.

Навстречу ему скакал на своем россинанте Айроксинен.

— Ялмар! — закричал он, — я к тебе. Ялмар, ты ранен? Что с тобой? Перевязка...

— Чепуха. Как дела?

— Врешь, парень! — весело кричал Айроксинен, и два солнца прыгало в его очках. — Девушки-то, девушки наши! В общем, враг опрокинут.

Куда там Бьерноборг! Здесь ставим памятник... Неприятель удрал. Испугался наших девушек. Я за тобой... Сказать тебе — весело живем!

Нет, никогда не видел Ялмар Айроксинена в таком волнении и таким говорливым.

Старик повернул свою лошадь, но при повороте у нее заскользили копыта, подогнулись ноги, и она упала и навалилась всем крупом на Айроксинена.

Ялмар видел, как, падая, неловко взмахнул рукою Айроксинен, как соскочили с переносицы и упали на дорогу его очки в серебряной оправе.

Лошадь, упираясь передними ногами, скользя стертыми подковами на утоптанном снегу, медленно встала и, отойдя два шага, остановилась у обочины.

Ялмар заторопился к лежащему на дороге Айроксинену и, хотя его тело ему казалось легким, ноги не подчинялись желанию, и он шел медленно. Поэтому к Айроксинену раньше, чем Ялмар, успели подбежать две санитарки. Они шли за Ялмаром следом из перевязочного пункта. Они боялись, что по слабости — от потери крови — он может упасть на дороге, и шли следом, готовые помочь. Айроксинен слабо стонал. Он приподнялся на локте и попытался встать. Но лицо его сразу побелело от боли, и веки плотно сжались.

— Не двигайся, — сказала сестра, — у тебя, наверно, сломана нога.

Обе сестры осторожно приподняли уже молчаливого старика с земли и медленно понесли к пункту. Старик был тонкий и легкий. Он лежал, закрыв глаза и покусывая кончики своих седых усов.

А Ялмар пошел дальше к мосту ..

Он, ничем не тревожимый, перешел мост.

На другой стороне перешейка уже стояли орудия, и Тетерь священнодействовал около них. Но орудий было уже не два, а четыре.

Вдалеке Ялмар заметил фигуры своих красногвардейцев; они шарили по кустам, сбивая штыками с хвой мелкоколосья снег. Навстречу шло несколько раскрасневшихся девушек с касками в руках.

Двое тянули за собой трофейный пулемет.

Ялмар видит, как Изар стаскивает большие сапоги с убитого офицера и обувается. Но голенища немного узковаты, и самому ему никак не справиться. Какой-то красногвардеец начинает помогать ему.

Увидев Ялмара, Ивар встает и громко кричит:

— Товарищ командир, мы уничтожили всех врагов до одного! Ни одного живого и раненого не обнаружено в лесу!

«Чорт дери! Мы можем крепко бить, — радостно подумалось Ялмару. — Необходимо скорее в Выборг, Гельсингфорс и во все места, где есть наши, передать депешу: «Мы уничтожили сильные части!» А может быть, засала! Улозка».

Ялмар назначает Ивара пройти разведкой по всему лесу:

— Красногвардейцев отбери сам и немедленно сообщи, что увидишь!

Ивар, в новых сапогах, встает и говорит:

— Отлично!

Нет, оставленные неприятелем орудия, пулемет, который протащили девушки, отсутствие стрельбы и то, что он так свободно разгуливает по уже открытой теперь и очищенной дороге, — все это говорит о победе.

Об этой атаке писал через два года в своих мемуарах «Моя деятельность в Финляндии»

генерал Гольц: «Много женщин в передовых рядах... Положение чрезвычайно трудное. Пожалуй, даже французы не наступали так яростно, как эти разъяренные приверженцы нового евангелия варварства...»

К Ялмару подходит Айно, чем-то смущенная.

— Товарищ командир, — говорит она, — женский батальон полностью выполнил твой приказ. Белые бежали. Мы подсчитали: двести одиннадцать убитых солдат неприятеля! Они успели, наверно, увести своих раненых — мы не видели ни одного.

— Ну, а наших сколько?

— Не знаю еще, — отвечает Айно, смущаясь.

Так они проходят по полю недавнего сражения. Если бы не тела, лежащие в разрыхленном снегу; можно бы подумать, что это какая-нибудь рабочая спортивная корпорация организовала последнюю зимнюю вылазку в лес.

Странно — земля рассыпана на снегу — это от снаряда.

— Товарищ командир, — слышится слабый голос из снега. Ялмар видит: перед ним лежит навзничь старик-красногвардеец, бородатый.

Айно сразу узнала в нем того, кто первый поддержал ее утром во время речи на пушках Тетеря. Старик говорил тихим голосом, он лежал и улыбался.

— Ранен, отец? — наклонился над ним Ялмар, — куда?

— Не знаю. Не встать.

Он лежал спокойно, но видно было, что ему было очень тяжело.

— Товарищ командир, мы победим или нет? — тихо спросил старик.

Ялмару в этом старике что-то неуловимо напоминало отца.

— Товарищ, — сказал он старику тихо, но уверенно. — Бывают отступления. Но мы победим. Видишь, как мы сегодня прекрасно победили.

Старик с легким хрипом вдохнул холодный воздух.

— Можешь мне поверить, отец, мы разобьем вдребезги весь мировой капитализм!

Старик, видимо, преодолевая боль, как-то просветленно улыбнулся.

— Это хорошо, спасибо, товарищ начальник, — сказал он. — А то видишь, там в канаве лежит моя убитая дочка — с длинными русыми косами, не остригла, — и двух сыновей я тоже на-днях схоронил.

К старику подошли санитарки. Он лежал спокойно и старался улыбаться. Ялмар не мог дольше оставаться около него, он отвернулся и пошел по полю, не глядя себе под ноги.

Справа шла Айно.

— Мы пришли, — сказала она, остановившись около Сигрид...

Сигрид стояла с растерянным видом над распростертым телом девушки.

Легкие волосы лежавшей в снегу девушки были не покрыты. Синий берет с простреленным красным помпоном лежал рядом, Ялмар чуть не наступил на него.

У него снова закружилась голова.

— Марта, — удивленно произнес он, и можно было подумать, что он был уверен в бессмертии этой девушки, или в том, что она заговорена от пули.

— Марта, — повторил он и опустился рядом с телом коленями в снег.

— Убита или ранена? — спросил стоявших над ним девушек, не доверяя себе; в ушах его зве-

нело, и высокое голубое небо было еще выше и голубее, чем всегда.

— Ранена, — в один голос ответили девушки, и Айно добавила: — кажется, в живот.

Ялмар взял Марту за руку, и глаза Марты слегка приоткрылись.

— Она без памяти! — шепнула Сигрид на ухо Айно.

— Спасибо, Марта, — говорил Ялмар, держа руку Марты в своей, — спасибо, Марта, что ты вынесла меня сегодня из боя, — бормотал он.

— Но это была... — не удержалась Айно.

Сигрид цепко схватила ее за руку и тихо сказала:

— Молчи! Молчи, Айно.

Айно замолчала. А Ялмар так и не услышал ее быстрого возгласа.

— Спасибо, Марта, — сказал он и опустил ее руку в снег.

И тогда снова смежились веки девушки... Он встал на ноги, машинально очистил брюки на коленях от снега.

— Перенесите ее к русскому врачу, — крикнул он и пошел дальше, не глядя себе под ноги и не спотыкаясь.

VII. Н О Я КО М А Н Д И Р

Перед Ялмаром стояли, глядя в землю, двое пленных солдат. Юрко привел их. Ялмар допрашивал.

— Мы не лахтари, — сказал один из пленных. — Мы мобилизованные Маннергеймом и хотим драться с ним. Прими нас в свой отряд.

— Вы члены профсоюза?

— Да!

Профсоюзные билеты были вшиты у них в каль-

соны, и прошло несколько минут, прежде чем они, стесняясь окруживших их красногвардейцев, достали свои членские профсоюзные книжки.

— Вам известно наше труднейшее положение? — спросил Ялмар.

— Да! Известно!

— Известно хорошо, — подхватил второй.

— Ну, ладно, тогда дайте им винтовки и зачислите в третью роту, — распорядился Ялмар и сам пошел обратно к перевязочному пункту.

По дороге его нагнал на подводе Тетерь.

Подвода была нагружена трофейными снарядами.

— Садись, — крикнул Тетерь Ялмару и сам соскочил с подводы.

Ялмар ехал на подводе, не улавливая смысла всей его речи, — он понимал только отдельные слова.

— Девочки, ах ты, боже мой, — говорил матрос, — девочки-то какие у нас замечательные!.. А та, что тебя вынесла! Вот красота! Ей-богу, если бы не боялся, что откажет, посватался бы!

«Что такое посватался?» — хотел спросить Ялмар, гордый тем, что хвалили Марту, это было все равно, как если бы кто-нибудь из уважаемых им людей хвалил его самого...

Ялмар снова вошел в помещение перевязочного пункта.

Это был класс деревенской школы. Операционный стол, на котором так недавно лежал он сам, был простой, длинной, ненаклонной партой.

Снова тихая русская женщина в черном склонилась над столом. На столе лежала Ольга... Она придерживала обеими руками свои груди. Пулеметная очередь прошла через них сбоку навывлет...

Доктор наклонилась над ней и накладывала на раны груди мягкий и влажный мох.

Ольга, заметив, что в класс вошел Ялмар, перестала стонать и силилась улыбнуться ему... но улыбка не выходила...

Русская женщина мельком взглянула на Ялма а (у него снова не хватило слов извиниться за свою прошлую грубость) и продолжала работать...

— Что со стариком? — тихо спросил Ялмар у санитарок.

— Умер по дороге, пока несли его сюда, — так же тихо ответила санитарка.

— Ну, а Айроксинен? — уже громче, желая скрыть волнение, спросил Ялмар.

— Обыкновенный перелом ноги. Вправили... В лубках.

— Кем же заменить теперь его? — вслух подумал Ялмар. — Где он?

— Он не захотел здесь остаться. Он потребовал, чтобы его отнесли в комнату штаба.

О Марте Ялмар побоялся спросить.

Ее здесь не было.

Он пошел в избу, где размещался штаб.

Айроксинен лежал на постели и спорил с Айно.

Видно было, что он очень мучается от боли; говорил он тихо, но настойчиво, покусывая кончики белых усов.

— Ялмар нас рассудит, — сказала Айно, — он требует, чтобы ему приготовили носилки; он говорит, что не сдаст никому командования и остается в строю на носилках.

— Если бы я был рядовой, — продолжал слабым голосом Айроксинен, — тогда сломанная нога могла бы считаться уважительной причиной. Но я командир, и если будут носилки... ноги мои не причем...

— Ну, как? — спросила еще раз Айно.

Айроксинен устремил на Ялмара внимательный взор... Белые густые брови его нависли над глазами. Ялмар вспомнил, как доктор хотел его удерживать в операционной и он сбросил ее руку со своего плеча, он сейчас, поймав тревожный взгляд Айно, подумал: «Женщина все-таки остается женщиной», и решительно сказал:

— Я не снимаю команды с Айроксинена.

— Я пойду закажу для тебя носилки, старина, — успокаивающе сказал Ялмар и пошел из штаба.

— Спасибо, товарищ, спасибо! — отозвался старик.

На пороге Ялмар остановился и пристально поглядел на Айно. Та поняла, какой вопрос содержался в этом взгляде, и быстро ответила на него:

— Марта жива. Мы ее устроили у доктора Альвгрена.

VIII. СУД

Айроксинен полулежал на носилках.

Поломанные у переносицы очки были теперь скреплены туго намотанной белой ниткой. Он был в своем парадном сюртуке, в том самом, в котором он обучал строевой премудрости красногвардейцев после ноября. В крахмальном воротничке и галстук бабочкой.

Айроксинен председательствовал на профсоюзных собраниях всегда в этом сюртуке и вообще вытаскивал его в торжественных случаях. Но сейчас сюртук этот был немного помят. И немудрено — ведь он побывал в походном мешке... Итак, Айроксинен, бледный и строгий, полулежал, опершись на локоть, на носилках. Коски, как всегда, не мог спокойно сидеть, он ходил взад и

вперед по небольшой комнате штаба, ероша единственной рукой волосы. Лишь Ялмар спокойно сидел за столом. А перед ними под конвоем, испуганные и подавленные, стояли пять пленных шведских карабинеров. Происходило экстренное заседание революционного трибунала...

— Да как вы смели, подлецы, стрелять в Красную гвардию?! — кричал на пленных Айроксинен, и при звуках его высокого и резкого голоса они еще больше жались и смотрели в пол.

— Ругательств я переводить не буду, — заявил, остановившись на мгновение, Коски.

— Нет, ты пойми, — продолжал Айроксинен, — я тебе говорю, как рабочий рабочему, как социал-демократ социал-демократу... — Он вытащил из кармана сюртука, оттуда, где полагается быть краешку носового платка, — свою красную партийную книжку и протянул тому пленному, который назвался социал-демократом.

Тот робко подошел к носилкам и, с недоумением взяв из рук Айроксинена партийный билет, повертел его в руках...

Затем он стал говорить робко и неуверенно.

— А ну, переведи скорее! — прикрикнул Айроксинен на Коски.

— Он говорит, что их вели против русских солдат и анархистов, грабящих Суоми... что их послали драться за независимость свободной Финляндии от русского ига и бандитов...

— Ах, какие подлецы! — и Айроксинен сел, но тут же со стоном откинулся назад на носилки... Он в волнении забыл о своей сломанной ноге. Страшная боль перекосила его лицо, и кончик белого уса снова очутился у него в зубах.

— Дело ясное, — сказал Ялмар, отводя свой взор от Айроксинена: ему было больно смотреть

на крупные капли пота, проступившие на лбу старика. — Дело ясное, — повторил он. — Эти люди подняли оружие на рабочую власть, на революцию, они убивали наших и должны быть немедленно расстреляны!

Он снова сел и замолчал.

— Я против казни, — сказал, шагая по скрипучей половице, Коски, — я за... — Но он так и не сказал — за что, его перебил высокий голос Айроксинена.

Тот говорил резко, и каждое слово его запомнилось, как и все его выступления на митингах.

— Мы должны стать выше мстительного Йеговы, — говорил Айроксинен. — Мы должны побороть чувство мести. В каких бы мы ни ходили лохмотьях, мы должны быть рыцарями нового мира!

Ялмару в словах старика чувствовались сегодня отблески горячих листовок брата; горечь подступила к его сердцу.

— Мы строим новое государство, — продолжал говорить бледный и волнующийся Айроксинен, — и порог у него должен быть таким высоким, чтобы никакие низменные инстинкты не могли туда проползти!

— Неужели же все время надо нас подозревать в низких инстинктах только потому, что мы — пролетарии? — тихо сказал Ялмар. — А наши красные расстрелянные сестры, а наши партийные билеты, прибитые гвоздями к сердцу, а наши...

— Что же ты предлагаешь? — встав, спросил он у Коски.

— Я предлагаю вести их с собой и передать генеральному прокурору Турккия.

— У лахтарей нет прокуроров, которые бы помешали стрелять им в нас, — сказал Йвар и, вспомнив веселые глаза Симхи, остановился.

— А ты?

Айроксинен, откинувшись на подушку, уже тихо произнес:

— По-моему, послать обратно их через фронт и пусть расскажут своим, что мы — рабочая власть, что мы социал-демократы. Пусть не стреляют.

— Не поможет это, — сказал Ялмар, но все же предложение Айроксинена ему было больше по душе, чем то, что хотел Коски.

— Так нам, пожалуй, и вовсе запретят в лах-тарей стрелять, — мрачно произнес Ивар и стукнул винтовкой о пол.

Красногвардейцы стояли угрюмо и ждали распоряжений Ялмара. Шведский социал-демократ-карабинер уныло поглядывал по сторонам. Он был уверен, что теперь их всех расстреляют.

Еще вчера один из их пятерки расстреливал взятых в плен с оружием в руках финских красногвардейцев.

Теперь их самих ждала такая же расправа. Один из расстрелянных был горбун; он запел на улице «Интернационал».

Но фельдефебель с силой ударил красногвардейца по горбу так, что тот закачался... Через секунду снова крикнул, как одержимый:

— Ellakoop²⁷ Карл Либкнехт!

Значение первого слова швед социал-демократ не понял. А что значит второе, он знал отлично, и ему стало немного совестно за себя... Расстрел производили финские солдаты под командой фельдфебеля, который сейчас стоял в этой небольшой полутемной комнате. Еще в лесу перед пленением он предусмотрительно сорвал с себя отличительные нашивки.

Окна в комнате были не вымыты. Судьи одеты по-разному и не бриты... И странное впечатление

производил на пленных этот сухопарый старик на носилках. Ну, конечно, их всех должны расстрелять... И когда Коски поднялся, чтобы перевести приговор революционного трибунала, карабинер перебил его жалобными словами:

— Не убивайте меня... у меня дома двое детей, — и заплакал.

Айроксинен с укоризной смотрел на шведа. Ялмару было стыдно за плачущего...

Коски, словно не замечая, словно угдавая рапорт, продолжал свою речь:

— Вас отправят обратно через линию фронта, — говорил он, — и вы должны будете рассказать всем своим товарищам, что мы — социал-демократы, что мы — рабочая власть, что мы стоим за правильное исполнение законов и желаем восьмичасового рабочего дня и свободы для Красной гвардии.

А Ялмар в это время думал: «Теперь Коски объясняет пленным, за что мы боремся. За что же борюсь я?»

И перед ним возникло испитое, морщинистое лицо матери. За то, чтобы нам можно было лечить своих матерей...

И перед ним вставал отец такой, каким был он в день своей смерти. За то, чтобы не было этой беспросветной каторжной работы, делающей из человека скота...

И перед ним вставал тот осенний день, когда он, мальчишечка, шел босой по дороге и навстречу на таратайке ехала молодая хозяйка и даже не посмотрела на него. За то, чтобы дети учились, а не работали....

И перед ним возникло лицо Марты, такое, какое было у нее, когда он видел ее у плиты, и такое, какое было вчера, когда она на снегу чуть-чуть приподняла черные свои ресницы. Пока

он жив, он будет помнить это лицо. Значит, и за то, чтобы девушки могли любить, кого хотят, и не должны были страдать и умирать от этой любви.

За то, чтобы травы весной благоухали и птицы пели, и твердый снег скрипел под веселыми лыжами...

А Коски не мог окончить своей большой речи. Но все же он окончил ее и спросил пленных:

— Все ли понятно или, может быть, у вас есть вопросы ко мне, тогда я разъясню.

Один из них, совсем молодой, с первым легким пушком над верхней губой, спросил:

— Значит, нас не будут убивать сейчас?

— Да нет же! — Коски начинал злиться на подсудимых.

— Значит, мы просто отпустим? — с недоумением спросил конвоир-слесарь.

— Конечно, ты ведь слышал приговор трибунала. А Ивару поручается перевести их через фронт и показать путь...

Ивар снова стукнул прикладом винтовки о пол, так что в двойных рамах задребезжали с осени немытые стекла.

IX. ПРОЩАНИЕ С МАРТОЙ

Марту Айно устроила на квартире доктора Альвгрена, он когда-то давал объявления о том, что принимает больных, — в «Тюйомесе», в местной социал-демократической газете, — и поэтому его считали сочувствующим партии. Но хотя его сочувствие дальше объявлений так и не пошло, все же он был человеком честным, и если соглашался взять к себе до выздоровления Марту, можно было быть уверенным, что он не выдаст ее лахтарям. Он категорически подтвердил диагноз

врача отряда: единственный из ста шансов на выздоровление и тот был возможен лишь в том случае, если Марту оставить лежать в полном покое, без движения.

Когда Ялмар пришел навестить Марту, дверь была не заперта, и в квартире словно никого не было. Доктор ушел к больным, хозяйка возилась на кухне. Через полуоткрытую дверь кухни слышно было, как шипит на сковороде масло.

Когда Ялмар поднялся по чистой дорожке, по скрипучим ступеням во второй этаж и вошел в эту квартиру со свежее-вымытыми полами, с бальзаминами на подоконниках, с накрахмаленными занавесками на окнах, с полотенцем на стене (а на полотенце было красной вязью вышито: «Гаси свет, а я снова буду зажигать его»), ему показалось, что он попал в какое-то далекое, не свое детство; такое далекое, что его словно и не было, а вычиталось оно из книг. И даже было странно, что такое существует на самом деле и сейчас... И теплые комнаты и даже легкий плач младенца за дверью; на подоконнике выгибающая спину, пригретая апрельским солнцем рыжая кошка. Все это было неправдоподобно и невозможно. Или это он сам, за три дня не успевший ни разу вымыться и поспать и две недели не сменявший белья, в своих грязных сапогах, был здесь неправдоподобен.

И как это можно было так жить, словно бы ничего и не случилось вокруг? Словно и та, которую он пришел навестить, только простудилась, возвращаясь с веселой вечеринки, с распахнутым воротником.

Стекла изредка дребезжали, и по этому можно было понять, что стрельба уже удалялась.

Стараясь не шуметь, на цыпочках, придерживая рукой пашку, боясь наследить на этом сияющем

своей чистотой полу, он прошел в соседнюю комнату.

Марта лежала на кровати, вытянув руки вдоль тела, поверх одеяла.

Она была бледна, и волосы ее, как сияние, были рассыпаны по подушке...

Ялмар улыбнулся, ему вспомнилась эта девушка хлопочущей у жаркого очага, когда эти золотые пряди не были еще подстрижены, не были убраны в берет... Чорт побери, ведь он без берета ее почти за это время и не видел.

Марта открыла глаза и увидела Ялмара.

Она знала, что он придет. И все-таки получилось так, словно он пришел неожиданно.

Она удовлетворенно вздохнула, и сразу же резкая боль в животе напомнила ей о том, что завтра или послезавтра она умрет.

И тогда она тоже заметила за плечами Ялмара на окне нежную зелень бальзамина и греющуюся на подоконнике, мурлычащую кошку. Ялмар, бережно приподняв кончик матраца, примостился на досках кровати.

Он сидел, взял ее руку в свою. И ей сразу же стало легче.

Он молчал, не зная, что сказать этой девушке, которой завтра, может быть, уже не станет на свете и без которой он вряд ли сможет жить... Впрочем, он не думал об этом. Он молчал, глядя на ее высокий бледный лоб, на эти тонкие руки, лежащие поверх одеяла, и вдруг удивился... как это он раньше не заметил, что на сгибе правой руки у нее сразу две родинки.

Огромные зрачки ее синих глаз смотрели как бы удивленно. Она тоже молчала, потом тихо сказала:

— Ты скитался по всему свету, Ялмар, ты забывал родину. — Теперь, когда она думала,

что жить оставалось немного — родная земля, лиловые верески, эти источающие смолу сосны казались еще прекраснее. — И меня ты тоже забудешь теперь? — спросила она так тихо, словно бы про себя.

Но Ялмар слышал.

Он подумал и сказал ей правду. (В эти дни не могло быть между ними неправды... никогда не жил он так открыто и полно и никогда он так не мучился и не радовался, как в эти дни, из которых каждый, мог быть последним.)

— Больше всего, что было у меня на свете, я любил маму... И вот, когда она заболела и я узнал, что можно ее вылечить, только нужно достать денег, и не так уж много, я решил сделать все, чтобы их заработать, чтоб мама могла лечиться. И тогда я бежал в Америку. Не было на билет, и я нанялся на парусник юнгой...

Он торопился рассказать ей все, что не успел сделать до сегодняшнего дня. Он словно хотел оставить ей кусок самого себя.

Но Марта не слушала его рассказа.

Марта закрыла глаза и представила себе эту сморщенную старуху с редкими седыми волосами, собранными на затылке, и подумала о том, что странно, как можно любить эту женщину, и что ей, Марте, было бы хорошо, если бы Ялмар был ее сыном. И тогда она почувствовала на своей руке теплое прикосновение его губ.

Она приоткрыла глаза.

Ялмар сидел на ее постели. Высокий, с забинтованным лбом и такой синеглазый.

Она сказала ему:

— Прощай! Иди!

Ей хотелось, чтобы он ушел, пока еще она может улыбаться ему.

Он встал, и кровать скрипнула. Солнце квадратами ложилось на пол. Марта повторила:

— Иди... если я выздоровлю, я тебя разыщу...

Он спускался по скрипучей лестнице.

Хозяйка, закрывая дверь, внимательно посмотрела вслед.

Казачья шашка путалась в ногах. Когда он вышел на улицу, он услышал не только отдаленные выстрелы, но и как журчит вода в придорожной канаве. Он подумал: «Хорошо, что я не сказал Марте, что у Илки перебиты передние ноги, она бы очень огорчилась», — и остановился.

Он вспомнил, что не сказал Марте, что мать теперь не дороже ему, чем она, и о том, что пусть она не беспокоится — он вернется и разыщет ее...

Он не вернулся, чтобы снова подняться на второй этаж.

— Товарищ командир, — окликнули его.

Это была Айно.

— Теперь у тебя нет ординарца. Я предлагаю взять Сигрид. Она просится на это место.

— Нет! Мне теперь не надо ординарцев, — резко ответил Ялмар. Айно смотрела на него удивленно. — Ординарцев-женщин! — добавил он.

По улице уже шли обозы.

Лошади напрягались, вытягивали телеги из грязи... На многих возах сидели дети и старухи. Кучами высился обиходный скарб.

— Сколько раз было приказано не брать с собой барахла и семей... пусть бы оставались дома... и движению мешают, и сами под расстрел лезут, — кипятился Тетерь, и серебряная надпись на флотской его фуражке задорно блестела от солнца, но его не слушались, его не понимали.

Мимо проходила высокая женщина в черном — старший врач отряда... Ялмар не заметил ее. Он быстро пошел на помощь матросу.

Столько еще нужно было сделать дел! И странно, что рана совсем не болела и не было слабости от потери крови.

Х. КОНЕЦ ФЕЛЬДФЕБЕЛЯ

Ивар вел пленных по лесной тропе. Деревня осталась далеко позади, и если бы порою на снегу не поблескивала медью истраченная гильза и не виднелась сломанная ветка, можно было бы подумать, что это лесничий ведет пойманных в барских имениях браконьеров или порубщиков. Под одной высокой раскидистой елью Ивар заметил большой медный кофейник, перевернутая крышка от него лежала поодаль... Навстречу шел человек: коротенький, бритый, в высоких сапогах и дорогой фетровой шляпе.

— Кто? — остановил его Ивар.

— Доктор Альвгрэн.

— Откуда?

— Ребенок заболел у лесника, — уклончиво сказал доктор, — ну, я и исполнил свой долг. Тяжелая эта работа, знаете ли, — уже по-дружески сказал он. — Все маешься и маешься, а награда — одна лишь спокойная совесть.

Доктор с увлечением говорил на посторонние темы, лишь бы не рассказывать о больном, которого он сейчас посетил. Он никак не мог понять, кто сейчас стоит перед ним — белый или красный, и поэтому решил промолчать об этом, тем более, что больной разрешил сказать о нем только самому Ялмару.

Ну, а у Ивара были свои мысли и печали, поэтому он не разглядел смущения доктора.

— Доктор, вы говорите по-шведски?

— О, да!

— Спросите тогда, пожалуйста, этих солдат, не попадался ли им в плен третьего дня или позавчера один горбун?

Когда доктор перевел вопрос Ивара, один из пленных почувствовал себя неважно. Он стал поешиваться, потирать руки так, словно ему было очень холодно, и это не укрылось от внимательного взгляда Ивара.

Швед социал-демократ вспомнил, как позавчера проводили по деревенской улице горбуна и как он громко выкрикивал имя Карла Либкнехта, — и снова ему стало неловко... Пленные молчали.

Тогда социал-демократ вспомнил, как фельдфебель лишил его однажды положенного ему отпуска в город за то, что винтовка была плохо смазана. Потом, как фельдфебель сказал вчера, в разведке, перед тем как они попали в плен, что всех социалистов надо повесить.

— Я видел горбуна, — сказал швед, и Ивар вздрогнул, — он, не зная языка, понял, о чем говорит солдат, и побоялся спрашивать дальше.

Фельдфебель злобно взглянул на солдат.

Солдат перехватил угрожающий взгляд, и это решило участь фельдфебеля.

— Этот человек, — сказал солдат, — позавчера перед закатом расстрелял горбуна...

Ему вспомнился этот высокий апрельский закат, розовое небо над гладью спокойного ледяного озера, тихие дальние леса.

И снова Ивар не нуждался в переводчике: он все понял, и сердце его сжалось от тоски. Этого не могло быть, чтобы его веселого, умного друга Симхи не стало на свете... Кто же будет петь песни и рассказывать веселые истории, кто же

будет учить их правильно понимать события, кто же сможет заполнить огромную пустоту, которая сейчас образовалась в его груди?!

Он не хотел верить тому, что понял, и с тоской взглянул на доктора. Вот сейчас доктор переведет ему правильно, и все успокоится, все станет на свои места, и он еще услышит веселого друга.

Но доктор был добросовестным переводчиком, и снова острие тоски проникло в сердце Ивара.

— Идемте, — приказал он пленным и выругался: — Юмалау-ту!

Перед его глазами возникло вчерашнее: скользкая льдина, и товарищ, цеплявшийся за протянутый ему приклад винтовки.

Доктор, не ожидавший услышать вместо благодарности за свой переводческий труд такое черное ругательство, пожал плечами и, круто повернувшись, зашагал к поселку.

А пленные, сопровождаемые Иваром, пошли дальше по сосновому лесу.

— Ты у меня получишь свою порцию, когда придем в полк, — сказал фельдфебель солдату. — Ты у меня получишь свое!

Остальные шли молча, и им казалось, что не будет конца этому путешествию по сосновым перелескам Финляндии.

Вдруг раздался оглушительный выстрел. Фельдфебель, широко размахнув руками, упал в снег. Падая, он задел ветки молодой сосенки, и легкие пушинки сброшенного с ветвей снега еще кружились в воздухе, а он уже лежал без движения на земле.

Один из солдат оглянулся и бросился бежать вперед. Другие подняли руки и застыли так в страшном ожидании, боясь пошевелиться.

Когда через две минуты один из них все-таки оглянулся, он увидел, как Ивар с винтовкой за плечами уже скрывался за частыми стволами высоких сосен.

Он уходил обратно.

Они должны были идти вперед.

XI. ИВАР, ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ?

Колонны продолжали двигаться по открытому шоссе. Впереди шел батальон Ялмара. Посреди — рядом с батареей Тетеря, который сейчас гордо восседал на отбитом у белых орудии, шел батальон Айно. За ним продвигались небольшие обозы, и замыкал походную колонну батальон Айроксинена.

Пропуская мимо себя все отряды, стояли у обочины широкие розвальни. В санях на носилках лежал Айроксинен, у ног его сидел мрачно, опершись на шашку, Ялмар, и опять расхаживал перед санями, шлепая худыми сапогами по снежной грязи, Коски.

Мрачный, стараясь не глядеть на товарищей, стоял перед ним сильный, небритый, с воспаленными глазами Ивар.

Ноги у него ныли. «Наверно, простудил вчера», — подумал он. Проходившие нестройными рядами, не в ногу, красногвардейцы то и дело здоровались со своими командирами. И только один Айроксинен, время от времени приподымая шапку, отвечал на приветствия. Остальные были заняты. Шло второе летучее заседание революционного трибунала.

— Это несмываемое преступление, — захлебываясь от возмущения, говорил Коски. — Сколько было обращений главного прокурора и запретов Совета народных уполномоченных... Только рас-

стрел преступника может смыть грязное пятно со всей Красной гвардии, которым он запачкал ее...

— Что ты скажешь, Ивар, в свое оправдание? — спросил Айроксинен.

Но Ивар ничего не говорил, он вспомнил, как беспомощно выставились вчера из воды на мгновение кисти рук утопавшего красногвардейца, он вспомнил смешную историю, которую рассказывал Симха про Таваста — капитана, который кричал вниз в рупор своему кочегару: «Бросай в топку кривые поленья — сейчас поворот будет!»

Он вспомнил, как в морозную ночь на железнодорожном мосту к нему подбежал Симха.

Нет, ему нечего было говорить в свое оправдание...

Ничего не мог сказать в его оправдание и Ялмар. Он молчал и все-таки надеялся, что Ивар что-нибудь скажет.

Но Ивар молчал.

— Как вас зовут, милая нэйти? — весело прокричал, взмахнув своей бескозыркой, Тетерь, так он приветствовал со своего орудия Ялмара.

Ялмар кивнул ему головой и сказал:

— Я против расстрела Ивара. Хватит с него и выговора!

— Но ведь нарушены все революционные и вообще человеческие законы, — снова поднял свой голос Коски.

— Сервиз, сервиз, вот кто ты! — уже не в силах сдерживать себя, закричал на него Ялмар.

Коски даже опешил. А Ивар подумал, что Ялмар рехнулся. Но тот взял себя в руки.

— Что ты скажешь, Айроксинен?

— Я скажу, что его следовало бы расстрелять, — тихо, словно беседуя с самим собой, сказал Айроксинен. — И это дело надо бы передать на утверждение Турккия...

В это время впереди раздались отдельные выстрелы.

— Ивар, ты ничего не скажешь? — спросил еще раз Ялмар.

Ивар отрицательно покачал головой.

— Тогда мы без тебя окончательно решим вопрос, а ты немедленно отправляйся с тремя товарищами вперед и все разведай, что там творится.

Когда, отдав честь, Ивар пошел вперед, обгоняя по дороге красногвардейцев, Ялмар сказал:

— Это мой самый лучший разведчик.

— Знаю, — ответил Коски.

Коски был совершенно уверен в том, что Ивар не замедлит вернуться обратно, выполнив доверенное ему дело. Куда же ему деваться — он целиком наш, и он честный человек.

Возница — тот, на чьих санях лежал Айроксинен, тот самый, что получил от Ивара по физиономии, когда сказал, что золото всегда хорошо звенит и совсем не пахнет, — усмехаясь в свою жидкую бороденку, произнес:

— Теперь ищи его, как ветра в поле!

Коски приказал ему замолчать.

— Он вполне достойный человек, этот Ивар, и тем более необходимо расстрелять его для того, чтобы и другим не было повадно!

— Сервиз! — уже про себя прошептал Ялмар и вслух сказал:

— Ладно, присоединяюсь к предложению Айроксинена. Пусть рассудит Турккия.

— Ну, Турккия, известно, как рассудит, — удовлетворенно согласился Коски, так, как будто он и Турккия никогда ни в чем не расходились. Впрочем, это его предположение было не лишено основания.

«Вот это и плохо, что Ивар не уйдет», — подумал Ялмар, ему хотелось спасти Ивара.

— Айно, подойди ко мне, — крикнул, приподнявшись на локте, Айроксинен.

Мимо саней проходил женский батальон. Впереди него шла Айно. Такая высокая и широкая в своем обычном женском платье, она казалась среднего роста мужчиной в этих просторных шароварах и высоких своих сапогах.

Отделившись от строя, она подошла к саням.

— Подойди!

И она подошла к Айроксинену.

— Нагнись ко мне.

Она нагнулась над ним.

— Твои девушки отлично дрались, молодец! — тихо, скороговоркой произнес он и, обхватив руками ее голову, прижал девичий лоб к своим губам. — Спасибо! — так же тихо сказал он, отпуская ее.

Она выпрямилась, и яркий румянец залил ее гладкое лицо. Она была очень смущена.

— Ялмар, — сказала Айно, — я назначаю Сигрид своей заместительницей вместо Алины Саволайнен. Утверждаешь?

— Ладно, пусть будет так!

И Айно, подпрыгивая, побежала догонять свой поредевший батальон.

Подходила часть Айроксинена. Сани, в которых лежал на носилках командир, заняли свое место во главе батальона.

Ялмар вскочил на седло и поехал вперед к своим ротам, обгоняя обозы, женщин и артиллерию.

«Если расстреляны Симха и Рагнар, значит, с ними пропало и наше золото», — подумал он и левой рукой ощупал свой пояс. В правой он держал поводья.

Пояс был на месте и немного обвисал от тяжелого золота.

«Жаль ребят и золото», — подумал он и вспом-

нил, как зимней ночью в снежных окопах читал Симха боевые стихи, подымая дух утомленных красногвардейцев. О Рагнаре он не мог ничего вспомнить — слишком уж молчалив был Рагнар.

И жалко, что доктор Альвгрен, придя в деревню, уже не застал Ялмара. Он мог бы кое-что ему рассказать. Но догнать отряд не было охоты, и он устал, — к тому же дома в комнате лежала обессиленная больная, и ей тоже надо было помочь.

ХII. РАГНАР И СИМХА В ПЛЕНУ

Когда Рагнар и Симха увидели, что они окружены и что через две или три минуты их возьмут, они быстро скинули с себя свои набитые золотом тяжелые пояса и закопали в снег под молоденькою елью. Потом, как птица, уводящая охотничью собаку от гнезда с птенцами, они быстро пошли навстречу белым. По отдаленным голосам они поняли, что в лесу есть шведы и финны, и если суждено было попасть в плен, то лучше уже в руки шведов. Попали они к шведам. Но рядом шли лахтари и ругались последними словами и требовали от шведов, чтобы те расстреляли пленных на месте. Особенно много ругательств и издевок пришлось на долю Симхи.

— Эй, ты, горбун — одна лишь могила исправит, мы ее и приготовили для тебя!

— Не исправит, лахтари, меня могила! — ответил Симха, и это еще больше разозлило лахтарей.

— Привинтят тебе горб спереди, тогда иначе запоешь.

Около входа в сарай, где содержались пленные, Рагнара и Симху поверхностно и наскоро обыскали. Был задан только один вопрос:

— Красногвардеец?

— Да, — сказал Симха.

— Да, — подтвердил Рагнар, и это было его червое слово за два часа.

Отрицать было бы бесполезно.

При аресте отобраны были винтовки. Правда, затворы непостижимо куда запропали. При обыске в карманах нашли заваливавшиеся нерасстрелянные патроны.

И Рагнар и Симха знали, что их судьба уже решена, когда переступали порог холодного сарая.

На одежде их таяли хлопья последнего снега. Такой снег шел весь день, — он забивал следы, слёпил, и все казалось, что вот-вот перейдет в дождь. В сарае, куда их всунули, было полутемно, и лишь через несколько минут, когда глаза привыкли к такому освещению, они разглядели еще человек двадцать. Люди эти казались совсем равнодушными к своей судьбе и ко всему, что творилось в мире. Они даже никак не реагировали на прибытие новых. Рагнар сразу же попытался приладить себе сиденье из сосновых чурбаков, которые в беспорядке лежали на дощатом полу сарая.

Он чувствовал себя оскорбленным, виноватым и обманувшим доверие.

Золото ни за что пропадало в лесу и даже могло достаться лахтарям. А он-то обещал доставить свою ношу невредимой народному уполномоченному. Он привык выполнять свои обещания, и поэтому в большом и темном сарае он чувствовал себя вдвойне неудобно.

Симха нагнулся над лежащим человеком.

Человек хрипел и дрожал легкой дрожью.

Он был в нижнем белье.

Так вот почему все казались одетыми в одну и ту же форму. Все были одинаково раздеты — в нижнем белье. Всем было очень холодно.

«Значит, и нас перед концом разденут», — подумал Симха, но ему не было страшно.

Через полчаса дверь сарая распахнулась...

— Получай еду, — раздался резкий окрик, и Рагнар встал и пошел за своей порцией.

— Товарищ, не бери, — кто-то тихо сказал ему из темного угла.

Друг или враг предупреждал его — он не знал.

Лахтарь поставил на пол большую миску и вышел из сарая.

Когда захлопнулась дверь и был повернут ключ в замке, все оживились и разом заговорили.

— Не берите их еду!

Это были хорошие королевские норвежские сельди.

— Почему? — изумился Симха, — почему не брать?

— Селедка, а они нарочно не дают воды.

— Воды, воды... — пробормотал невнятный голос из другого конца сарая. — Хоть бы пригоршню снега за весь день.

— Это подстроено нарочно, — опять сказал тихий голос из угла.

И все-таки очень хотелось есть. Двое подошли к миске и начали грызть сельдь.

— Нет, уж лучше переждать, — решил Симха. — А потом, может быть, наши еще отобьют нас, выручат нас.

Он начал надеяться на освобождение. В небольшую щель между досками было видно, как идет снег.

— Воды, воды!

— А бывает еще на свете крепкое черное кофе, — мечтательно произнес кто-то из темноты.

— Товарищи, — сказал тогда Симха, — бросьте скулить. Давайте, споем перед смертью нашу

песню. Пусть войдет она навсегда в души сторожей. — И он затянул «Интернационал».

Вставай, проклятьем заклеянный... —

начал он своим высоким и сильным голосом и, выводя эту песню, он снова забывал, где сейчас находится и что скоро будет с ним. Он весь словно переходил в свой голос и вливался в него без остатка, замирая на верхах и уверенно опускаясь. И уже несколько слабых голосов подхватило:

Весь мир голодных и рабов...

И казалось, вот-вот зазвучит, загремит, вырвется из-за стен сарая эта великая песня освобождения человечества. Но снова загремел замок, распахнулась дверь, и в темноте сарая раздался оглушительный выстрел.

— Всех перестреляю за такую песню! — сказал конвоир и захлопнул дверь.

— Хорошо, что только оцарапал меня, — сказал кто-то из темноты, и песня остановилась.

Уже было совсем темно на дворе, начиналась холодная весенняя ночь — ночь последнего снега в году.

— Ребята, — сказал Симха, — что вы словно куры на нашесте, а ну, сюда поближе ко мне, я вам расскажу занятную историю.

И все красногвардейцы в нижнем белье подошли поближе к Симхе. От близости тела соседа каждому стало теплее.

— Поехали парни из Лапуа, все семейство, в соседний приход на свадьбу, — начал Симха. — Каждый взял с собой по топору. На всякий случай. Те места ведь разгулами и дракой знамениты. Ну, а бабушка решила остаться дома. В последнюю минуту она перерешила: «Еду с вами, внуки, на свадьбу», — сказала она.

Ну, тогда старший и закричал работнику: «Сентери, Сентери, положи на сани еще один топор, бабушка тоже едет на свадьбу».

— Вот мы к этой бабушке и попали в лапы,— угрюмо усмехнулся один из пленных, и все рассмеялись.

— Ну, за тобой очередь, — обратился Симха к соседу.

Тот подумал и сказал:

— Мой мастер — в шюцкорах ходил. Уважал он меня. И хотел к себе переманить. Убеждал, что нам, безоружным, против них не выстоять. «Уходи к нам», — говорит. А я и отвечаю:— «Откуда у вас оружие?» — «О! нам завтра ночью подводная лодка на островке выгрузит двенадцать ящиков с оружием!»

И что бы вы думали? Он ведь не соврал.

— А ты откуда знаешь, врал он или нет?

— Как откуда? Шюцкоры должны были забрать драгоценный груз на рассвете, а я с другом, красным, добрался туда еще ночью на шлюпке. Все оружие и переправили себе в штаб.

— Мозоли с той ночи до сих пор не сошли. Вот смотри, — и рассказчик протянул ладони.— Вот откуда мы в Ловизе добыли оружие. А лахтари и по сей день злятся, что их надули.

И снова пленные весело засмеялись.

В большую щель видно было, как часовой, до сих пор безостановочно шагавший вокруг сарая, весь облепленный мокрыми хлопьями снега, остановился и стал прислушиваться к смеху, доносившемуся из сарая, и к громкому разговору.

— Видишь, как ты прогадал, — крикнул часовому Симха, — пошел бы к красным, сидел бы тогда сейчас с нами рядом под крышей, и не пришлось бы тебе целую ночь под снегом месить грязь!

Часовой плюнул в снег:

— Проклятый горбун! — и снова заходил, как маятник.

А заключенные до утра рассказывали друг другу анекдоты и случаи из своей жизни, и это были последние их рассказы на белом свете, потому что утром, — а была уже ясная, чистая погода и снова на небе соседствовали месяц и солнце, — пришли и забрали половину людей.

— Эй, пуники, пуники²⁸, пошевеливайтесь! — кричал лахтарский командир, — скорее на последнюю прогулку!

Рагнара раздели, он остался лишь в полотняной рубашке и егерских шерстяных кальсонах.

В таком виде их погнали по улице селения. Ноги их стали совсем красными, потому что гнали босиком.

Горбуна оставили в сарае.

Вторую партию должны были расстрелять под вечер.

Арестованных провели по всей деревне и остановили уже около леса... у лесной баньки. К стене поставили пять человек... Рагнар видел, как они падали, и совсем забыл, что у него заходили ноги.

Товарищи оседали назад, прислоняясь спиною к бревнам стены, — и только один рухнул вперед, странно растопырив руки.

Потом к стене с другими поставили и Рагнара. Он стоял, выпрямившись во весь рост, босой, в нижнем белье, но в шапке. Он чувствовал, как верхнего шапки касался доски крыши. А спиною ощущал выпуклость бревен избушки.

— Вот была у вас раньше частная собственность, у каждого своя собственная могила. Но вы против частной собственности. И мы идем навстречу

вам — будет у вас общая, — сказал со злобной усмешкой старший лахтарь.

И лахтари стали снова заряжать свои ружья...

Все тело казалось Рагнару легким и невесомым, вот-вот снимется, оторвется от земли и полетит.

Золото в лесу под елкой, а умирать все равно один раз.

Он оторвался от земли. И прыгнул. Прыжок был огромный и быстрый — через сугроб. Если бы в дни юности, когда он участвовал в соревнованиях, ему сказали бы, что он сможет сделать такой прыжок, он не поверил бы.

Он уже бежал по лесу, когда вдогонку раздались первые беспорядочные выстрелы.

Ляхтари не ожидали такого побега, и потом они не могли сразу же погнаться за Рагнаром. Другие, стоявшие у бревенчатой стены, могли последовать его примеру — их надо было раньше расстрелять.

И их расстреляли.

Обозленные побегом лахтари несколько раз перевернули штыки в теле каждого красногвардейца, прежде чем броситься в погоню за Рагнаром.

Он бежал так, как никогда в жизни не бегал.

Длинные, цепкие сучья хлестали его по лицу, ноги его скользили по снегу, упавшие шишки ранили их.

Он бежал, как одержимый, пока вдруг перед ним не встал солдат с блестящим начищенным медным кофейником в одной руке и винтовкой в другой.

Солдат кинул кофейник на снег и взялся обеими руками за винтовку.

Рагнар, ни о чем не думая, быстро нагнулся, подхватил тяжелый кофейник и изо всей силы бросил его в лицо шведу.

Когда лахтари, уводившие на расстрел красногвардейцев, снова пришли в сарай брать пленных, Симха по их виду сразу понял, что у них произошло что-то неладное. Когда же, наконец, он услышал, как переговариваются между собой солдаты:

— И кто мог знать, что он бежит как одержимый?

— Попробовал бы сам, словил бы!

Симха подумал: «Может, это Рагнар ухитрился бежать?» — и радость охватила его. Золото, значит, еще не совсем погибло. Ему захотелось прыгать, кружиться на месте, петь. Такое приходило только в детстве.

Он был чистильщиком сапог на Эспланде в Гельсингфорсе. Веселые студенты или подвыпившие офицеры русского гарнизона подходили к чистильщикам:

— А ну-ка, смажь свою морду ваксой.

Такое удовольствие оплачивалось целой маркой по неписаной таксе. В предпраздничные дни чистильщики с главных улиц приносили домой столько, сколько их отец не зарабатывал за два дня в цеху. Иногда собиралось вместе несколько таких ребятишек, и сговорившись, они подходили к стоянке такси. Каждый брал себе отдельный автомобиль, и все они веселым быстрым кортежем, шумной процессией, трубя во все рожки, мчались с максимальной дозволенной скоростью по главным улицам города. И при этом размахивали над головами своими ящиками с набором щеток и кричали задорные песни.

И вот сейчас, подумав, что Рагнар бежал, Симха готов был завертеться на месте, начать ту

же бесшабашную песню. Он и в самом деле не удержался и запел ее вполголоса...

Сильный удар в подбородок, чуть не свернувший набок челюсть, разбил эту веселую мелодию...

Солдат поднял Симху за шиворот с холодного дощатого пола.

Симха молчал.

— Снимай сапоги! Они тебе больше не пригодятся. Твое счастье, что ты горбун, а то и платье бы сняли.

Симха сел на чурбан, на котором сидел еще часа два назад Рагнар, и принялся расшнуровывать ботинки.

Во рту было солоно. Челюсть тупо ныла, и все-таки было радостно: наверное, это Рагнару удалось бежать.

Солдат в нетерпении нагнулся над горбуном и из открытого кармана гимнастерки (пуговица была оторвана) на колени Симхи упала небольшая красная книжечка такой же формы и величины, как и его партийный билет.

Стоя на холодном полу в носках с продранными пятками, передавая солдату свои ботинки, Симха спросил:

— Социал-демократ?!

Тот с довольным видом кивнул.

Симха хотел сказать этому солдату, что и он тоже социал-демократ, но, увидев эту самодовольную улыбку на губах солдата, которому его ботинки явно были малы, он почему-то промолчал. И радость, охватившая его при мысли о победе Рагнара, исчезла, смываясь нестерпимой горечью.

Босой и избитый, рядом с другими товарищами, тоже избитыми, босыми и раздетыми, шел Симха по деревенской улице, по той же самой дороге,

по которой недавно еще проходил Рагнар. Горечь все больше захватывала сердце Симхи. И ему уже казалось, что не стоит и жить... Нет, не синяки и не тупо ноющая челюсть были тому причиной, и не то, что ноги совсем окоченели. Он думал о другом. Он думал о том, что солдат, избивавший его и раздевший, был членом той же партии, того же социалистического интернационала, что и он — Симха, и Рагнар, и Ивар, и все его товарищи, которые сейчас понуро шли на казнь.

«Мы одного интернационала и одной программы, одной идеи люди — и он...»

И дальше не хотелось думать ни о чем, и трудно было самому себе объяснить, как же это вышло. Такая огромная, несмыслимая обида заполнила его грудь, что просто хотелось растянуться в этой снежной грязи и реветь, реветь без конца...

Фельдфебель решил соблюсти все правила приличия; принятые при экзекуции... Выстроив приговоренных у стенки невысокого бревенчатого домика, около которой уже лежало четыре расстрелянных, он спросил:

— Может быть, кто-нибудь желает помолиться перед расстрелом? Попросить у господ снисхождения к своим грехам?

Наступило на мгновение тягостное молчание. Оно прервалось высоким и совсем спокойным голосом — Симха сказал:

— Я хочу помолиться!

Товарищи, стоявшие рядом у стены, с изумлением взглянули на этого горбуна.

Один из них подумал:

«Зачем он тянет, все равно помощь не придет, а так стоять на снегу холодно. Скорей бы!»

Симху отвели немного в сторону, и он спокойно

не торопясь, громко, чтобы все слышали, своим звонким голосом произнес молитву:

— Прости меня, господи, что являюсь к тебе слишком рано, незванным гостем!

ХІV. ИВАР ПРИХОДИТ ИЗ РАЗВЕДКИ

Ивар возвращался из разведки. Все было известно. Стреляли одиночки-белые, отбившиеся от своих частей.

На несколько часов движения дорога была открыта.

Конечно, можно было остановиться и подождать, пока подойдет колонна, но Ялмар должен был получить нужные сведения возможно раньше. Поэтому Ивар шел навстречу колонне, насколько мог, быстро. Ноги у него ныли, и по снежной грязи трудно было передвигать их. Телеграфные столбы шли медленно, и оборванная проволока проводов не гудела.

Черные весенние птицы — грачи, что ли, бесцеремонно садились на дороге перед самым носом.

«Надо будет перед расстрелом моим, — подумал Ивар, — отдать медный кофейник Айно».

Он закрыл глаза и увидел большой медный начищенный кофейник на снегу под темной раскидистой елью. Вчера еще, отпустив пленных, на обратном пути он подобрал этот кофейник.

— Надо будет, действительно, передать его Айно, — решил Ивар и уверенно зашагал навстречу колонне.

ХV. ЭТОГО НЕ ЗАБЫТЫ

Лошадь оступилась. Ялмару показалось, что он падает в какую-то бездонную черную пропасть.

Он открыл глаза. На просторном, высоком, темном весеннем небе звезд не было, они померкли в ярком, до рези в глазах, зеленом свете вражеской осветительной бомбы. Это было не страшно.

Сообщению Ивара он верил — кому же в таком деле верить, как не своему лучшему разведчику?

Потом он открыл глаза, когда услышал резкую команду Айроксинена.

Он увидел, как старика на носилках подняли высоко на руках и он сверху бросает отрывистые и резкие слова команды; острые кончики усов угрожающе топорщатся, и в скрепленных белой ниткой очках блестят задорные огоньки.

— Весело живем! — услышал Ялмар последние слова, и снова веки его слиплись.

Этот переход: шаткие деревянные настилы мостов, жаркие, горящие у дороги деревья и избы; ночные шумы весенних, еще не начавших жить лесов, ругань красногвардейцев; высокое небо над головой, ощущение пустоты в желудке и тяжести в голове, эти часы, когда трудно было разобрать, стоишь на месте или идешь, спишь или бодрствуешь; отдаленный гул выстрелов...

Все это осталось в памяти навсегда — неразделимым, смутным и неразличимым сном.

Все это — и плач ребенка, и звонкая песня весенней птицы, и грязь на дорогах, промоченные сапоги и ясное солнце, и волна щемящей красногвардейской песни, несущейся издали, — разве все это можно рассказать и разве это можно забыть?

Он крепко сидел в седле и, покачиваясь, дремал, опустив поводья.

ПЯТАЯ ЧАСТЬ

І. КОЛОННА ВХОДИТ В ГОРОД

Измученные утомительными переходами по грязным весенним дорогам, голодные, оборванные, потрепанные в боях и окруженные ореолом победы над белыми частями, колонны Ялмара вступили в город победителями.

Слесари и токари, плотники, столяры, сапожники, чернорабочие, лесорубы, сплавщики, батраки — они входили в город по уже просыхающим дорогам. Впереди шли девушки Айно. Хотя на малом привале перед городом они чинили прорехи и чистили костюмы, — все же им не удалось ни с лиц, ни с платьев стереть следы последних недель. Высокими голосами они подымали в весенний воздух песню итальянских рабочих:

Над миром наше знамя реет.
Оно горит и ярко рдеет.

И уже не так стройно но уверенно переключаясь, подхватывали эту песню шеренги роты Айроксинена. И он сам на носилках громко, надтреснутым голосом пел слова, родные еще с пятого года:

То наша кровь горит огнем,
То кровь рабочая на нем....

Ивар и Юкко, потерявшие своих друзей, шли теперь рядом, стараясь держать равнение. Они думали о великой мужской дружбе, сначала незаметно, но тем неразрывнее связывающей людей, дерущихся за одно и то же дело. О великом товариществе, складывающемся в боях на баррикадах, в переходах через непроходимые снега, о горечи отступления и радости победы. Чем с большим числом друзей делить эту радость, тем больше она становится. О вместе увиденном рассвете, о трубке, обкуренной вместе, о знакомых интонациях друга, о шинели, которой вместе покрываешься, об одном котелке на троих, об общей песне для всех, о стертых в походах ногах, обветренных и небритых лицах, о том, какие праздники вместе справляли и какие еще будем справлять, о великой солдатской дружбе думали Юкко и Ивар, жалея о том, что Рагнар и Симха не входят сегодня в город рядом с ними. Ялмар ехал впереди отряда. Ординарца не было.

Штаб Красной гвардии отвел красногвардейцам Ялмара лучшие помещения. Это были пустовавшие теперь здания женской гимназии и шведского реального училища. В старых русских казармах сейчас жили местные красногвардейцы.

Оставив бойцов размещаться в отведенных им помещениях, Ялмар поскакал на лошади в штаб.

Штаб помещался в здании старинной, выстроенной еще при шведском владычестве крепости.

Узенькие невысокие двери. Темные, словно в

подземельи, переходы коридоров, саженной толщины стены циклопической кладки. Комнаты, похожие на большие тюремные камеры, с окнами, напоминающими амбразуры.

На площадке лестницы, тускло освещенной слабосильной электрической лампочкой, приставив винтовку к ноге, стоял часовой.

Он был знаком Ялмару. И когда Ялмар поровнялся с ним, часовой отдал по-военному честь.

Чорт дери, это был сам Ээро.

— Что ты здесь делаешь? — остановился Ялмар.

— Часовой при штабе.

Ялмар быстро взбегал по ступеням и теперь стоял перед Ээро, тяжело дыша.

— Меня простили, — тихо стесняясь сам своих слов, говорил часовой, — меня простили и разрешили служить в Красной гвардии рядовым красногвардейцем. Вот и служу, — и он смущенно провел ладонью по подстриженным усам.

Если бы лампочка на площадке горела ярче, Ялмар мог бы заметить, сколько седины прибавилось у Ээро за те семь недель, когда они не виделись.

Весь пол кабинета председателя был устлан огромным мягким ворсистым ковром.

— Поздравляю с удачными боями, с победой, — сказал председатель. — Думаешь, я не понимаю, чего это стоило? Садись, — он указал Ялмару на мягкое кресло.

«Какая уютная комната в таком мрачном замке», — подумалось Ялмару.

Он увидел из бойницы верхушки мачт пароходов, стоявших еще у причалов.

— Я думаю, — начал он, даже не поздоровавшись, — что теперь нечего сидеть в городе и

ждать наступления белых. Надо всем, кто может идти, немедленно выходить из города и, не давая опомниться, бить лахтарей!

Председатель молчал.

Лицо его было чисто выбрито. Он был одет так, как будто он только что сошел с парламентской трибуны. И даже сейчас, когда Ялмар требовал самых решительных действий, в правоте которых был абсолютно уверен, — он сам чувствовал, что и в его голосе и в манере держать себя сквозило какое-то невольное уважение к авторитету этого человека, верить словам которого он привык чуть ли не со дней своей юности и которому он уже не верит.

«Как с Ээро!» — подумал Ялмар.

Председатель снова встал, прошел по кабинету и, положив руку ему на плечо, тихо сказал:

— Я думаю, что дальнейшая борьба обречена. Белых поддерживают империалисты... — Он помолчал. — И потом русские товарищи уже не могут нам помогать. Сейчас надо обеспечить пути отступления...

— Надо немедленно наступать. Мы можем крепко бить белых, — уверенно сказал Ялмар.

Но тот, казалось, не слушал, что говорил ему Ялмар.

— Надо обеспечить пути отхода. В Терриоках есть отряды. В Петроград из Петрозаводска прибыли две роты бойцов. Там, на севере, у Княжьей Губы, в Карелии, формируются отряды, чтобы ударить по тылам лахтарей. Послезавтра ты выедешь в Петроград, примешь две роты и по телеграфу ускоришь выступление отрядов у Княжьей Губы... Только я думаю, что уже все поздно.

Тут Ялмар с изумлением взглянул на председателя, который отдавал распоряжения, сам не веря в их выполнимость.

— Но лучше итти вперед и бить врага, чем ждать, пока он соберется с силами и ударит.

— Да, так, может быть, и лучше! — тихо отвечал председатель. — Только так надо было действовать нам с самого начала, а теперь... — и он махнул рукой. — Я хотел спасти всю армию. Неделию назад это было еще возможно. Пути в Россию были еще открыты, — говорил он тихо, словно жалуясь, и Ялмару казалось, что вот-вот его собеседник расплчется. — Я отдал распоряжение частям центрального фронта немедленно отступать и концентрироваться здесь. И что же ты думаешь — ни командиры, ни красногвардейцы на центральном фронте не захотели отступать. Видишь ли, на их участке дела шли хорошо. Они зашумели, что это измена, предательство. И только тогда, когда с юга отрезали им железнодорожные пути, они спохватились. Ну, окружили их... Теперь они в мешке, тридцать тысяч человек. Понимаешь?

— Они должны, они могут прорваться! — сказал Ялмар. — Мы же пробились. А дерутся они хорошо. Там гельсингфорсцы, там из Котки, там из Кюммене, из Валинкоски рабочие — у Лахти и Рахимяки.

— Это катастрофа.

— Разреши мне пробраться к ним, я постараюсь организовать прорыв.

Председатель отрицательно повел головой.

— Из десяти моих посланцев двое, не доехав, вернулись обратно.

Молчание...

— Остальные расстреляны белыми на железнодорожных путях.

Ялмару не надо было этого говорить, он понял это и резко сказал:

— Закон о полной отмене смертной казни был подписан тобою, товарищ.

Услышав этот упрек, председатель мгновенно преобразился. Он выпрямился в кресле. Никто не мог бы и подумать, что еще минуту назад в его глосе звучала жалоба. Он был надменным и самолюбленным человеком.

— Ты получил назначение и мои распоряжения, — сказал он Ялмару, — и можешь идти. Скажи всем в канцелярии, и тебе выдадут необходимые письменные полномочия. А потом ты устал. Если хочешь, можешь выспаться здесь, в замке. Я найду тебе койку.

Но Ялмар хотел отдохнуть вместе со своими товарищами... он не верил уже председателю.

— А за золото спасибо, — уже в спину Ялмару говорил председатель. — Мне рассказали, что вы вывезли и сдали все золото.

Лестница показалась теперь Ялмару гораздо длиннее.

II. ПОСЛЕДНИЙ МИТИНГ

Следующее утро и Ялмар, и Айно, и Айроксисен, и Ивар, и тысячи других красногвардейцев считают самым тяжелым утром своей жизни.

Они сначала не хотели верить слухам, разносившимся по отрядам и всему городу. Ивар набил морду одному буржуйчику, который рассказывал об этом с ухмылкой. Айно арестовала двух незнакомцев, открыто разговаривавших об этом, хотя один из них и показывал листовку, подписанную красным диктатором. А Ялмар дважды прочитал листовку — и все же не поверил. Он думал: новая лахтарская провокация.

А тут еще с чердаков стали стрелять неизвестные люди.

На углу Шведской улицы этими выстрелами были убиты две женщины, стоявшие в очереди за лепешками скудного пайка.

Красногвардейцы скоро выловили стрелявших из-за угла. Это были студенты-шюцкоровцы.

Женщины из очереди вырвали их из рук красногвардейцев и учинили самосуд.

Ялмар не стал спасать шюцкоровцев.

«Женщины действуют правильно», — решил он. К тому же он спешил к причалам набережной. И только потом, когда он увидел у пристани всего один и то неисправный пароход «Тезей», остальных (верхушки мачт вчера еще он видел из амбразуры замка) не было, и только тогда, стоя у парапетов, он понял, что слух не был ложным и листовки не фальшивы и все это сущая правда — рабочее правительство бежало.

Но сразу же он одернул себя.

— Что это? Я говорю словами белых провокаторов!

И тогда он снова вытащил и перечитал измятую листовку-обращение.

«Пожалуй, они правы. Надо сохранить головку рабочего класса, его мозг, его лучших людей, пожалуй, они правы: сегодняшнее поражение — это еще не смерть, и мы, в конце концов, победим. Но... но...» И здесь шли соображения, которые становились все увереннее и настойчивее. «Но если это так, то красногвардейцы, рабочий класс — все бы поняли, и можно было решение об отъезде правительства провести на митингах Красной гвардии, а так нехорошо получается, некрасиво. Неправильно. Тайком. Скрываясь. Они снова дают козыри врагам рабочего класса. Они сами помогают сеять рознь в Красной гвардии».

Ялмар вспомнил растерянное и утомленное лицо командующего-диктатора, когда тот вчера

отдавал ему приказание. Неужели уже тогда было принято решение о тайном отъезде? И злость охватила Ялмара.

Значит, скрывали и от него, от боевого командира. И нужно ли теперь ехать в Петроград! Ведь, кажется, туда уехало правительство. Ну, значит, они и наладят немедленно подмогу. А может быть, не туда уехали? Ну, куда бы они ни уехали, он останется со своими. И когда Красная гвардия расколотит в пух и в прах белых, тогда будет создано другое правительство, с более крепкими нервами, такое, как у русских.

Он все еще верил: «Мы в этот раз победим. Победим назло лахтарям, назло всем врагам, даже теперь, назло центральному руководству... Надо только по-настоящему драться, как дрались при переправе через мост».

Ялмар шагал быстро и незаметно для себя очутился перед самой крепостью.

Перед стенами крепости, на островке, красногвардейцы расставляли орудия. И опять распоряжался неутомимый Тетерь. Увидя Ялмара, он издали помахал ему рукой и выкинул свой боевой лозунг:

— Как вас зовут, милая нэйти!

Ворота были отворены, и он вместе со всей массой спешивших к крепости вооруженных красногвардейцев вошел во двор.

«Тетерь не унывает, — подумал с тоской Ялмар, — ему-то все равно: в России — Ленин, революция победила, а на Суоми ему наплевать!» — и сразу же ему стало стыдно того, что он подумал. — «Хорошо «наплевать» — все бои Тетерь прошел с нами!» — ругал он уже сам себя, подымаясь снова по лестнице в башню замка.

Он хотел узнать, что творится там и кто теперь сидит в кабинете диктатора. — «Хорошо «напле-

вать», когда каждый день на самых опасных участках». И он вспомнил, как орудие провалилось под лед.

Ялмар шагал через две ступеньки. На площадке не было ни Ээро, ни другого сменного часового.

Дверь отворилась, и на площадку вышел маленький, крепкий седой человек, тоже металлист — участник свеаборгского восстания, друг Айроксинена, — комендант крепости, Раутио.

— Идем, идем, — сказал Раутио, и Ялмар пошел вместе с ним обратно, вниз по лестнице крепостной башни.

— Идем, идем, — говорил Раутио, комендант крепости, — надо потолковать с красногвардейцами.

Двор крепости был уже полон вооруженными людьми. Из отряда Ялмара никого не было, — и он был втайне доволен и даже горд этим — дисциплинированные люди ждут своего командира.

Митинг уже начался. Он шел без председателя и без постоянной трибуны.

Голоса раздавались с возвышений — с лафетов, со снарядных ящиков, с походной кухни, со ступенек простой деревянной лестнице, прислоненной к стене.

Речи были злобные и растерянные.

Некоторые ораторы потрясали оружием, но не знали, что сказать.

Они жаловались и возмущались. Это был митинг, тяжесть которого несут в своей душе и до сегодня все те, кто присутствовал, и те, которые только слышали о нем. И до самого вечера стояли во дворе, не расходясь, красногвардейские отряды, отбившиеся от своих частей, и части, рассыпавшиеся на ходу.

Это была вооруженная людская россыпь, обу реваемая разнообразными страстями.

К вечеру, когда уже определилась трибуна, —

походная кухня, — и около нее запылали факелы, освещавшие неверным и беглым светом лица ораторов, — Раутио сказал тихо Ялмару:

— Наступает время решения.

В эту минуту, не выпуская из рук винтовки, взобрался на завинченную крышку кухни старик-красногвардеец. Он сказал:

— Мы остались без правительства и без руководства! Но мы должны сражаться до последнего человека. Мы знаем, как обращаются с нами лахтари, и если мы их не разобьем теперь, то все же лучше погибнуть в бою, чем от истязаний и пыток. А почему нам не побить их? — спросил он громко всех собравшихся. — Разве у нас есть какой-нибудь другой выход? Другого выхода у нас нет, — сам же ответил старик-красногвардеец. — Другого выхода у нас нет, значит, мы должны побить и побьем их! Побьем!

Красногвардейцы приняли эту речь как свою — надо было драться.

Ивар стоял в толпе среди других и испытывал странное чувство гордости. Нашелся, наконец, человек, который сказал то, что думали другие, то, что хотел сказать он сам.

Он вернулся в отряд Ялмара раньше, чем сам Ялмар, и поэтому, когда Ялмар пришел к своему отряду, уже все знали, что в комитет, который руководил обороной, были избраны Раутио, Ялмар, старик-красногвардеец, оратор, Лехти и еще кто-то.

Ялмару только осталось рассказать, что при распределении обязанностей он назначен помощником начальника обороны, — в начальники избран комендант крепости, стойкий пролетарий Раутио.

Когда через несколько дней в крепость ворвались белые, они схватили на дворе крепости Ра-

утио, и лахтарский офицер, держа за шиворот старика, грозно спросил его:

— Ты кто?

— Я комендант этой крепости. Видите, наверху, на шпиле, развевается красный флаг. Это я его там укрепил, и я умру раньше, чем вы его оттуда сорвете!

Он умер в ту же минуту.

III. РАГНАР ПРИНОСИТ ЗОЛОТО

Заседание штаба происходило в кабинете бывшего диктатора. Никто не стоял у дверей на страже. От грязных сапог красногвардейцев зеленый ворсистый ковер потускнел.

Комендант Раутио, Ялмар, старик-красногвардеец, командир отряда Лехти и другие, случайно попавшие на заседание штаба люди, сегодня были во всем согласны друг с другом.

Все решения принимались единогласно. Впрочем, и разбиравшиеся вопросы не требовали университетского образования для своего решения.

Это не были сложнейшие вопросы политической экономии или догматического богословия, это не были вопросы санскритской филологии или интегрального исчисления. Все было ясно. В городе около двадцати тысяч бойцов, — значит можно и нужно драться.

Город окружен лахтарскими вражескими частями.

Красные бойцы лучше всего дерутся на баррикадах, значит, надо оборонять окраины, и если враг ворвется в город, — встретить его на улицах достойно.

— При умелой обороне и правильно расположенной сети баррикад, при точном знании всех

проходных дворов и переулков, — с засевшими в городе красногвардейцами могут справиться вооруженные силы противника, лишь превосходящие по численности не меньше, чем в три раза. Наступление врага должно захлебнуться здесь, в городе. Эффективная защита может продолжаться не меньше, чем две недели.

Все взоры обратились на Ялмара. Он стал специалистом по военным вопросам после обороны родного города.

— Да, не меньше двух недель! Столько бойцов! Боеприпасов почти хватает! Только нужна дисциплина! А тем временем могут подоспеть подкрепления из Петрограда через Терриоки. Части, схваченные у Лахти и Рихимяки в мешок, смогут вырваться. Ведь врагам придется лучшие части бросить на нас. Мы примем на себя основной удар главных сил неприятеля. А тем временем приполярная группа начнет наступление от Княжьей Губы и Кандалакши. Возможно, что драка идет еще и в других местах. Нет, не все потеряно!

Если проводить твердо намеченную линию, возможна даже победа. Победа!

Всем казалось, что заседание только что началось, однако ночь кончалась: шальной петух запел на крепостном дворе, и всем стало смешно от этого неожиданного и неуместного кукареку.

Гулко ударила пушка. Раздалось семь выстрелов, как бы боевой салют.

Надо было кончать заседание и приступать к точному осуществлению всех решений. В комнату вошел Тетерь. Лицо его сияло больше, чем серебряные буквы на ленточке бескозырки.

Обращаясь к Ялмару, который только один из всех собравшихся мог разобрать, что говорит матрос, Тетерь сообщил штабу обороны, что все

семь трехдюймовых орудий приведены в порядок и готовы бить неприятеля перекидным и навесным огнем, не допуская его до цитадели.

Ялмар перевел слова артиллериста, и все повскакали с мест, окружили моряка, стали пожимать ему руки, похлопывать по плечу. Это был русский большевик — и за ним чувствовалась огромная Россия, сбросившая царя, гробившая сейчас своих собственных лахтарей, небывалая, победившая революция. И вот сейчас — боец Красной гвардии Финляндской рабочей республики, бывший матрос императорского, а затем революционного русского флота, комендор Тетерь пожимает руки коменданту Раутио, участнику свеаборгского восстания.

Телефонистки работали из рук вон плохо.

Правда, большинство из них служили на телефонной станции всего месяца два, заменяя старых, объявивших саботаж, и Ялмару пришлось несколько раз крепко выругаться в трубку, прежде чем он добился соединения с казармами, где были расположены пришедшие с ним в город отряды.

Он услышал, как взяли трубку, и еще какие-то неразборчивые звуки.

— Кто? Кто у телефона?

И только через минуту ответ:

— Дежурный!

— Говорит Ялмар. Кто дежурный?

— Ивар.

— Как дела, что в части, отвечай подробнее, — требовал Ялмар, но Ивар, казалось, совсем не хотел разговаривать с командиром.

— Почему ты не отвечаешь? Что-нибудь случилось?

И опять — приглушенный странный голос

Ивара; казалось, он преодолевал с тяжелыми усилиями сопротивление гудящих проводов.

— Я плачу!

— Почему? Что произошло?!

Опять томительное молчание.

— Подожди, Ялмар, я плачу. Симха расстрелян... Сегодня это я достоверно узнал без переводчика.

— Откуда ты узнал?

Опять молчание, и вдруг Ялмар услышал неясное всхлипывание.

— Рагнар сказал, — продолжал Ивар.

— Рагнар?! — изумился Ялмар. — Где? Когда?

— Он пришел и разыскивал тебя.

— Мы в крепости.

— Я его туда, к вам, и отправил. А отряд в полном порядке. К телефону подошла Айно; хочет говорить с тобой.

— Ладно. Пусть подымет весь отряд — я через полчаса сам буду.

Не успел Ялмар положить трубку, как в комнату вошел Рагнар.

Он был в истрепанной крестьянской одежде с плетеной из бересты сумкой за плечами. Он еще больше отощал, и в щетине на его щеках поблескивала раньше не бывшая там седина.

— Посолили они тебе бороду, — сказал Ялмар и протянул руку Рагнару.

— Вот золото мое и Симхино, — сказал Рагнар и поставил на стол перед всеми тяжелую берестяную плетенку.

Ялмар не удивился. Он знал людей, которым было поручено золото, и поэтому раньше он и не сердился на то, что Рагнар и Симха пропали со своей ношей. Значит, никак нельзя было ее доставить, если они не доставили по назначению.

Рагнар, вспомнив что-то, обратился снова к Ялмару:

— Ну, отлично! Сдал золото — и гора с плеч. А то, честное слово, боялся, что подведу. И к тебе у меня есть поручение. Доктор просил передать тебе, что Марта выживет, будет здорова, — он теперь ручается за ее здоровье. Факт.

— А ты его откуда знаешь? — удивился Ялмар и сам почувствовал, как краснеет от радости.

— Этот доктор достал мне одежду. Я его встретил в лесу.

— Молодец, доктор! — громко сказал Ялмар и выбежал из комнаты на площадку.

Ему казалось, что вот-вот он закружится по комнате на одной ноге или запоет веселую матросскую песню, а перед всем штабом этого не стоило делать. Чтобы как-нибудь утишить обуревавшую его радость, он побежал по улице. Он бежал по уже сухим, гулким плитам тротуара, а над городом — в голубоватом небе занималась весенняя утренняя зорька.

Было прохладно. Было светло.

С горки он увидел темневшие за городом хвойные леса. В городском парке еще безлистые деревья сучьями тянулись к прозрачному розовевшему небу. Он пошел шагом. Сердце билось в груди учащенно. Холодный утренний воздух с силой врвался в легкие.

Марта была жива! Орудия Тетеря в порядке, — план выработан превосходный, — погода отличная. Марта жива — какое счастье!

IV. Р Е М О Н Т «Т Е З Е Я»

У пристани стоял пароход «Финляндского акционерного пароходства». Его еще не угнали и не потопили, потому что машины были не в по-

рядке. С самого начала германской войны дел было так много и страховка настолько обеспечена, что его не ремонтировали. Старый капитан бежал к лахтарям и унес с собой какие-то мелкие, но необходимые в работе части машины.

Штаб решил погрузить раненых на этот пароход и в случае необходимости эвакуировать в Россию.

Не обошлось при этом и без споров. Кое-кто говорил, что лучше посадить на пароход здоровых красногвардейцев и отправить их в Петроград и чтоб они из Петрограда вышли на помощь Выборгу. Но так как слишком ясно было видно, что все захотят отправиться в Петроград, а другой посуды, кроме «Тезея», не было, — решили «Тезей» отдать раненым. Для того чтобы «Тезей» мог отвалить от стенки, требовалось возможно быстрее отремонтировать машину и изготовить недостающие части. Ялмар отобрал из своего отряда слесарей-монтажников и токарей-металлистов. И, как бы в награду за быструю и хорошую работу — так он пообещал им — эта рабочая бригада получала право вместе с ранеными уехать из города. Это был шанс.

Ялмару, кроме всего прочего, хотелось спасти жизнь нескольким боевым ребятам.

Чорт возьми; они еще могли пригодиться на этом свете, который сейчас клином сошелся в этом городе.

Рагнар, сдав золото, не захотел отдыхать.

Он сменил свои лохмотья на только что сшитый красногвардейский костюм и русскую шинель — их теперь на городских складах было много.

Ялмар выискал в передовой цепи Рагнара и, улыбаясь, сказал ему:

— Придется тебе сменить винтовку на инструмент, к которому ты больше привык.

Он назначил этого молчаливого красногвардейца, который был отличным слесарем и в свободные часы все время что-то мастерил, начальником ремонтной бригады.

Рагнар в походе смастерил особую лыжную установку для пулемета. Но в такое время разве можно запатентовать свое изобретение?

В помощники Рагнару был дан Юкко, отлично знавший все уловки как слесарного, так и токарного мастерства.

— Только ты не обращай меня, — предупредил Рагнар Юкко, — и работа пойдет отлично.

Юкко вздохнул о нечестивце и тоже с жаром принялся за работу.

Под их началом работало шесть парней, молодых и умелых.

Здесь они были как рыба в воде: машинное отделение и непрерывный огонь топок кочегарки — это не то, что редкий огонь перестрелки, когда все непонятно.

Они все работали, не жалея сил, и, казалось, радовались тому, что, наконец, можно поработать по-настоящему, по-человечески, проливая только свой пот.

— Значит, закон о восьмичасовом дне по боку, — сказал Рагнар, и все рассмеялись.

— Для своих раненых работаем — самаритяне! — подтвердил Юкко, и опять все засмеялись.

Это было во время перекурки.

— Вот ханжа, — сказал один из парней, — все из писания сыплет!

— Ну нет, он ведь пасторшу арестовал, — без него бы не опознали.

— Что за пасторша?

Рагнар только что пришел в город и еще не успел узнать то, что знали все окружающие.

На другой день после прихода отряда в город

Юкко вдруг вышел из строя, подошел к спокойно стоявшей на тротуаре у витрины женщине с детской коляской и попросил ее предъявить документы.

Женщина вытащила из сумочки бумажонку и протянула Юкко.

Он принялся укорять ее словами библии, вряд ли уступая в красноречии пророку Исайе:

— Господи, — взывал он, — как недавно эта женщина гордилась тем, что она первая женщина-поп! Первая, удостоенная благодати! А теперь сует мне под нос бумажку о том, что она — нянька!

Увидав собравшихся вокруг коляски вооруженных людей, ребенок потянулся к ним. Когда Юкко взял его на руки, женщина-поп чуть не лишилась чувств.

Но ее привели в себя и для выяснения отправили в штаб.

В детской коляске под матрасиком лежали страховые яйца ручных гранат.

Гранаты предназначались для притаившихся шюцкоровцев.

— Ну, а ты бога не боишься? — спросили Юкко.

Он ответил:

— Когда мой брат оказался седьмым в Саари и его за это расстреливали, то поп пришел благословлять, — и на его поясе был маузер. Он бога не боялся!

— А мой отец был десятым — в Ярви расстреливали десятого, — сказал один из парней, и все снова, уже молча, принялись за работу.

У Рагнара были не только золотые руки; он каждый раз придумывал какую-нибудь новинку в работе — то взять другой наклон резца, то поднести деталь не с той стороны, как привыкли, и под

его наблюдением все выходило быстрее и работать было ловче и легче.

Часы работы шли незаметно, и руки уже снова стали пахнуть привычно — машинным маслом. Словно возвратились старые дни сдельной работы. Впрочем, какие там старые дни, ведь ни Юкко и никому другому и в голову не могла притти вздорная мысль о забастовке — и никто не ворчал на требовательность Рагнара.

— А выходит так, что и работать приятно и хорошо! — сказал один из парней под конец рабочего дня, словно удивляясь себе. (Засыпали на пароходе, здесь же, в машинном отделении, просыпались кто когда и снова принимались за работу.)

— Это, брат, всегда весною! Ведь посмотри, какая дружная весна, — подтвердил другой.

Ему не поверили. И никто не сказал, что это потому, что впервые они работали не на хозяина.

Один из слесарей ночью, поворачиваясь с боку на бок, проснулся и уже не сразу заснул.

Он случайно подслушал разговор Рагнара с Юкко.

Оба они сидели на табуретках и доедали свой суточный паек — по кусочку шведской королевской селедки и корке хлеба, запивая черным кофе.

Кофе было горячее, и они говорили, медленно отхлебывая по глотку из больших жестяных кружек.

— Так ведь я это дело знаю! — словно убеждал Юкко Рагнара. — Я человек цеховой. Ты такое изобрел, что и подсчитать невозможно, сколько оно труда и материалу экономит и какую пользу народу принесет.

— Я тоже так думаю. Один ученый университетский все это подтвердил, — тихо сказал Раг-

нар. — Я всю жизнь об этом изобретении думаю, в голове своей все улучшаю его. Да вот нужно, чтобы все проверить, а выйдет, конечно, правильно — четыре тысячи семьсот марок; а я всю жизнь переходил с места на место и больше тысячи марок не удавалось подкопить. Правда, один товарищ мой предлагал мне займы все свои сбережения, да ведь и у него не больше всего было;

— Ну, а золота хватило бы? — спросил Юкко.

— Какого золота? — удивился Рагнар и пригубил кружку.

— Ну, того, что ты в банк принес и сдал?

— Ну, того раз в сто было больше, чем надо!

Оба замолчали. Молодой слесарь повернулся на другой бок.

Разговаривавших он больше не видал, только их огромные черные тени качались на стене и, перегибаясь, ложились на потолок.

— А почему ж ты переходил с места на место? — возобновил свой допрос Юкко.

— Видишь ли, мы с женою девятый год живем не венчанные в кирке... хорошо живем... две девочки есть у меня. Какие хорошие девочки, если бы ты их видел! Ну, а я, ты прости меня, не могу терпеть, когда надо мною поп бормочет чепуху разную. Я ведь и конфирмацию с трудом прошел, чуть не убежал. Вот мы и решили, что любим друг друга — и баста. Никому нет дела. Другие в суд ходили для утверждения. А мы ни в церковь, ни в суд. Ну вот и вышло... Я упрямый, а они еще упрямее — с места на место пришлось переходить... скрывали от других. А как узнают, надо снова место менять. Ну, я-то вытерплю. Я в «черный список» был занесен и то прожил: безработицу прошел. И жена у меня умница и крепкая женщина!

И, слушая эти слова и интонации, с которыми

они произносились, молодой парень в первый раз в жизни услышал, с какой любовью и уважением можно говорить о женщине. (Это его немного удивило — он был еще молод и до революции водился с хулиганящими ребятами.)

— Только я одного боялся, что я сдамся. Закреплю судом свою женитьбу, когда девочки мои пойдут в школу. Не хотелось, чтобы они мучались. На мое счастье пришла революция... Здесь поблизости мои живут. Забежал позавчера — никого нет. Наверно, к матери в деревню переехали с детьми. Безопаснее там.

— Вот видишь, как трудно без бога, без церкви, — внушительно сказал Юкко.

— Ну и пойдя и попроси прощения у своей арестованной пасторши! — ответил Рагнар.

Услышав этот ответ, юноша улыбнулся.

Собеседники молчали. Слесарь уже закрыл глаза, чтобы уснуть, когда снова услышал тихий голос Рагнара.

— Знаешь, Юкко, о чем я мечтаю. Вот, когда мы победим, мы устроим один большой дворец, и там будут разные комнаты, ну там — мастерские, лаборатории, и будут там заведывать настоящие ученые люди. Кто захочет, придет в этот дворец со своим изобретением и предложением. И дадут ему место и материал бесплатно, и ученые ему должны будут помогать. Ну, а насчет еды, еду как-нибудь можно будет промыслить. Ну, там корки кусок, с селедочкой, как сейчас, — и Рагнар засмеялся. — Ведь, честное слово, будет так, Юкко!

Юкко ответил не на этот вопрос, а на другой, который был, очевидно, задан ему Рагнаром до того, как проснулся слесарь.

— А насчет того, о чем мы с тобой говорили, — сущая правда. Так и сделаем. И ребята наши,

конечно, согласятся с нами. Это ведь отличные парни. И вправду, ведь мы не раненые!

Собеседники стали укладываться спать на полу около машины, и молодой слесарь заснул, так и не понимая, с чем это он должен соглашаться потому, что он «парень хороший».

Когда он проснулся, Рагнар и Юкко уже хлопотали около машины. Кочегары кормили топки кардифским углем. И когда он вышел на палубу, его ослепило утреннее апрельское солнце.

Он чувствовал себя выпавшимся, и от утреннего холода все мышцы казались ему собраннее и крепче, и хотелось работать и жить, и мир вокруг, и жизнь были прекрасны. Случайно подслушанный ночью разговор казался сном.

— Вот тебе и молчаливый, чорта с два — молчаливый! — фыркнул он, открывая кран.

Сполоснув лицо ледящей водой, он спустился по трапу в машинное отделение.

По всем обычаям должен быть обеденный перерыв. Устраивали его и работающие на «Тезес». Только перерыв был, а обеда не было. Сегодняшний паек был — сто грамм хлеба и селедка. Правда, кипятку сколько угодно.

Оставалось после обеда доделать самую мелочь. Машины были приведены в исправность и готовы к действию.

Уже на местах монтажников примеривались к работе машинисты и кочегары.

В час обеденного перерыва Рагнар созвал на корму свою бригаду.

Юкко сидел на свернутом в кольцо просмоленном канате и смотрел, как играла, переливаясь всеми цветами радуги, нефть на холодной воде бухты. У противоположного берега еще был лед. Рагнар сказал:

— Товарищи! Мы с товарищем Юкко погово-

рили между собой и вот решили: мест на «Тезее» мало. Не хватит даже погрузить всех раненых. Видите, их сколько!

На набережной уже разгружали подводы с ранеными. Женщины с повязками сестер милосердия переносили раненых на носилках. Они шли по трапу осторожно, боясь поскользнуться.

— А мы можем еще драться и даже прорваться из белого кольца. Ну, а если не прорвемся, то каждый возьмет с собой на тот свет несколько лахтарей, в компании веселее.

Никто не прерывал Рагнара. Когда он замолчал, слышно было, как постукивает трап и совсем близко ухают пушки.

«Так вот с чем должен был я соглашаться», — вспомнил ночной разговор молодой слесарь и тоже стал разглядывать радужные пятна на воде.

— Я не знаю, как решат товарищи, — встал с каната Юкко, — но если они решат неправильно, я большинству на этот раз не подчиняюсь.

— А как, по-твоему, правильно? — с жадностью спросило Юкко несколько голосов.

— Что бы там ни решили, — продолжал Юкко, — я свое место уступаю раненому, а сам иду обратно в свой взвод.

У. ГОРОХОВЫЙ СУП

Айно вышла из штаба успокоенная и довольная. Шутка ли, она получила браунинг! Теперь было все ясно и определенно, и снова было легко жить. Она решила в плен ни шведам, ни лахтарям живой не сдаваться, а из кавалерийского карабина кончать с собой было очень сложно. Теперь маленький браунинг, нащупываемый в кармане, придавал ей спокойствие, и ее походка была еще легче, чем всегда.

Ведь если на минутку забыть, что она была начальником женского батальона, и подумать, что сегодня она провожала двадцать второй апрель в своей жизни, то можно понять, почему, даже чувствуя в своем теле усталость от последних дней, даже ощущая томительную пустоту голода, она проходила по улице так, словно после рабочего дня вышла прогуляться или шла на свидание.

Впрочем, она ни на секунду не могла забыть того, что она — командир батальона и что сейчас, через четверть часа, через тридцать минут, она займет место рядом со своими боевыми подругами, рядом с прекрасным товарищем Сигрид. Сигрид теперь заменяла ее в батальоне, и девушки послушно исполняли все ее распоряжения.

Итак, Айно, довольная, шла к своему батальону по набережной, — все время нащупывая в кармане уже потеплевший маленький браунинг.

Она прошла мимо «Тезея», занятая своими мыслями, и не обращая внимания на подводы, с которых снимали раненых.

Те, которые могли сами ходить, поддерживаемые сестрами, ковыляли по трапу на пароход. Айно думала сразу о многом: о том, какие прекрасные подруги ее девушки; о том, как жалко, что Тетерь не видел, как она метко научилась стрелять; о том, что скоро можно будет уже плавать; о том, как вкусно выпить чашку горячего сладкого кофе со сливками, закусить булочкой с маслом и чтобы у булочки хрустела корка. Еще она размышляла о том, на сколько хватит у девушек патронов, и как она ни переворачивала — выходило, что не позже, чем завтра к вечеру. нужно будет опять просить патронов. И вдруг она услышала голос Ялмара и остановилась. Ялмар стоял на набережной, окруженный слесарями и тока-

рями. По его интонациям она поняла, что он чем-то очень доволен.

— Да, мы так и решили все, — говорил молодой слесарь, и Рагнар подтверждал. — Да, да!

У Юкко вспотели очки, и он никак не мог их вытереть своим большим клетчатым платком.

Ялмар сказал:

— Вы люди взрослые и все понимаете сами. И если вы решили так, то идите обратно в свои части на позицию, а республика...

— Спасибо, за разрешение, товарищ начальник, громко, торжествуя, выкликнул молодой слесарь и добавил: — только мы хотели бы быть все вместе. Как на «Тезее»!

— Ладно, — сказал Ялмар и похлопал по плечу молодого слесаря.

— Спасибо, товарищ начальник, — повторил Рагнар, и вся бригада, шумно разговаривая, пошла дальше по мостовой.

— Ай да молчаливый! — восхищенно произнес вслух Ялмар и увидел Айно.

И она увидела его глаза и изумилась, что до сих пор не замечала, какие они голубые.

Это, наверное, оттого, что сейчас и небо голубое.

— Куда ты идешь? — спросил Ялмар.

— К моим девушкам, — отвечала Айно.

Ялмар пошел рядом с ней.

— Ты не пойдешь к своим девушкам, их осталось мало, и Сигрид вполне заменит тебя.

Айно удивленно молчала.

— Ты сегодня же ночью на «Тезее» уедешь в Петроград.

— Но ведь я не раненая, — возразила Айно.

— Нам нужны и здоровые. На «Тезее» будет четыреста раненых и все — мужчины. Мы еще будем драться. Нам еще нужны будут женщины в борьбе. Ты поедешь, Айно!

— Я не могу покидать своих подруг, это будет дезертирство, я не раненая,— еще настойчивее сказала Айно.— Я получила сегодня браунинг, мы...

— Это не дезертирство,— сухо сказал Ялмар,— командир тебе приказывает.

Голос его стал по-начальнически строг.

Он вырвал из блокнота листок и стал писать пропуск на «Тезей». Айно стояла недоумевая, что же ей теперь делать, ведь не может она бросить своих боевых подруг, не может она бежать в такую минуту из осажденного города.

Ялмар сунул ей в руку пропуск, предварительно приложив печать. Это была та самая треугольная печать, которую вырезал Рагнар еще в дни ноябрьской забастовки при расчете за конфискованный хлеб.

— Вот возьми и иди сейчас же на пароход,— строго сказал Ялмар,— нам люди еще будут нужны. А отсюда никто не уйдет.

— Да, но ты почему сам не уходишь? Ты ведь ранен,— она показала на бинты, плотно обхватившие лоб Ялмара.— Ты ведь тоже нужен в борьбе.

— Я здесь старший начальник и должен быть при людях. Потом — ты моложе меня. Потом — я приказываю тебе, а мне некому приказать. Вот и все, и никаких возражений я не принимаю.

Ялмар круто повернулся и пошел в другую сторону, к штабу.

В тайниках души своей он еще надеялся увидеть Марту и мать — и это тоже было одной из причин, которые не давали ему уйти на «Тезее».

«Да, он — начальник, он должен думать обо всех, но и у меня ведь есть отряд», — размышляла Айно.

Она зажала в руке записку, но все же, хотя и

медленнее, шагала от набережной к фронту, к своему отряду. Могла ли она выполнить приказ Ялмара? И Айно решила, что пароход-то уйдет только ночью, а до этого она успеет сходить к своему отряду, и там будет ясно — может она оставить девушек или нет.

Браунинг тогда можно будет передать Сигрид. И вообще до вечера многое станет ясным.

Это решение ее успокоило, и она заторопилась к передовой линии.

На углу стояла очередь за продуктами. Больше всего в очереди было старых женщин. Они смотрели на Айно — некоторые одобрительно, другие — порицающе.

Вдруг раздались громкое шипение и глухой удар. Камни посыпались на мостовую.

В одно мгновение очередь разбежалась по подворотням.

В дом, в котором находилась лавка, ударил артиллерийский снаряд.

Айно одна осталась на мостовой.

Но через минуту очередь выстроилась в прежнем порядке, как будто никто и не разбежался, как будто и не было стрельбы. Одна старуха неодобрительно взглянула на Айно.

— Тоже! Воюют в городах! Если надо драться, дрались бы в поле или в лесу!

Слова ее не тронули Айно, она подумала о том, что в ее мешке осталась еще корка хлеба сегодняшнего пайка, и пошла еще быстрее к фронту.

Зайдя за угол, она почувствовала в воздухе сладостный аромат горячего горохового супа. Двое красногвардейцев, сгибаясь под тяжестью своей ноши, несли огромный дымящийся котел, и Айно увидела, что в гороховом супе плавают

нарезанные куски ветчины. Во рту у ней стало влажно.

— Куда вы несете суп? — спросила она, догнав красногвардейцев.

— Куда приказано, туда и несем, — огрызнулся один, но другой узнал Айно и ответил вежливо:

— Лахтарям!

— Шутишь!

— Нет, правда, арестованным, белым, — разъяснил красногвардеец.

— Ну, товарищи, это уж слишком! — возмутилась Айно. — Несите лучше моим девушкам, — уже с неделю они не едали горячего супа.

Красногвардейцы продолжали молча нести котел дымящегося супа. Винтовки мешали им.

— Честное слово, — оживилась Айно, — это недалеко, ну, метров триста, пять кварталов.

Ей и самой очень хотелось отведать горячего вкусного супа. Это еще с детства было ее любимое блюдо, а сегодня...

— Вот мы и у места, — сказал грубый красногвардеец, и они пошли со своей драгоценной ношей в подъезд большого дома.

Айно пошла за ними.

Гороховый суп с ветчиной лахтарям, а девушки пять дней не ели горячего.

Здесь что-нибудь не так.

Может быть, попросить у этих красногвардейцев хотя бы тарелку себе?

— Видишь ли, — объяснил красногвардеец, поднимаясь по лестнице, — мы ведь не звери, и мы должны показать всему свету, как мы обращаемся с пленными и арестантами.

— Но ведь они!..

— О, они — это совсем другое дело, но мы ведь так не можем.

«Пожалуй, это и правильно», — подумала Айно, но память о своих девушках говорила, что нет, неправильно.

Часовые пропустили ее вместе с красногвардейцами на чердак, где содержались арестанты.

Весь чердак был уставлен железными застеленными койками.

Арестанты и не обратили внимания на подоспевший обед.

«Сыты, черти!» — с ненавистью подумала Айно.

Нет, уж дудки! Теперь она ни за что не попросит даже и ложки этой похлебки.

Арестованные смотрели на Айно, не тая злобы и презрения.

— Стерва, — сказал один из них, седоватый благообразный человек, — пришла любоваться. За сколько согласишься?

Щеки Айно вспыхнули, и дыхание, казалось, остановилось. Только одно слово вырвалось из глубины ее существа:

— Лахтарь!

Что бы она сказала дальше — неизвестно, потому что дверь снова распахнулась, и на чердак вошел человек в штатском с какими-то орденами на груди, и за ним Ялмар.

— Это шведский консул, — успел шепнуть ей красногвардеец, принеся похлебку.

Шведский консул ходил по чердаку, как по своим владениям, и громко возмущался:

— Это безобразие — держать людей в таком месте, где рвутся снаряды.

— Прикажите белым или хотя бы шведской бригаде не стрелять в нас, вот арестованные и будут в полной безопасности.

— Я требую, чтобы арестованных перевели в безопасное помещение.

— Такого я не знаю во всем городе, господин консул, — вежливо сказал Ялмар.

— Но, тогда хотя бы в подвальное помещение, — продолжал горячиться консул, и драгоценные кольца сверкали на его пальцах.

— А где были вы, господин консул, когда в Таммерфорсе расстреливали каждого седьмого? — выступила из полумрака Айно.

Губы у нее дрожали, щеки горели. Вся горечь за голодных девушек и обида на нелепое оскорбление вылились в этих словах.

Консул на мгновение опешил, но решил не обращать внимания на слова этой неизвестной девушки в мужском костюме.

Ялмар спокойно сказал ему:

— Господин консул, мы сделаем, что можно!

Стекла глухих окошек, выходивших на крышу, задребезжали.

Где-то вблизи разорвался снаряд. И с такой же быстротой и неожиданностью, с какой он появился здесь, консул исчез с чердака.

Тогда Ялмар подошел вплотную к Айно и сурово спросил:

— Почему ты здесь? Что ты делаешь здесь? — И, не дожидаясь ее ответа, резко продолжал: — Ты не выполняешь моего приказа. Хватит! — он опустил руку на шашку, — хватит! Довольно мы пролили лишней нашей крови из-за непослушания... из-за недисциплинированности. — Он добавил громко, чтобы слышали все: — Я тебе приказал, и ты должна быть там, где приказано. Если встречу где-нибудь в городе или на линии огня, я прикажу тебя расстрелять! Понятно?!

Он повернулся к ней спиной, а она, не чувствуя под собой ног, побежала вниз по лестнице. Уже пройдя три марша, услышала сверху ласковый голос Ялмара:

— Айно, Айно, а пропуск у тебя есть, не потеряла?

— Есть!— крикнула Айно и пошла еще быстрее.

Арестованные не торопясь ели гороховую похлебку. Тот, который оскорбил Айно, поблескивая золотым пенсне, громко сказал соседу, показывая на Ялмара:

— Этот начальник умеет разговаривать с девушками!

И тогда Ялмар подошел к нему, посмотрел ему в глаза.

Арестованный перестал есть.

— Если бы ты не был арестованным, я дал бы тебе по морде!— тихо сказал Ялмар.

VI. АЙНО ВЫПОЛНЯЕТ ПРИКАЗ

По дороге к пристани Айно забежала к подруге, у которой хранила свой чемоданчик. Она взяла с собой смену белья, женское платье (как далеко то время, когда она сняла его!) и кипу красногвардейских фотографий. Здесь был и весь отряд в строю, здесь была карточка командиров взводов, здесь были сняты те, кого уже нет на свете, и все в разных позах, сидя, полулежа, во весь рост, одиночные фотографии и групповые. Вот Сигрит и Марта и Ольга прицеливаются из карабинов с колена. Когда они снимались, они еще не разу не выстрелили. А вид был воинственный.

Быстро собирая все карточки, Айно улыбнулась, вспомнив об этом. Да, любили красногвардейцы фотографироваться. Большая пожива была от них городским фотографам. Еще не запомнив номера своей винтовки, красногвардеец снимался с ней, еще не узнав всех имен товарищей

по взводу, он уже прятал в походный ранец или в бумажник снимок взвода.

Эти фотографии теперь были самым драгоценным, что у ней оставалось. И они заполнили со сменой белья всю ее небольшую сумочку.

Когда она подходила к «Тезею», с парохода по трапу на берег провели под конвоем какого-то мужчину.

Он был очень бледен.

Айно предъявила пропуск часовому и спросила, что это за человек.

— Это дезертир, — ответил часовой, — он спрятался на «Тезее» и хотел бежать в Советскую Россию.

Стоящий на набережной большой четырехэтажный дом горел, очевидно, подожженный зажигательными снарядами белых. Отблески пламени ложились на холодную, темную, вечернюю воду. И Айно уже не казалось странным, что никто не тушит пожара, и нет пожарных и суеты посторонних людей около горящего здания. Жильцы, наверно, уже успели уйти.

Часовой пропустил Айно на пароход. На палубе ее встретила старая знакомая.

— Ты пробралась сюда! Иди ко мне, Айно, в каюту, я тебя спрячу, никто не найдет, ко мне ведь не входят, я здесь судомойка и подавальщица.

Они познакомились еще давно, три года назад. Вместе работали судомойками в пансионате на Иматре и подружились.

— Мне не надо прятаться, я с пропуском начальника, — сказала Айно, и ей снова стало очень стыдно, что она, здоровая, здесь, на пароходе, среди раненых, а не там, со своими девушками.

— Все равно, идем ко мне в каюту, — потащила ее к себе старая приятельница.

Каюта была маленькая, тесная, но очень уютная.

— Здесь я живу, — тараторила подруга, — да ты что руки опустила, слова не скажешь? Я тебя совсем не узнаю, Айно. Ну, улыбнись.

Над головой послышалось какое-то шарканье, кто-то ходил, стуча по полу сапогами и прикладом.

— Что это? — почти беззвучно спросила Айно.

— А так, — ответила подруга, — спрятавшихся дезертиров ищут. Да что ты? — удивилась она и схватила Айно за руку.

Айно вскочила с места и бросилась к двери.

— Я... я... пойду и сама скажу, что я здесь, что я дезертировала, — бормотала она.

— Нет, нет, голубушка... не выйдет, — притянула ее к себе подруга. — А ну, раздевайся, — и она стала стаскивать с Айно ее мужские шаровары, сбросила с головы фуражку. — Ну вот, ты и молодец; ну вот, теперь ты снова милая девушка, — приговаривала она, подавая Айно юбку, блузку, косынку. — Довольно, побыла красногвардейцем, хватит.

— Нет, не довольно! — стукнула рукою по столу Айно, — не довольно! — и сразу же ласково попросила: — Подруженька, очень прошу тебя: отдай часовому этот браунинг и попроси передать его командиру женского взвода Сигрид. Ладно?

Айно вытащила из кармана браунинг. Когда она вытаскивала браунинг, из кармана упали и покатались по полу несколько медных и серебряных монет.

Подруга нагнулась и подняла их.

— Да ведь это новенькие, красные деньги!

— «Труд народа — власть народа», — прочитала она вычеканенную надпись. — Одна марка... и ободок из колосьев, первый раз вижу.

— Возьми на память, — сказала Айно. — И вот еще передай для Сигрид карточку, — и Айно протянула подруге фотографию Ленина.

Теперь, когда она снова была одета в женское платье, ей казалось, что она совсем разучилась его носить.

— Ты была миленьким мальчиком, но девушкой ты все же лучше, — сказала подруга. — Ну, я пойду выполнять твое поручение, а чтоб ты не выкинула глупости, я закрою тебя на ключ.

Поворачивая ключ в замочной скважине, из коридора она добавила:

— Лучше всего выключи свет и спи.

Стало тихо.

Потом снова ходили над головой и топали, и проходили мимо ее двери, и ругались, и снова стало тихо. И было слышно, как дрожит под ногами машина.

Айно потушила свет.

В иллюминатор видна была темная полоска холодной воды, слегка розовеющая.

— Это от пожара, — вслух сказала Айно и удивилась: голос был совсем чужой.

И тогда ей показалось, что вокруг нее открывается пустота и что больше ей жить нельзя и не к чему. Она прислушалась. Выстрелы были редкие и далекие.

«Зачем мне теперь жить?»

Кто-то ругался. На набережной прогудел рожок автомобиля.

— Ялмар, наверно. — Теперь уже она не управляла своими мыслями. — Ведь он не только думал об ее спасении, он думал о будущем. Она придет в Петроград и сразу же пойдет через границу.

Опять топали над головой.

— Не надо было отдавать браунинг. Жить

теперь совсем не к чему. Надо уйти с парохода к девушкам...

Но дверь была заперта на ключ.

Ночь.

Айно проснулась от шелкания ключа.

Подруга вошла в каюту.

— Ты спишь, вот и прекрасно!.. А мы уже в открытом море. Завтра Первое мая встретим в море.

Под ногами, содрогаясь, стучала машина, пол дрожал от ее работы, и было видно в иллюминатор, как бежала назад черная, холодная вода.

Клубки, подступавшие к горлу, прорвались рыданиями.

Айно плакала горько и долго.

VII. «ХРАБРЕЦЫ»

Перестрелка утихла. Лахтари или выдохлись, или решили переменить тактику боя,— во всяком случае, на этом восточном участке обороны города больше не наступали.

Было холодно и сыро на улицах приморского города в эту ночь под Первое мая.

— Совсем иначе праздновали мы Первое мая в прошлом году,— задумчиво произнес красногвардеец одного из отрядов восточного участка обороны.— И совсем иначе праздновали бы в этом году, если бы все у нас руководители были такие, как русские большевики.

— Все равно, если бы не шведы, недолго продержался бы Свинхувуд с Маннергеймом,— отзывался третий красногвардеец.

— С помощью господ-бога и солдат шведского короля!— кажется, так он говорит.

Попыхивая в ночной тьме трубками, красногвардейцы молчали.

Но если на восточном участке наступило полное затишье, то тем ожесточеннее разгоралась схватка на западном участке.

Оттуда доносились отзвуки непрекращающейся стрельбы, и словно зарницами озарялось темное небо запада вспышками оружейных выстрелов.

Вернулся разведчик, это был тот самый красногвардеец, который был в свое время приставлен товарищами наблюдать за действиями матроса Тетеря.

Он возвращался из разведки веселый, но слегка разочарованный.

— Нигде лахтарей не обнаружил, товарищ командир, — весело отрапортовал он командиру отряда.

Через несколько минут явился и другой разведчик, и он сказал о том, что не удалось ему повстречаться даже с белыми разведчиками.

— Здорово, значит, мы их пугнули, — довольно произнес командир Лехти, — теперь, поди, до завтрашнего вечера снова не сунутся на наш участок.

— Да! похоже на то, — сказал первый разведчик.

— А, ребятки, холодно здесь, что-то сырость до костей пробирает! — пожаловался красногвардеец, вспоминая прошлогодний первомайский праздник.

— Особенно, если сидеть без дела, — подхватил разведчик, и его словно осенило: — Знаете, что, товарищи, — решительно сказал он, — я считаю это просто нечестным; в то время, когда товарищи на западном участке принимают на себя удар лахтарей, мы сидим здесь, сложа руки, ничего не делая. Нечестно!

— А они нам помогали сегодня днем? — отозвался ленивый голос из подворотни.

— Мы и без их помощи отогнали лахтарей!

— К тому же, если ввяжемся в схватку, — теплее будет, — снова вмешался в разговор вспоминавший о Первом мая.

— Тогда чего ж еще рассусоливать? — решительно сказал разведчик и прислушался.

Перестрелка на западном участке не утихала.

— Идемте! — и, вскинув на плечи винтовку, красногвардейцы нестройной толпой двинулись за разведчиком.

— Товарищи, — запротестовал, забегая вперед и пытаясь остановить идущих, командир отряда Лехти. — Товарищи! Мы не имеем права покидать вверенный нам участок, остановитесь!

— А если на нашем участке нет неприятеля, так и сидеть без дела? — вызывающе крикнул кто-то из толпы.

— В тебе трусость говорит! вот что! — резко сказал разведчик. — Ну да, или ты трус, или устал драться!

— Я — трус?! — вспылil командир и схватился за маузер, висевший у пояса. — Я? Трус?

— Товарищи! Вот в своих он способен стрелять, а в лахтарей не хочет.

— Даешь другого начальника! — задорно выкликнул один красногвардеец. — Мы выбирали, мы и переизбираем!

— А штаб? — растерявшись, произнес командир.

— Мы деремся за демократию! Штаб утвердит!

— Предлагаю командиром... — и было названо имя заводилы-разведчика.

— Кто за?

— Подавляющее большинство!

— Все-таки надо здесь оставить заслон, хоть небольшую охрану! Вдруг белые снова пойдут,

пусть оставленные задержат их и позовут нас, — все еще пытался удержать хотя бы и немногих Лехти.

Один из красногвардейцев засмеялся:

— То говорил, что до завтрашнего дня не сунутся, а теперь — на попятный, ну и командир...

— Бывший! — добавил кто-то из толпы...

— Пусть остается здесь с такими же трусами, как он сам, — предложил кто-то.

В ночной тьме трудно было разобрать, кому принадлежат голоса.

— Я обращаюсь не к трусам, а к сознательным бойцам, — сказал смененный на ходу командир Лехти, — к членам партии. Мы должны остаться на посту.

— Обращайся к центральному правлению партии, оно бежало от нас. Мы здесь остались на своем посту, — мрачно ответил ему кто-то из нестройно шагавшей по мостовой толпы.

И все-таки вместе с бывшим командиром осталось с десятков красногвардейцев.

Остальные ушли на западный участок, принимавший на себя в эти часы сосредоточенные удары неприятельских частей.

Уже через полчаса они приняли участие в бою.

Неумело командуя своим отрядом, новоиспеченный командир подумал:

«А напрасно все-таки я обидел Лехти, напрасно называл его трусом. Ну, да это его не задело. Ведь он сам знает, что мы все по-настоящему считаем его храбрецом. Только к слову, в перепалке пришлось. Эх, надо будет при встрече все объяснить ему».

Но встретиться им больше не пришлось.

Разведчики белых и добровольные агенты из

города сообщили им о том, что отряд Красной гвардии ушел с восточного участка обороны.

Через час после ухода красногвардейцев многочисленные отряды белых тихо, стараясь не шуметь, обошли пост товарища Лехти и, окружив, перекололи всех оставшихся штыками, чтобы не подымать лишней стрельбы.

Затем так же бесшумно проникли они несколькими колоннами по открытым улицам в центр города.

Стрельба шла со всех сторон — и в этой сумятице сама занимавшаяся утренняя заря, казалось, истекает кровью.

Получив неожиданный удар в спину, красные отряды дрогнули.

Штаб, находившийся в старинной каменной крепости, оказался отрезанным от красногвардейских отрядов. Курьеры, посланные штабом, не возвращались.

Белые перехватили их и расстреливали тут же на мостовой.

Каждая баррикада оборонялась и дралась только за себя.

«Дело на сегодня прсиграно», — с горечью подумал Ялмар, выходя из крепости. — Что теперь? Теперь главная задача — спасти сколько можно людей, сохранить для будущих боев больше жизней товарищей. Пусть уходят, прячут других, разбегаются и сами прячутся по квартирам.

Но это легко было решить и трудно сделать, когда потеряна связь.

Ялмар вытащил из штабного портфеля списки своего отряда и поднес к ним зажженную спичку, — бумага, корбясь, быстро горела.

Он вытащил из походной сумки фотографические карточки дружинников и тоже поджег их, хотя и очень жалко было карточек.

Он вышел во двор крепости.

Комендант ее, Раутио, проверял запоры тяжелых старинных крепостных ворот и расставлял пулеметы на стене.

— Надо уходить в подполье, — сказал Ялмар, и ему почему-то вспомнилось, что Марта обещала найти его, когда выздоровеет.

— Я укреплял на флагштоке крепости это красное знамя, — с достоинством ответил комендант, — и оно будет там развеваться, пока я жив.

Несмотря на шум перестрелок, было слышно, как красное полотнище с шумом полощется на высоком флагштоке.

VIII. СИГРИД ОСТАЕТСЯ НА ПОСТУ

— Сигрид, надо распускать девушек, — пусть каждая постарается спастись по-своему.

— А ты не предатель сейчас, Ялмар?

Сигрид стояла перед Ялмаром — стройная, тоненькая, бледная, и темные пятна под ее глазами, положенные усталостью, еще больше подчеркивали медвяный цвет ее кудрей, упорно не хотевших укладываться под мужской фуражкой.

Она хотела казаться спокойной. Но Ялмар видел, что она волнуется. В правой руке она держала маленький браунинг, только что полученный подарок от Айно. Она заметила, что Ялмар смотрит на пистолет.

— Ты знаешь, где Айно?

— Да. Она теперь в безопасности. Я ее отослал. Теперь и ты должна уйти из боя.

— Как?

На это у Ялмара не было ответа.

— Значит, война кончена, значит, мы окончательно разбиты?

— Сегодня, здесь мы проиграли. Надо спасти кого можно, и тогда... мы не разбиты. В других местах дерутся. В России товарищи побеждают; они, может быть, успеют на подмогу. А потом, пока не уничтожены на свете рабочие...

Но он сам сейчас не мог убедить себя этими словами, и Сигрид тоже слушала их с отсутствующим видом.

— Конец? — спросила она.

Он не стал отвечать и лишь махнул рукой.

— Сигрид, распусти девушек, пусть немедленно переоденутся в женские платья.

— Значит, конец! — и голос Сигрид зазвенел скорбной страстью. — Значит, конец, Ялмар? Значит, снова мне итти на улицу? Значит, не будет рабочего царства социализма?

— Будет, — уверенно сказал Ялмар.

— На кой мне ляд, что когда-нибудь для кого-нибудь будет это твое рабочее царство? — гневно возвысила она свой голос. — На кой чорт мне это сдалось? Если мне снова итти на улицу!.. «Будет», «будет», — передразнила она Ялмара.

— Я тебе говорю: будет, — снова сказал Ялмар. — И ты не пойдешь снова на улицу, — Ялмар подумал, как нелепо об этом спорить сейчас, когда дорога каждая минута.

— Эх, ты, — и Сигрид нецензурно выругалась. — Обо мне думаешь потому, что я твоя знакомая, а другие, незнакомые, пускай!

Ее душили злость и обида, и ненависть.

— Ты дала обещание, когда я посылал тебя в батальон Айно. Ты помнишь это?

Бледные щеки усталой девушки вспыхнули краской стыда.

— Ялмар, — сказала она, — если встретишь Марту или Айно, что ты скажешь им? Скажи, что Сигрид обещания своего не нарушила!

Так они стояли — высокий, широкоплечий человек и тонкая, светловолосая девушка, — друг против друга, на углу двух улиц. Посредине этих улиц бивуаком расположились остатки женского батальона.

«Хоть сестренка спасется», — благодарно подумал Ялмар.

Сестра была ранена в руку и отплыла вместе с другими вечером на «Тезее».

— Я не могу возвратиться к прежней жизни, Ялмар, — теперь уже совсем тихо сказала Сигрид.

— Сигрид, — сказал Ялмар, и голос его был мягкий и теплый, — Сигрид, я тебе ручаюсь, — мы победим, милая, подожди немного. Совсем немного...

И, отдав честь, он круто повернулся, щелкнул каблуками и пошел по улице прочь.

Сигрид долго смотрела ему в спину, потом пошла к своим девушкам, бормоча про себя единственную фразу: «Я не могу возвратиться к прежней жизни!»

Девушки грели руки над дымом костров, разложенных посредине мостовой.

— Эх, хорошо бы, девочки, перед боем горячего горохового супа, — сказала одна.

— Да чтоб в нем плавали кусочки мелко-мелко нарубленной ветчины, — подхватила другая.

— И поджаренные сухарики, — добавила третья. В котле на костре варилась похлебка из сеledочных головок.

— Товарищи! — громко и значительно сказала Сигрид.

Над городом встало ясное первомайское солнце. Было тепло, и они шли в тужурках на-распашку.

Они шли рядом по тротуару пустынной улицы, и казалось немного странным, что люди ходят снова по тротуарам. Давно ходили только по мостовой, особенно вооруженные.

Ярви говорил, а Ялмар слушал его рассказ, плотно сжав губы. Ярви он знал мало. Но хорошо чувствовал, что это свой человек. Слушая Ярви, Ялмар про себя жалел о том, что не распорядился еще позавчера сравнять с землей братские могилы красногвардейцев. А то, когда придут белые... известно, как они оскорбляют прах убитых.

Совсем недавно перед революцией Ярви получил ученую магистерскую степень в Гельсингфорском университете за свой блестящий труд по тюркскому и персидскому современному фольклору. В этом труде, для которого он совершил несколько экспедиций в Русский и Персидский Азербайджан, он проследил, как старинные сказочные и песенные мотивы деформировались в двадцатом веке в устах народных сказителей — ашугов. Во время одной из экспедиций в конце 1915 года он, молодой еще тогда член финляндской социал-демократической партии, был арестован русскими жандармами по обвинению в революционной пропаганде и брошен в общую камеру Баиловской тюрьмы в Баку.

Там ему пришлось сразу же окунуться в самую гущу партийной распри — в камере были меньшевики самых различных толков, эсеры и большевики. Ему, как не заинтересованному в спорах финскому социал-демократу, доверили делить по-

ровну между всеми заключенными приходявшие с воли продовольственные передачи нелегального политического Красного Креста.

Когда, по настоянию Гельсингфорсского университета и по представлению Британского королевского академического общества, он был освобожден, Ярви, в основном поняв разницу между программами эсеровской и российской социал-демократической рабочей партий, всё же не разобрался в разногласиях между большевиками и меньшевиками.

Одно только было ему ясно: меньшевики в основном оборонцы, большевики — пораженцы.

Там, в камере, впервые он узнал имя Ленина.

Конец шестнадцатого года и январь семнадцатого он работал над собранными материалами и литературой в Лондоне, в залах библиотеки Британского королевского общества, и уже к моменту русской Февральской революции — одновременно в Гельсингфорсе на финском и в Лондоне на английском языках — появилось его исследование, по достоинству высоко оцененное научными кругами мира.

В это время добровольцем в финском двадцать седьмом батальоне служил старший брат Ярви.

Когда началась рабочая революция, Ярви несколько дней работал у народного уполномоченного по иностранным делам, товарища Сирола.

Он перевел на знакомые ему европейские языки (а знал он, кроме восточных, пять европейских) ноту, в которой сообщалось об организации рабочего революционного правительства, и с этой нотой объездил всех генеральных консулов в Гельсингфорсе, которые в те дни волею событий стали послами.

Рассказ о том, как, в какой дипломатической

миссии принимали товарища Ярви с его нотой и какие ответы он получал, — увел бы очень далеко. Разумеется, что почти все консулы предпочли бы, если бы представилась возможность в те дни находиться не в Гельсингфорсе, а в Базе.

Через несколько дней, когда у уполномоченного по иностранным делам стало почти нечего делать, Ярви перешел работать к народному уполномоченному по просвещению.

С тех пор, хотя на всех фронтах и в тылу шла вооруженная борьба, он, как немногие другие партийные работники, ушел с головой в законодательные бумажные проекты, школьные программы, формы аттестатов и подобные дела.

Он ночами не спал, трудясь над проектами, согласовывая их и критикуя.

Теперь все эти папки с делами, в бумагах которых билась и живая ищущая мысль, горели в одном из правительственных зданий, и сам он видел, как разлетались по ветру черные легкие галки обгоревшей бумаги.

Правда, он не только сидел у себя в кабинете, забывая даже о той скудной еде, какую он мог получить по пайку, он еще ездил по ближайшим районам в школы, где учителя объявили забастовку и распустили учащуюся детвору по домам.

Но только в трех школах из одиннадцати, в которых он побывал, после его отъезда началось подобие нормальной учебной жизни.

В других почти все учителя продолжали упорствовать в саботаже, а немногие революционные учителя записались в Красную гвардию или ушли в местные революционные управления.

И вот сейчас Ярви вместе с Ялмаром шел по тротуарам громадного белого города и с содроганием рассказывал спутнику о том, что он видел всего полчаса назад.

Встретились они совершенно случайно на перекрестке двух улиц.

Улицы эти были пустынные, хотя в такой час в обычное время им бы полагалось быть полными народом, спешащим на работу...

— Я все видел из окна квартиры моих родителей, — рассказывал Ярви.

Девушки бросили карабины на землю и подняли руки.

К ним подходили лахтари.

Обыскивали.

Ощупывали.

Смеялись.

У Ярви прерывалось дыхание, хотя и шли они медленно.

— Понимаешь? Понимаешь? — все время переспрашивал он, и Ялмар угрюмо кивал головою. — Белые тогда перестали бояться и всей толпой приблизились к девушкам.

Он закрыл на мгновение глаза и снова увидел растерянных и бледных от волнения девушек, стоявших шеренгой, прислонившись спинами вплотную к высокой и щербатой стене пятиэтажного дома из розового песчаника.

Некоторые угрюмо, исподлобья, наблюдали за победителями. Другие, не подымая глаз, глядели себе под ноги.

У начальницы была сбита с головы фуражка, и наконец-то, непокорные золотистые кудри снова рассыпались по плечам.

— Тогда офицер подошел к ней, — продолжал Ярви, — боже мой, ведь я все это слышал (стекла окон были разбиты еще вечером шальной пулей),

и мать моя все это видела и слышала. Бедная мама! Пенимаешь!

И Ялмар кивнул головой в такт шагу, хотя он и не понимал, почему Ярви так же лееет свою мать.

— Офицер подошел к командирше девушек и начал ее обыскивать. О, он был предупредительно вежлив. «Нельзя, — сказал он, — чтобы такой красавице, как вы, ктонибудь причинил боль и обиду. Вас будет обыскивать офицер.»

Он стал перед Сигрид во весь свой рост и, подняв руку, потрепал девушку по щеке (и щека эта вспыхнула), а затем с легкой усмешкой взял ее за подбородок. И этот жест решил все.

— И тогда, понимаешь, понимаешь! она быстрым ловким движением выхватила маленький черный браунинг и в упор выстрелила в офицера. Потом выстрелила еще два раза — вперед. Понимаешь, кажется, не попала ни в кого, и четвертый себе прямо в глаз, а эги белые олухи стояли, точно остолбенев. Остолбенев... — зачем-то повторил он, задыхаясь, — а потом, когда она уже лежала на земле, они бросились к телу и начали топтать сапогами. Сапоги у них подбиты гвоздями...

Он замолчал.

— А девушки? — спросил, наконец, Ялмар.

— Девушки заплакали, закричали, некоторые упали прямо на мостовую и кричали что-то, но старший лахкарь стал их ругать последними словами и даже застрелил на месте одну. Ну, я дальше не выдержал и не мог смотреть, выскочил из квартиры черным ходом и проходными дворами вышел на другую улицу. Тут ты мне попался навстречу. Бедная мама! — еще раз повторил Ярви.

— Почему? — спросил Ялмар и не узнал своего голоса; он был глуховат и как бы надтреснут.

— Она видела, как этот егерский офицер убил девушку.

Перед глазами Ярви все время ясно вырисовывалась белая повязка на рукаве этого егеря, и на белой повязке — остроконечная зеленая елочка, — отличительный знак отборного северного егерского батальона.

— Что же девушка — ваша родственница? — спросил Ялмар.

— Нет, — глухо ответил Ярви, и уже пройдя молча несколько шагов, повторил: — Нет, чужая. Егерь, который стрелял, — мой брат.

Ялмар увидел впереди — квартала за три — поперек улицы стояла цепь. Это были белые или шведы.

Он быстро шмыгнул в подворотню большого барского дома. Хозяин дома бежал, а кочегар центрального отопления — старый знакомец Ялмара — вчера еще объяснил ему, как лучше всего забраться в этот подвал и поджидать там несколько дней прихода красных подкреплений, если белые вернутся в город.

— Я знаю место здесь, чтобы укрыться пока, идем со мной!

Но Ярви, к удивлению Ялмара, наотрез отказался.

— Я и не подумаю скрываться, — резко сказал он. — Я иду к ним навстречу. Я потребую свидания с их главным командиром. Мне даже совестно было бы прятаться, слозно я совершил что-нибудь плохое и постыдное.

Ялмар смотрел на него с удивлением.

— Все, что я делал, я делал для блага моего родного народа, трудящихся, и я за каждый шаг свой готов отвечать полностью на суде! И на суде я докажу правильность работы народного уполномоченного по просвещению.

— А им на это наплевать, ручаюсь

— Вот на суде я с ними и поговорю, и тогда международное общественное мнение поймет, кто прав. А я все силы и способности свои отдавал народу и за каждый шаг отвечаю. Если бы я скрывался, все бы подумали, что я виноват.

— Так ведь они судить тебя не будут, — уже в спину Ярви бросил Ялмар.

Но Ярви шел вперед, не слыша или не желая слушать того, что сказал ему Ялмар.

Цепь неприятельских солдат медленно приближалась к нему. Шел повальный обыск всех домов...

Кочегар объяснил все очень точно, как рабочий, привыкший к чертежам, и потому Ялмар легко нашел лазейку в кочегарку и, пройдя туда совершенно незамеченным, отворил дверцу, растянулся в самой топке и сразу же заснул.

Х. БАРРИКАДА У НОВОГО МОСТА

— У меня скоро не будет патронов, — весело сказал молодой слесарь, вкладывая обойму в винтовку.

— На подвоз рассчитывать не приходится, — отозвался Юкко, — береги. Зря не стреляй!

— Спасибо за совет, старина. Я тебе тоже что-нибудь хорошее посоветую, когда на том свете завтра встретимся!

Так ответил слесарь и полез на верх баррикады посмотреть, что делают шведы.

— Шведов не видно, — провозгласил он, размахивая фуражкой. — А нет, впрочем, вру, — один идет.

Баррикада стояла у самого моста, который соединял центральные части города с рабочим предместьем, обойти его было очень трудно. И

хотя центр города уже с раннего утра был в руках неприятеля, баррикада бригады Рагнара у моста все еще преграждала дорогу в предместье.

Что делается в других районах и как идет там борьба, на баррикаде не знали. И пока хватало патронов, были спокойны.

Предместье было обложено со всех сторон неприятелем, и трудно было и мечтать при свете дня пробиться через шведские заслоны.

— К ночи уйдем, ребята, постараемся пройти по проходным дворам, — сказал Рагнар. — Я эти места хорошо знаю! Поблизости семья живет. Жена, дочки.

Молодой слесарь, случайно подслушавший ночью на «Тезее» семейную историю Рагнара, метнул на него быстрый взгляд.

Рагнар чистил винтовку.

— Ладно, надо будет продержаться до темноты, — поддакнул Рагнару один из металлистов.

А молодой слесарь полез на верх баррикады посмотреть, что делается у неприятеля, и теперь он видел, как, размахивая белым платком, по мосту, осторожно обходя трупы убитых солдат, шел человек в военной форме...

— Парламентер идет!..

— А ну, ребята, — скомандовал Рагнар, — высыпай все годные патроны на снег.

Он быстро опорожнил свои патронташи и затем стал набивать их пустыми гильзами расстрелянных патронов, в изобилии валявшихся на мостовой под ногами.

Он оставил патронташ открытым и, когда Юкко увидел, что патронташ кажется набитым боевыми патронами он сообразил, о чем думал Рагнар, и быстро, торопясь, сделал то же самое.

И остальные раскидали свои патроны на виду, набили подсумки расстрелянными гильзами.

Парламентер к этому времени подошел вплотную к баррикаде, и молодой слесарь протянул ему руку, помогая взобраться на гребень баррикады.

Основу баррикады составляли сани с поднятыми кверху оглоблями. Тюки целлюлозы. Мешки с промерзшим песком. Вывороченный булыжник мостовой. И мягкая мебель из холлов и номеров большой гостиницы.

Рагнар торжественно сидел на кожаном мягком кресле.

Парламентер огляделся.

Он увидел рассыпанные по земле боевые патроны, полные, тугие подсумки, — и лицо его выразило удивление. Поддерживаемый молодым слесарем, осторожно переступая по беспорядочному нагромождению тюков, он спустился на мостовую.

— Чем я обязан? — вежливо спросил Рагнар.

— Вы начальник?

— О, да, — улыбнулся Рагнар. — Вы, может быть, хотите справиться о судьбе ваших пленных? Они спрятаны в укромное и безопасное место. А что вы делаете с нашими?

— Я не уполномочен беседовать с вами о пленных, — нагло сказал пришедший, но он все же был удивлен. Он никак не предполагал, что в этом квартале у красных есть пленные. «Надо будет донести по начальству», — подумал он и решительно сказал: — Я уполномочен обещать вам сохранить вашу жизнь при одном условии.

— Интересно, какое же условие?

— Если вы немедленно сдадите оружие и оставите баррикаду.

— А если мы не сделаем этого?

— Ну, тогда, — парламентар развел руками, — ну, тогда, — повторил он, — пеняйте на себя.

— Товарищ, — сказал Рагнар молодому слесарю, — господин парламентар перелезет обратно и без твоей помощи, а ты пойдй скажи ребятам, что уже время третьей смене заступить наше место у баррикады. Вторая пусть отдыхает в полной боевой готовности, а мы уж поспим, как следует.

Слесарь хотел что-то ответить, но Рагнар посмотрел на него сурово.

— Я сказал!

Молодой слесарь, попрежнему недоумевая, повернулся и пошел тихо прочь от баррикады.

Юкко и еще два красногвардейца выкатили из подворотни три пулемета-максима. Два уже со вчерашнего вечера не работали. Тогда молодой слесарь понял, зачем он послан к несуществующим сменам, и пошел быстрым, деловым шагом.

Пройдя несколько домов посредине улицы, как ходят лишь в строю и на сцене, он обернулся.

Парламентар неуклюже перебирался через баррикаду.

Как только голова в каске скрылась по другую сторону баррикады, молодой слесарь побежал обратно к товарищам.

— Вы все слышали сами, — сказал Рагнар, — что они дают нам срск на размышление полчаса.

— О чем размышлять? — отозвался Юкко, — все ведь решено. Держимся до вечера. А там попытаемся прорваться.

Никто ничего не возразил.

— Ты что это, спать укладываешься? — изумился молодой слесарь, увидев, как один из красногвардейцев прилаживается ко сну на мягком ди-

ване, из обивки которого выпирали большие круглые пружины.

— Ну да, спать!

— В такую минуту?!

— А что? — лениво ответил красногвардеец, — буду я волноваться или не буду, все равно ультиматум не отменяет. Это от меня не зависит. А раз так, так уж лучше я до перестрелки посплю спокойно, — и он, улегшись на диван, повернулся спиной к молодому слесарю.

— Он, пожалуй. прав, — и слесарь взглянул на Юкко.

Тот, шевеля губами, что-то бормотал себе под нос

Рагнар попрежнему сидел в кресле.

Двое красногвардейцев прилаживали пулемет в амбразуре, образованной двумя огромными тюками белой глазированной бумаги. Это было надежное прикрытие.

Так, в приготовлениях, незаметно прошло полчаса. Молодой слесарь, которому было поручено вести наблюдения за тем, что творится у неприятеля, крикнул с гребня:

— Начинается! — и сполз пониже, чтобы не стать легкой добычей вражеской пули.

Бойцы приготовились и заняли свои места.

Спящего разбудили, и пружины дивана звонко задребезжали, когда тот легко соскочил на землю.

— Если вы нам поднесете чашу доброго вина, — начал он скороговоркой старинное присловье бродячих певцов, — мы вам споем хорошую песню, а если вы нам не поднесете, мы споем вам такую же хорошую песню.

И, не прицелившись, наугад, выстрелил.

— Надо целиться! — проворчал Юкко.

Но молодой слесарь крикнул:

— Тише, товарищи! Не стреляйте, там что-то не то!

— А что же там? — заинтересовался Юкко и полез к молодому слесарю.

То, что он увидел, действительно не походило на обычную лахтарскую атаку.

На мост с той стороны вступила какая-то пестро одетая толпа.

Она продвигалась медленно, как бы нехотя...

— Готов пулемет? — спросил Рагнар.

— Готов, — отозвались пулеметчики.

Юкко вглядывался.

— Это идут одни женщины, — бросил он вниз Рагнару.

Рагнар оставил свое мягкое кресло и тоже подобрался наверх.

По мосту к баррикаде медленно приближались женщины. Шли большой нестройной толпой. У некоторых на руках были дети, и несколько детей шли рядом с матерями.

— Что за оказия? — недоумевал Юкко. — Откуда взялись эти женщины?

— Это наши женщины, — отозвался молодой слесарь. — На кой чорт они вылезли из квартир!

И тут Юкко разглядел: позади женщин, таясь за их спинами, шли солдаты.

Они продвигались вперед по мосту к баррикаде, остриями штыков подталкивая вперед матерей с детьми, старух, красных сестер милосердия.

Что было делать на баррикаде!

— Как же быть? — тихо сказал молодой слесарь и снял указательный палец с курка.

Никто ему не ответил, и стало тихо на баррикаде, потому что все увидели то, что первым заметил Юкко.

Казалось, слышно было, как бьются в груди взволнованные сердца, и слышен был тяжкий

плотный шаг солдат, укрывшихся за спинами женщин.

И было тихо... Тихо...

Красногвардейцам было тяжело взглянуть друг другу в глаза. К этому они еще не были готовы. Что же было делать?

Враги приближались к баррикаде...

Слесарь взглянул на небо.

Небо было голубое, как и вчера. И тогда молодой слесарь еще раз взглянул на Рагнара и удивился. Рагнар так побледнел, что лицо его казалось зеленым.

Он, уже совсем не таясь, словно забыв об опасности, высунулся над гребнем баррикады выше пояса и внимательно всматривался в идущую в первом ряду высокую женщину.

Слева и справа от женщины шли девочки. Было так тихо, что весельчаку, вставшему с дивана, стало страшно.

Что угодно, только бы прервалась эта выматывающая душу тишина.

Женщина тоже, наверно, узнала Рагнара, и громкий ее голос, наконец, разорвал тишину, и звенящие в прозрачном воздухе слова ее были еще страшнее, чем молчание.

— Рагнар! — кричала она, — чего вы там молчите? Стреляйте, стреляйте! Нам все равно не жить на свете, так стреляйте, бейте лахтарей!

О, этот голос, он переворачивал души красногвардейцев, и сразу же молчание прервалось шумом неразборчивых женских криков, детским плачем, всхлипами, взвизгиванием, проклятиями.

Передние ряды были уже в ста шагах от баррикады.

Из-за спин женщин раздался первый неприятельский выстрел. Весельчак выронил винтовку и левой рукой схватился за кисть правой.

— За прикрытие! — скомандовал Рагнар и стал внимательно и сосредоточенно целиться.

А с моста неслись восклицания и неразборчивый гул, и только попрежнему звенел в ушах, заглушая все остальные, высокий голос женщины, шедшей с двумя девочками:

— Стреляйте!

И Рагнар выстрелил, была большая отдача, но он не заметил ее, сразу же взглянул вперед...

Женщина, назвавшая его имя, лежала на середине моста, и к ней с плачем бросились обе девочки...

— Огонь! — скомандовал тогда Рагнар, и пулемет заработал. — Огонь! Огонь! — бормотал Рагнар.

Красногвардейцы стреляли часто, не целясь, и женщины, падая на мостовую, открывали ряды солдат. С примкнутыми штыками солдатам трудно было стрелять.

Юкко стрелял не глядя, отвернув голову в сторону.

Ему казалось, что он видел, как звенят, дребезжат стекла окон трехэтажного дома, в который упирался конец баррикады.

Молодой слесарь вгонял третью обойму в магазинную коробку.

Пулемет строчил иступленно.

Белые дрогнули, и слесарь увидел, как повернулся первый и быстро пошел обратно.

Он споткнулся, натолкнувшись на труп убитого, упал и, поднявшись, бросил винтовку наземь и побежал обратно. За ним и другие, — сначала робко и неуверенно, а затем смелее.

— Улюлю! Ату, ату, к чертям! — весело кричал вслед убегающим Юкко и вскарабкался на гребень баррикады. — Блажен, кто

возьмет и разобьет младенцев твоих о камень.

— Юкко! — позвал его Рагнар, и молодой слесарь увидел, как дрожат у него губы и какой он бледный.

А Юкко было почему-то весело.

— Юкко, — сказал Рагнар, — я сейчас застрелил свою жену. Она была для меня...

Он замолчал, глядя пустыми, отсутствующими глазами на Юкко.

— Встретишь ее в царствии небесном; детские души идут туда вне очереди! — подплясывая, прогнусавил Юкко.

— Замолчи! Я тебя сейчас же застрелю, — крикнул ему молодой слесарь.

— Не надо, — тихо сказал слесарю Рагнар и внимательно посмотрел на Юкко. — Разве ты не видишь, что он сошел с ума!

И слесарь увидел.

Он оглянулся.

Позади горел большой дом. Рабочий дом этого города.

— Здесь все ручки и люстры — литье моей работы, я делал их, — сказал Рагнар.

В эту минуту орудийный снаряд разворотил тюки глазированной бумаги. Следующий снаряд был шрапнельный. Осколки стекол, падая, звенели и казались опаснее, чем пули.

Молодой слесарь увидел на противоположной стороне моста орудие. Белые били прямой наводкой.

Он успел прицелиться из винтовки и увидел, как упал, выронив из рук на мостовую снаряд, подносчик.

На гребне баррикады попрежнему смеялся Юкко.

— Эх, все можно пережить, — с сокрушением

сказал молодой слесарь, — все можно пережить, кроме своей собственной смерти.

— Мне кажется, — тихо сказал Рагнар, — мне кажется, что мы переживем нашу смерть.

Это были последние их слова.

ХІ. ШЛЮПКА В ФИНСКОМ ЗАЛИВЕ

Дальше баррикад не было.

Улица упиралась в набережную и пристани, около которых не было никаких судов.

С набережной было видно близкое синеватое море...

Тетерь сменил свое ремесло комендора на ремесло пулеметчика; патронных лент хватало, и он с гребня баррикад поливал огнем лахтарей, как только они появлялись на улице — еще за три-четыре квартала.

— Да, машина — это все-таки машина! — с уважением рабочего сказал Ганнес.

Котелок его был пробуравлен в нескольких местах, но он сам, казалось, не изменился с того дня, когда Ивар принимал его в свой отряд; и хотя Ганнес усиленно брился каждые три дня, все же на подбородке и на щеках попрежнему пушок не уступал места долгожданной щетине.

Это была последняя, случайная баррикада, не предусмотренная никакими планами штаба. И командира не было. Каждый дрался сам за себя, а Тетерь по-фински командовать не мог.

Рядом с Иваром все время находился высокий нервный человек с глубоко запавшими глазами, совсем по-детски блестящими на утомленном остром лице. Он улыбался про себя и иногда высвистывал незатейливую мелодию. Всем своим обликом он внушал Ивару симпатию. А когда сосед по баррикаде заметил в слуховом окошке

крыши трехэтажного дома целящегося лахтаря, и, быстро подняв винтовку, метким выстрелом сшиб с него фуражку, Ивар похлопал его по узкой спине. Сосед побледнел и, выронив винтовку, левой ладонью ухватился за локоть правой...

— Ранен? — участливо спросил Ганнес. — Скоро всем каюк!

— Не беда, — стискивая от боли зубы, сказал раненый. — Мне ничего. Вот жена, Лидия, беспокоиться будет...

Ивар спросил:

— Ты здешний?

— Третий дом по этой набережной. Она забеспокоится. Сидит дома сейчас.

И он пошел от баррикады к себе домой.

Перестрелка затихала. Лохтари, опасаясь пулемета Тетеря, не показывались на улице.

Должно быть, решали взять обходом или измором.

— Пока тихо здесь, я тебе помогу дойти, — и Ивар обнял раненого за талию. — Ты что делаешь, когда не на баррикадах?

— Я техник...

Техник. Жена Лидия. Выборг. Нет, не так часто уж случаются такие совпадения.

Он тихо, точно это он был ранен, спросил:

— Ты недавно женился?

— После революции.

Неужели это был тот человек, к которому ушла его Лидия?

— Она из Таммерфорса?

— А ты откуда это знаешь?

Но боль, идущая от локтя по всей руке, прогнала удивление.

— Да, так, так, — забормотал невнятно Ивар, и еще бережнее поддерживал товарища по баррикаде. Этот человек видел Лидию совсем, совсем

недавно, может быть, всего несколько часов назад. Ивар искоса внимательно поглядел на усталое лицо товарища. Но сейчас на нем нельзя было ничего прочесть, кроме страдания от физической боли.

Они подошли к парадной двери... На стене дома в двух местах зияли бреши от артиллерийских снарядов.

Высоко в пустом небе с мерным рокотом мотора кружил самолет.

— Здесь мы живем. Жалко жену... Она очень испугается, — сказал техник.

В голосе его было столько любви к жене и беспокойства за нее, что у Ивара перехватило дыхание.

— Ну, прощай, товарищ!

— Я живу на третьем этаже...

Нет, хоть Ивару и не хотелось встретиться с Лидой, но нужно было помочь товарищу добраться до самой кровати. И они медленно стали подниматься по лестнице.

— Ну, желаю тебе не попасться лахтарям в руки, — сказал Ивар перед дверью.

— Спасибо, и тебе того же!..

Ивар нажал кнопку звонка и посмотрел вниз. По ступенькам мелкие капельки крови показывали их подъем.

Слышно было, как в квартире идут отворять дверь в переднюю. Он узнал шаги Лидии и быстро сказал:

— Еще желаю тебе счастливо прожить всю жизнь с твоей женой.

Раненый с недоумением взглянул на товарища, но Ивар уже, прыгая через две-три ступени, сбегал вниз по лестнице, держась рукой за перила.

А раненому не было времени раздумывать, уже звякала цепочка дверного запора, и нужно было приготовиться, сделать веселое лицо.

Ленту заело. Пулемет замолк.

Тетерь выругался по-фински и хотел заново приладить ленту. Но рука не поднималась.

Он почти не почувствовал боли, просто рука отказывалась действовать... Вот у них на корабле был один левша. Тому все равно, какой рукой править, а он не мог. И сейчас, когда правая рука повисла, как плеть, вдоль тела, Тетерю оставалось одно: ругаться...

Он еще попытался приладить ленту левой рукой и зубами... Но ничего не вышло...

Лахтари виднелись только за два квартала. Они строили свою контрбаррикаду.

Тетерь усмехнулся:

— У них разведка немногим лучше нашей.

И сразу вскрикнул от боли. Ганнес трогал его раненую руку. Он что-то говорил, но Тетерь не мог понять, что именно.

Ганнес обвел рукой баррикаду. Бойцов не было. Убитые лежали в самых неожиданных позах, другие куда-то скрылись.

Тетерь у своей машины и не заметил, как ушел Ивар.

Ганнес теперь настойчиво тянул его за рукав. Не по словам, а по жестам Тетерь понял, что Ганнес его куда-то зовет.

Здоровой рукой он оттянул назад пулемет и стал разбирать его. Здесь нужна была помощь Ганнеса, но он только торопился, ничего не хотел слушать и тянул за рукав Тетеря. Тетерь подчинился, и они, последние живые защитники, ушли с баррикады. Позади, стуча колесами, катился по булыжнику пулемет-максим.

Тащил Ганнес, и как только он останавливался, чтобы поправить котелок, опускавшийся к бровям, Тетерь хватался за хвост пулемета здоровой рукой. На набережной они встретили Ивара,

который торопился обратно к своей баррикаде.

— Нет, нет, там никого не осталось, идем с нами! — уже по-хозяйски распорядился Ганнес, словно он принял командование на себя. — Там у меня под мостом припрятана лодка. Объясни матросу. Пока не поздно, мы еще можем уплыть из городка. Там весла тоже и даже удочка, — бойко тараторил Ганнес.

— Молодчага!

Они все трое пошли к мосту. Это все-таки был шанс. Около того места, где еще вечером был пришвартован «Тезей», теперь стояли две телеги с выпряженными лошадьми. На них лежали раненые, привезенные слишком поздно, через час после того, как пароход отвалил от стенки.

Санитары так и оставили их на набережной, забываясь о спасении собственной жизни.

— Коля! — окликнул с телеги слабый женский голос.

— Ольга!

— Сколько мест в лодке? Четверо поместятся?

— Без пулемета войдут!

Ивар легко подхватил с телеги на руки и понес эту девушку — совсем еще девченку.

Только вот сесть с ней в лодку было нелегко, борта уходили из-под ног.

Ганнес поддержал Ивара, и лодка перестала качаться.

На носу полулежала Ольга. На передней банке уместился Ганнес, на центральной взял в руки весла Ивар, и на корме, на руле сел комендор Балтийского флота Николай Тетерь. С непривычки тянуть рулевые канатики левой рукой было неловко, но он скоро приспособился и даже ухитрился втащить и поставить рядом с ковшом для вычерпывания воды свой максим.

Лодка отвалила от набережной, прошла под мостом.

Ивар греб спокойно и методически. Мимо проходила их опустевшая баррикада.

Ганнес приложил к плечу приклад и, не целясь, выстрелил.

— Получайте последний пролетарский привет!

Через час шлюпка вышла в открытое море.

С одного прибрежного островка по ней дали несколько выстрелов. Неизвестно, кто стрелял — красные или белые.

Город синел уже вдалеке, подергиваясь полупрозрачной дымкой.

Видны были далекие зарева пожаров.

Ивар опустил весла.

Начал грести Ганнес.

— Путь на Кронштадт! — сам себе скомандовал Тетерь.

Остальные молчали. Вода была тихая, прозрачная и холодная. У берегов был еще ледяной припай.

— Русские не пришли нам на помощь, — тихо, с укором сказал Ивар.

Ольга перевела эти горькие слова Тетерю.

— Это я-то не пришел к тебе на помощь?!

Ивар мотнул головой.

— А оружие от кого получили? А хлеб?

Снова они молчали...

— Нам самим, революции нашей, на горло стал империалистический сапог. Я товарища видел третьего дня... Он в Москве Ленина слышал. Об этом же... Один отряд окружен врагами, а другой, если придет на помощь ему, — попадет в ловушку. Должен ли идти другой отряд в ловушку?.. Я тебя спрашиваю?.. — и Тетерь хотел рвануть, как всегда в момент возбужденной речи, бушлат. И поморщился. Рука не шевелилась.

— Самое главное — советская власть уцелела... Уцелела в огромной нашей стране. И побеждает... И все пролетарии найдут в ней свою родину... А потом, погоди, настанет час, и все эти иностранные и финские лахтари узнают, где раки зимуют. Увидишь!..

Ивар думал о том, что Симха-то уж, наверняка, не увидит.

Ганнес устал грести. Он внимательно вслушивался в слова Тетеря.

Конечно, Тетерь прав — сколько русских бойцов дралось в Красной гвардии! И еще как дрались! Ганнес стал перебирать известные ему случаи и имена.

И Тетерь, и Ганнес, и Ивар, и Ольга, и все трудящиеся только через некоторое время узнали, кто в те дни оказал незаменимую помощь лахтарям, кто помог финским помещикам больше, чем Маннергейм и Свиноголовый: иуда Троцкий. Имя его покрыто кровью замученных революционеров и трижды проклято трудовым народом! В эти дни он обманул Ленина, коммунистическую партию, русский народ. В эти дни он предал финскую рабочую революцию.

В первых условиях брест-литовского мирного договора, на немедленном подписании которого настаивал Ленин, ни слова не было о Суоми.

Если бы мир был подписан тогда, когда настаивал на этом Ленин, то русские революционные войска оставались бы в Суоми до полной победы рабочей власти во всей стране.

Но Троцкий пошел против Ленина и целый месяц канителил во время переговоров.

И поэтому, после, по брестскому похабному миру, чтобы выиграть спасительное время, пришлось подписать другие условия. Принять ультиматум.

Этот ультиматум безоговорочно требовал немедленного вывода всех русских войск из Суоми.

Неисполнение ультиматума могло поставить под угрозу существование молодой и еще неокрепшей Советской республики. И вот, стиснув зубы и скрепя сердце, пришлось выполнять и этот пункт договора, пункт, которого не было бы, если бы не предательское поведение Троцкого, нарушившего директивы ЦК и товарища Ленина.

И когда Ганнес после узнал об этом, он вспомнил бесконечные часы на лодке в Финском заливе, тихие стоны Ольги, убежденные слова раненого моряка, балтийца Тетеря, и ненависть к человеку, мимоходом предавшего и его родину, закипела в сердце Ганнеса.

Эта высокая ненависть через много лет помогла ему стать одним из лучших агитаторов в пулеметном батальоне имени Антикайнена, в интернациональной бригаде, принимавшей на себя тяжелые удары итальянских и других интервентов на подступах революционного Мадрида.

Он стал пулеметчиком на отрогах Гвадаррамы. Но сейчас он находился вместе со своими старшими товарищами в шлюпке, которую неуверенно вел к Кронштадту Тетерь.

Ночь пришла белая и прохладная.

Мелкие волны были совсем гладкие, и в свете неверной прозрачной ночи они казались стеклянными.

Тетерь все время всматривался.

Он все ждал, когда, словно из глади вод, возникнет золотой, сияющий, видный на десятки километров купол кронштадтского собора.

Ольгу и его уже мучил жар и им не хотелось есть... Однако Ганнес и Ивар испытывали голод. Пить можно было, вода в Финском заливе отличается от воды всех морских заливов

сильной опресненностью. Правда, солоновата, невкусна, но пить можно... еды не было никакой.

Гребли поочередно Ганнес и Ивар.

Тем, кто не сидел на веслах, было холодно...

Летом Ивар катался с Лидией на лодке, они поцеловались, и лодка чуть не зачерпнула бортом воду.

Лодка качнулась.

Ивар открыл глаза.

Берегов не было видно. На горизонте алела полоска зари.

Он взялся за весла.

Ганнес спал сидя, уронив голову на грудь и вздрагивая.

Стертые его ладони были обмотаны платками. Ольга в жару говорила кикие-то непонятные вещи про Сигрид и Айно.

Воспаленными глазами смотрел Тетерь на Ивара.

— Я нарочно качнул лодку, чтобы ты проснулся.

Ивар взялся за весла.

Все рябинки явственно проступали теперь на бледном лице моряка. Он казался совсем рябым.

Днем снова сидел на веслах Ганнес...

А Ивар несколько раз видел, как из воды высовывается лицо красногвардейца, того самого, который тогда соскользнул со льдины в холодное озеро, в день, когда женский батальон опрокинул белых.

Через три дня в десяти километрах от Кронштадта шлюпка была замечена дежурным катером.

Люди в шлюпке, за исключением Тетеря, были уже в беспамятстве.

— Принимай пулемет! — крикнул он своим товарищам-балтфлотцам.

Их доставили в Кронштадт. Там обогрели, накормили, выходили и отправили дальше — в Петроград.

ХII. ПЕРСИДСКАЯ ПОЭЗИЯ

Нескольких галет и плитки шоколада хватило ненадолго. Ялмар пролежал в топке всего лишь три дня.

Голодный, с щетиной на щеках, запачканный сажей, на четвертый день он выбрался из своего убежища и вышел на улицу... Его опьянил чистый весенний воздух; сначала глаза резал яркий дневной свет.

Солнце стояло уже высоко. Оно отражалось в блеске никелированных труб проходившего по улице военного оркестра...

Впереди шел капельмейстер.

Хорошо одетые дамы (откуда они появились?), держа за руку так же хорошо одетых детей, любовались выправкой солдат-«освободителей»... Те шли, высоко поднимая ноги, не сгибая их в коленях, печатая свой знаменитый гусиный шаг...

На углу торговал вновь открытый гастрономический магазин... На этом углу к Ялмару подошел егерь. У него на руке была белая повязка с зелененькой елочкой.

— Предъявить документы! — строго потребовал он у Ялмара.

Документов у Ялмара не было. Он был тут же арестован.

— Таких надо на месте расстреливать, распиливать даже, — крикнула ему вслед какая-то изящная дамочка.

Он оглянулся, чтобы посмотреть на нее... Но его подтолкнул шюцкоровец:

— Иди, иди!

Ялмара привели в концентрационный лагерь.

Тридцать один час он стоял вместе с другими, почти вплотную, в подвале старой русской казармы, и холодная вода немного не доходила до колен...

Нет, если они хотят увидеть его слабость, — они не увидят.

Четверо пленников уселось в эту воду. Кажется, они захлебнулись.

В дальнем темном углу кто-то распевал хриплым голосом псалмы... Прошел день и ночь, и к концу второго дня Ялмара вывели на свет... Ему дали ломтик хлеба и миску ржавой похлебки... Потом его повели в канцелярию, спросили имя и фамилию и чем занимался последние три месяца.

Итти было трудно и говорить тоже было нелегко.

Ноги казались несгибающимися чурбанами... В голове же звенело, было легко и пусто...

То, что он прямо объявил себя красногвардейцем, вселило в допрашивавшего его чиновника доверие к нему, и тот легко поверил в названные Ялмаром имя и фамилию. Но в этом пункте Ялмар обманул шюцкоровца.

Так как названным Ялмаром именем не подписывались приказы и оно не числилось ни в списках правления социал-демократической партии, ни сеймовой фракции, ни в списках командиров Красной гвардии, то следствия о нем не стали выделять и его поместили в общей камере. Эта камера была раньше помещением русской казармы. Но теперь здесь не было ни нар, ни скамеек... Помещение было переполнено. Спали тут же на полу... Нужно было быть очень осторожным, шагая, чтобы не отдавить рук или ног спящего товарища. На двух случайных табуретах сидели по очереди.

Стекла в окнах были разбиты...

На следующий день выдали такую же порцию еды... На другой день Ялмар увидел Ярви в халате санитаря, но не решился к нему подойти. Во-первых, за что ему такое облегчение судьбы? Не изменил ли? Все-таки не из рабочих. А потом вдруг Ярви назовет его настоящим именем?!

Ярви также двое суток стоял в подвале с водой, и под конец он стал громко кричать и требовать начальство. Когда после двух часов безрезультатных требований в подвал случайно явился начальник лагеря, несущий охрану шюцкоровец указал ему на Ярви:

— Этот скандалит...

Начальник подошел и, развернувшись, ударил Ярви по уху, потом спросил:

— Тебе чего?

— Я требую, чтобы меня немедленно судили, и, если я преступник, пусть расстреляют меня здесь же... Если нет, пускай сейчас же выпустят!

— Вот как! — рассмеялся начальник.

— Моя фамилия Ярви... Вы обязаны доложить о моем требовании по начальству.

Когда Ярви назвал себя, начальник смутился и спросил:

— Вы ориентолог?

— Да. Но это к делу не относится...

— Извините меня, но — относится, — и начальник уже совсем вежливо, как будто он и не ударил сейчас Ярви, заговорил с ним по-немецки. Он, видимо, не хотел, чтобы все слушали его слова.

Но Ярви нарочно отвечал ему по-фински.

Ярви в тот день от расправы спасло лишь случайное, вернее, даже необычайное стечение обстоятельств.

Шведский архиепископ, друг Стриндберга²⁹ —

и сам ученый ориенталист-иранист — был большим либералом. Ему нравились смелые изыскания Ярви и особенно новые записи фольклора под Баку, которые он прочитал в английских изданиях. Но кое-что в статьях Ярви он считал неверным и хотел лично с ним поспорить и доказать его неправоту, а заодно высказать и кое-какие свои смелые домыслы.

Этот архиепископ благословлял знамена шведской бригады, отправлявшейся в Финляндию подавлять «анархию». Полушутливо после благословения архиепископ сказал командиру шведской бригады:

— Мне передавали, что мой приятель магистр Ярви очутился в одном стане с красными... Если это так, то вы его не убивайте, представьте живым. Мы с ним еще должны поспорить и, наверняка, договоримся.

Командир бригады запомнил эти слова и, тоже находясь в шутливом настроении, рассказал об этом генеральному шведскому консулу, к тому времени превратившемуся в посланника. Посланник был человек верующий и захотел выполнить волю его преосвященства...

Вот почему начальник концентрационного лагеря сейчас вежливо разговаривал с Ярви... Он предупредительно сказал, что если Ярви действительно тот, за кого он себя выдает, то вопрос об его освобождении дело двух-трех часов...

То, что произошло дальше, удивило начальника концентрационного лагеря. Он не без основания полагал, что первым и единственным желанием каждого попавшего в его распоряжение человека будет желание во что бы то ни стало вырваться отсюда.

Ярви на это дело смотрел иначе. Он сказал: — Если меня освобождают только за то, что я

магистр-ориентолог, то я не ухожу отсюда. Я не могу покинуть товарищей, страдающих за те же преступления, за которые вы меня бросили сюда. Я не уйду из лагеря без них.

— А это мы посмотрим, — разозлился начальник и ушел. И все-таки через час всех вывели из подвала вместе с Ярви и начали составлять список арестованных.

Ярви не хотел уходить от товарищей. Он требовал освобождения по суду... Он требовал скорого суда. А так как чрезвычайные суды не начинали действовать (еще многих надо было сначала расстрелять до судебной процедуры), то он остался в лагере.

Должность санитаря, дававшую ряд льгот, в первую очередь относительную свободу передвижения в пределах лагеря, он принял только потому, что думал этим принести больше пользы заключенным и больше увидеть и запомнить.

А потом это все-таки была какая-то работа...

Но Ялмар всего этого не знал.

Через день Ярви подошел к нему и шепнул, чтобы никто не заметил:

— Твой брат Ирмари жив... просили сказать об этом...

Значит, на воле еще были товарищи!

Ялмару стало легче жить в этой переполненной вонючей комнате.

— Можешь мне поверить, — сказал он одному красногвардейцу, утверждавшему, что Ярви шюц-коровский агент-шпион, — можешь мне поверить, что ты не прав!

Итак, Ирмари был еще жив.

ХІІІ. ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА БРАТЬЕВ

Он был так изранен при взятии в плен лахтарями, что они согласились отдать его на излечение матери. Тому, кто давал это разрешение, было прекрасно известно, что уже никакие заботы, даже материнские, не смогут выходить больного. Когда Ялмару рассказали в концлагере, что брата выдали матери, он сразу же понял, что Ирмари приговорен врачами к смерти. И все же в тайниках его души жила надежда, что брат выживет. А то что же будет с матерью? Где сейчас находится старшая сестренка, он не знал. Он не имел мужества представить себе, что будет с матерью, когда ей расскажут об его казни.

В том, что его расстреляют, он не сомневался. Уже одно дело об убитом егере-парламентере было достаточным основанием для судебного приговора. Поезд шел медленно.

Колеса громко стучали на всех стыках, вагон раскачивало из стороны в сторону. Стекла в окне не было, и между железными прутьями решетки проывался с воли холодный воздух. Ялмар должен был проезжать мимо станции своего родного города. И товарищи предупредили мать.

Она, наверное, будет ждать его на перроне и постарается просунуть через решетку хлеба или немного масла.

Не к чему это, и без того у нее теперь на руках Ирмари, а стиркою много не заработаешь.

И все-таки, когда он думал о краюхе хлеба, рот его наполнялся слюной и под ложечкой начинало сосать.

Он был не брит, очень отошал и поэтому казался еще выше, чем обычно. Шея его стала тоньше. В ворот рубашки, казалось, могли бы пройти две такие шеи.

Он старался сидеть на скамейке, не двигаясь, потому что ножные кандалы стирали кожу у щиколотки.

Наручники были легче, и Ялмар к ним почти привык.

Колеса пели свою однообразную песню.

Холодный ветер врывался в решетчатое окно, вагон раскачивало, и мимо бежали голубые озера, перелески, вставляли у самого полотна отвесные слоистые скалы.

Ялмар изредка бросал взгляд на бегущие мимо пейзажи, но словно не видел их — он думал свою думу. Эта дума отнимала у него почти все время и заставляла забывать утомительный голод.

«Неужели же мы во что бы то ни стало должны были проиграть революцию? — думал он. — Неужели неизбежны были эти расстрелянные девушки, гибель от голода и тифа наших товарищей? И может быть, Коски был прав — не надо было браться за оружие, а выторговывать права в сейме?»

Но тут же он сам возмущался такими своими мыслями.

«Сейм дал все то, что мог дать, и вот ничего не осталось. Тогда в чем же дело? Почему русские рабочие победили, а я сейчас еду в арестантском вагоне в кандалах?»

И мысли его уходили к ноябрьской забастовке. «Нельзя было так кончить ее... Вот лошадей с ипподрома хозяева перевели на север, к лахтарям. Интересно, кого теперь носит Араб? Отличная лошадь... Нельзя было ждать, пока нападут, надо было самим нападать всюду. А потом вожди, они все сидели над разными законами. Они выдумывали конституцию, а надо было завоевывать ее, заинтересовались они фронтом, когда было поздно. Потом напрасно так боялись шведов! Потом...

Тетерь правильно говорил об ячейках в армии... Интересно, где сейчас Тетерь? И я тоже уж очень мягко относился к захваченным лахтарям.

«Вот ни один консул не пришел поинтересоваться, как нас кормят. Да... А ведь обо всем этом говорил товарищ, посланный Лениным к нам еще в ноябре, и как он был прав! Да, он говорил: смелость, смелость, смелость! Надо было тогда действовать, как советовал он. О, тогда мы бы разбили лахтарей сразу же, они не успели бы и позвать немцев. Он говорил: «И если вам понадобится наша помощь, мы дадим вам ее, братски протягивая вам руку. В этом вы можете быть уверены». А тогда ведь русских войск было в Суоми до чорта... И наше руководство отказалось, прекратило забастовку... Как же!»

И тут не в силах сдерживать обуревавших его чувств, Ялмар встал, и сразу же тяжелые кандалы напомнили ему, что он арестант и, наверное, смертник. Конвоир сочувственно посмотрел на него.

— Сиди спокойно, не к чему язвы растравлять.

— Как же его звали? — вслух подумал Ялмар.

— Кого это? — спросил конвоир, но Ялмар ему не ответил.

А колеса все выводили свою незатейливую, однообразную успокаивающую музыку.

— Что же мы теперь должны будем делать?

Поезд замедлял ход.

Слышно было, как шипят тормоза.

Родной город Ялмара.

Поезд проходил по предместью, и Ялмар не узнавал его. Вместо домов на целые кварталы остались одни печи и плиты с высоко поднятыми к небу дымоходами.

Вот и то место, где должен стоять дом, знакомый ему с детства. Дома не было.

Ялмар откинулся назад к спинке скамьи. и снова ножные его кандалы зазвенели.

К окнам вагона плавно подкатывал перрон.

Ялмар шагнул к окну и замер, отыскивая глазами среди народа, столпившегося на перроне, мать.

Где же она? А может быть, ей не уйти от Ирмари?

По перрону солдаты провели двух арестованных. Унтер шел позади, держа в руке револьвер.

Какая-то молоденькая девушка жадно прощалась с пожилым человеком, усаживавшим ее в вагон... Звякнул второй станционный звонок, и тогда Ялмар вдруг увидел свою мать.

Она стояла в глубине перрона, рядом с какими-то носилками, стояла немножко больше сутулая, чем раньше, но такая же родная и любимая, как всегда. Она не двигалась с места, отыскивала глазами окно. где могло появиться лицо ее сына.

Глаза их встретились, и она тревожно и ласково улыбнулась ему...

Он держал руки внизу, под окном. Зачем было видеть матери, что они в наручниках?

Мать глазами указала Ялмару на носилки...

Ялмар вгляделся... Неужели же на носилках лежал Ирмари? О, он все понял, — конечно, это Ирмари потребовал, чтобы его принесли сюда, хотя бы на носилках, он хотел проститься со своим родным братом, чья жизнь была куском его собственной жизни.

И вот теперь он лежит здесь, на перроне, рядом с матерью.

Ялмар прильнул к окну, стараясь навсегда уже вобрать в себя облик брата.

Брат был чисто выбрит, и тонкие прозрачные руки его лежали поверх одеяла.

Плеснул третий звонок.

Ирмари не видел брата. Его голова была откинута и погружена в подушку, он смотрел на небо. И тогда Ялмар громко крикнул:

— Ирмари!

Человек на носилках пошевелился.

И видно было со стороны, как ему трудно приподнять голову.

Свисток обер-кондуктора слился с гудком паровоза.

Глаза братьев встретились.

Ялмар поднял над головой руки, чтобы приветствовать брата, и наручники его забренчали.

Вагон тронулся с места, и Ирмари обессиленно уронил свою голову обратно в подушки...

— Ирмари, Ирмари, Ирмари, — бессмысленно шептал имя своего любимого брата Ялмар.

Взор его упал на уходящее здание станционного буфета, — здесь в ноябре месяце он слышал от Ирмари рассказ о посланце Ленина — и теперь сразу вспыхнуло в памяти его имя:

— Сталин!

ХIV. ДНЕВНИК ЯРВИ

После того как Ярви отказался покинуть концентрационный лагерь (сколько таких лагерей было в стране!), ему разрешили получать с воли специальные книги. Это была научная литература, главным образом на английском языке.

Сестра приносила книги, они были напечатаны большими буквами на пухлой бумаге, в синих и красных коленкоровых переплетах, украшенных тисненной золотом вязью. В каждой книге был пустой выходной листок, и после титульной страницы, обычно перед текстом, тоже шла пустая

страничка, изредка сверху украшенная посвящением или эпиграфом.

Другой чистой бумаги во всем лагере не было, и на этих листках тонким мягким карандашом, быстрым почерком вел свои ежедневные записи Ярви — на фарсидском языке.

Он старался быть возможно точным в этих записях, да и места было очень мало, так что сжатость записей была необходима.

Вот отрывки из записей Ярви:

...мая. Сегодня увели сорок три человека... Расстреливали из пулемета за оградой. Они что-то выкликали, не расслышал — что.

...мая. Старики и дети лучше переносят голод, чем среднего возраста сильные люди. Один долго лежал на дворе, раскрывал и закрывал рот, как рыба, выброшенная на сушу. По двору ходил, держа подмышкой требник, пастор... Я обратился к нему — он пожал плечами и пошел, не обратив внимания.

...мая. Начался сыпной тиф. Вши. Приходили дамы из общества, смотрели заключенных... Отыскивали среди них своих обидчиков... С одной я танцевал на университетском балу год назад... Прошла, шурша платьем немецкой вискозы, делая вид, что не замечает меня. В эту минуту я нес на носилках тифозного. Если бы я знал, что такое лахтари! Ну, теперь-то, когда снова начнется, я ни за что не уйду в отпуск, пока в живых останется хоть один лахтарь.

...мая. Солнце. Жарко. Все можно понять. Нет, — не простить, а понять... Но этого не поймешь... Этого не простишь... Они заставляют пленных драться друг с другом. Делаться зверьми... Кормят соленой салакой. В расположении лагеря одиннадцать действующих кранов, а они открыли только один. Кран открыт шесть часов.

Выстраиваются очереди за каплей воды... Несколько тысяч человек... все не успевают получить воды... Ругань. Драка за место в очереди... Возбуждают злость друг к другу... Недоверие к товарищам. Разрушают дружбу пленных. Хотят превратить в животных. Ялмар сказал: этого мы им никогда не простим! Не мог спать всю ночь. Кажется, плакал... Единственно, что спасает меня, это книги... Передает сестра. Оказывается, я помню наизусть 113-й рубай Хайама³⁰...

Кто забудет или простит им эту жаждущую воды очередь у крана, — недостойн зваться человеком...

...мая. Старик все-таки умер от тифа... Мальчика я нес на носилках в приемный покой... Мне передавали, что сегодня увели на расстрел с другими женщинами и высокую русскую женщину в черном платье, доктора. Сказал нашему врачу. Он относительно вежлив только со мной... Он пожал плечами и сказал: «Ничего не поделаешь, она ведь русская...»

...мая. Каждый из пленных наметил теперь человека, то есть лахтаря, которого он прихлопнет, когда снова начнется революция... «Каждому будет свой бифштекс,—сказал один...—и прибавил: — Э, мы живучи. Мы назло им выживем!»

...мая. Над лагерем треугольниками пролетают птицы с юга. На деревьях пахнут клейкие почки. У ворот была свалена груда тел умерших от тифа и голода. Приехала телега. Гнедую лошадь поставили рядом с умершими, и возница побежал отыскивать санитаров, чтобы нагружать телами телегу. Когда мы пришли, возница вдруг побледнел. Всплеснул руками:

— Господи, что с лошадыю!

Она стала совсем серой... Это вши переползли на нее с трупов...

Это сущая правда, лошадь вся стала серой от насекомых.

...июня. Пришел мальчик и сказал: «Вы приговорили отца к расстрелу, а у нас большая семья. Расстреляйте лучше меня по списку. У меня та же фамилия... а отца выпустите...»

Они расстреляли и отца и сына.

Ялмар сказал мне, что этот парнишка просился в Красную гвардию, но его не приняли. При этом он вспомнил какого-то Ганнеса.

...июня. «Суд» работает все время... Теперь несколько стало легче — боятся перестрелять всех рабочих. А то кто даст им прибавочную стоимость?

Как мы были легковерны и добродушны. «Все чудеса, какие только может совершить умирающая свобода, были проявлены во время этой осады. Чтобы спастись, Флоренции недоставало лишь одного: террора». (Стендаль. «История живописи в Италии».)

...июня. Приходили и вчера опознаватели... Один седоватый благообразный бюргер вдруг остановился около Ялмара... подскочил и дал ему изо всей силы пощечину...

— Я тебя узнал, — заверещал он, — ты грозился ударить меня по физиономии, заступался за свою девку.

— Я жалею, что не расстрелял тебя, — отвечал Ялмар.

Тогда начальник лагеря внимательно посмотрел на Ялмара и сказал:

— О, у меня с ним тоже старые счета... Ты меня помнишь?

— Ты агроном, и я тебя арестовал. Но Коски тебя выпустил в ноябре. Он здесь, можешь его отблагодарить.

— Мы тебя отправим на место твоих преступлений. Пусть судят тебя там!..

Ялмара заковали в кандалы... Завтра утром отправляют из лагеря.

Книги — спасение мое... Хлеб — пятьдесят граммов в день... и один день в неделю бесхлебный...

...июля. Опять мне снятся очереди у крана. Однорукий Коски, действительно, здесь. У него выросла борода, и он стал тощим, совсем прозрачным. Ему дали лопату, чтобы шел копать отхожий ровик, но он сказал, что однорук, и тогда надсмотрщик несколько раз ударил его кнутом. Один раз даже стегнул по лицу. Осталась красная полоса... Потом надсмотрщик в сердцах бросил кнут... кнут... Я подобрал этот кнут и спрятал³¹.

...июля. Прислали двести молитвенников. «Как бы я хотел еще хоть бы раз в жизни наесться досыта», — сказал пленный красногвардеец. «Пусть красные едят вшей... Это тоже ведь мясо. Они жалуются на голод и на обилие вшей одновременно... Вот и верьте им». Это сказал начальник лагеря... Возможно, что пошутил.

Нет, не кран самое тяжелое... а предательство. Здесь были случаи. Лицо горит от стыда... И среди женщин ни одной предательницы. Но сегодня — хотели предательства массового... Объявили, что тех, кто хочет ехать на работу в Германию, — тех будут хорошо там кормить и даже давать небольшую заработную плату. Записалось сорок восемь человек.

— Товарищи, — сказал я, — вас повезут как штрейкбрехеров, там, наверно, забастовки.

Им стало стыдно — пятеро отказались... Остальные молчали, а один сказал:

— Мы, по крайней мере, расскажем, как терзали Суоми!³²

...июля. «Гаси свет, а я снова буду зажигать его». Отказ мой от освобождения некоторые товарищи ложно истолковали, будто я агент шюц-

кора... Но я должен. Я останусь в живых, чтобы рассказать обо всем, что мне пришлось увидеть. Сестра передала шелковую рубашку. На шелк вошь не идет.

...июля. Сегодня вызвали Кархонена... Встал и пошел какой-то пожилой человек...

— Сантери, — сказал ему друг, — ведь вызывают Кархонена... Он приговорен к расстрелу... только обманул их и умер в прошлое воскресенье. Зачем же ты идешь? Это ошибка.

— Молчи, — приказал Сантери... — Я пойду все равно... Я не хочу больше жить... не к чему.

Он ушел из камеры. А мы, оставшиеся, не проронили ни одного слова несколько часов...

Как я их ненавижу!

...июля. Проснулся на рассвете. На дворе кто-то высоким голосом кричал: «Да здравствует социалистическая революция во всем мире!»

Потом были выстрелы...

«Гаси свет, а я снова буду зажигать его!»

К Л Я Т В А

ПОСТСКРИПТУМ

В те дни, когда в залитой кровью Суоми, где половина рабочих была закопана в могилу, другая половина очутилась в цепях, куцый сейм торопился избрать королем Финляндии Фридриха-Карла, ландграфа Гессенского, шурина Вильгельма второго...

В те дни, когда у трудящихся Советской страны, потрясенных безумным и гнусным выстрелом проклятой эсерки Каплан, была лишь одна мысль — мысль о тяжело раненном Ленине, и эта мысль была одновременно и страстным желанием победы, — победы воздя над смертью, и социалистической революции — над разномастными врагами, в эти дни и собрались на конференции в голодной,

но вдохновенной Москве эмигрировавшие финские социал-демократы.

Там встретила Айно с хромым Айроксиненом — и вспомнила, что единственной наградой за всю ее работу для революции был полученный от Айроксинена на дороге поцелуй в лоб. Они встретили там Ивара и Ганнеса, и неутомимого, так много знающего и такого милого Сирола. На этом собрании показал всю свою напористую хватку энергичнейший Тойво Антикайнен... Там было еще много товарищей.

Они прослушали страстную и горькую самокритику, — самокритику, написанную слезами и кровью сердца погибших товарищей... Это были их мысли, их страдания, их воля к победе и вера в неизбежность ее, их клятва на верность революции.

И тогда они послали письмо раненому товарищу Ленину. Черновиком этого письма была боль разгромленной революции. Революции, которая все же могла победить и победит. Они писали³³:

«Товарищ Ленин!

С чувством глубокого возмущения, потрясенные до глубины души, мы узнали, что пулей убийцы, подосланного буржуазией, ранены из-за угла Вы — первый боец Российской Социалистической Советской Республики и вождь международного рабочего движения. Сбравшись на конференцию сюда, в столицу Российской Социалистической Советской Республики, чтобы на место социал-демократической партии, погибшей прошлой весной в буре финляндской революции, основать финляндскую коммунистическую партию, мы надеялись увидеть здесь в нашей среде Вас, уважаемый товарищ и наш учитель, и уже решили просить Вас, чтобы Вы прибыли на наше собрание.

Но это наше желание увидеть Вас лично на своем собрании не сбылось из-за отвратительного покушения. Разрешите поэтому высказать Вам в этом открытом письме те накопившиеся в нашей душе чувства и мысли, которые мы хотели высказать Вам устно.

Год назад Вы находились в изгнании в нашей стране; теперь мы находимся у вас. Вас изгнало в Финляндию насилие русской буржуазии, которая тогда при помощи диктатуры временного правительства преследовала русский борющийся пролетариат. Нас изгнало теперь в Россию насилие объединившейся финляндской... буржуазии, которая теперь посредством самой кровавой диктатуры душист пролетариат Финляндии...»

Это письмо, напечатанное на папиросной бумаге, дошло до концентрационных лагерей, до тюремных камер, каменных мешков, в которых изнывали наши товарищи в Финляндии.

Запеченными в краюху черного хлеба получил эти листки Ялмар. Когда он читал и перечитывал, запоминая наизусть, цепи звенели у него на руках и горели на ногах стертые кандалами раны.

Надо было читать так, чтобы не заметили тюремщики и не отняли бумажки.

Да там были его собственные мысли о причинах разгрома — об ошибках социал-демократов и о правильности ленинской теории. Он шептал наизусть, как лучшие стихи, строки письма:

«Прояснение коммунистического учения означало для нас, бывших финляндских социал-демократов, открытие нового мировоззрения. Оно произвело и в нас социалистический переворот. Лишь теперь, пробудившись, мы видим свет социализма, который прежде мы видели лишь во сне. Свое коммунистическое сознание мы приняли

как долг, который мы должны выплатить верной работой и борьбой на пользу международной социалистической революции, прежде всего в Финляндии и затем в России. Коммунизм влил в наши души невообразимо отрадное сознание того, что даже те великие жертвы, которые рабочий класс нашей страны принес в своей борьбе и в своем временном поражении и особенно после него, во время неслыханной, зверской вакханалии мести финляндской буржуазии,— что даже эти жертвы не принесены напрасно, но на пользу победы международного пролетариата... Незначительный по количеству борцов и по своим знаниям финский пролетариат много пожертвовал. И он еще поднимется. Огненное слово коммунизма блеснет и среди самой темной ночи, освещающей молнией надежды. Оно разобьет цепи отчаяния и вселит в разбитую душу борца несокрушимую уверенность в победе. В тот день, когда из края в край земли раздастся призыв: «Это будет последний и решительный бой», в тот день, когда международная Красная Армия двинется в путь, весь мир увидит, что и финляндский пролетариат устремится в ряды борцов во имя мести и победы.

Пусть тогда в Германии и Австрии, а также в Англии, Франции, Соединенных штатах и Японии будет вынесен приговор рабочего класса всем тем рабочим партиям, которые стараются обманчивыми лозунгами: «Сначала мир, потом революция» отсрочить взрыв пролетарской революции до менее благоприятного времени, не стремясь к ней уже во время войны и не готовясь серьезно к ней уже в этот миг.

И пусть падут приговор и позор на те рабочие партии и организации, которые прямо или косвенно поддерживают попытки своих импери-

алистических правительств к нападению на Российскую Социалистическую Советскую Республику и к пресечению международной рабочей революции».

Ялмар передвигался по камере, и хотя цепи позвякивали и раны на ногах ныли, и хотя на послезавтра был назначен суд и приговор мог быть только один — он готов был запеть...

Заключительные слова этого письма-манифеста об основании коммунистической партии Финляндии:

«Можете сказать русским товарищам за нас, финляндские коммунисты пойдут с радостью в огонь; они хотят и будут участвовать в наступлении, при котором крепости капитализма будут взяты и разрушены; финляндские коммунисты считают для себя унижением оставаться в тылу, когда пролетариат всех стран завоевывает мир».

Эти слова и то, что Ялмар получил в своей каменной одиночке листки письма к Ленину, свидетельствовали о том, что финские коммунисты уже начали работать, уже начали осуществлять свою клятву, принесенную финскому народу и Ленину.

Такой же листок дошел и до Ярзи, приговоренного к трем годам и условно освобожденного.

И сотни пленных в концентрационных лагерях узнали об этом письме.

О том же, как Ялмар бежал из тюрьмы и потом работал в тылу интервентов, как он встретился с Мартой и снова расстался с ней; о том, как Айно организовала женский отряд шестого Финского полка Рабоче-Крестьянской Красной Армии и с этим полком дралась против Юденича

и прошла всю Карелию, а потом училась в Интернациональной военной школе... О том, как, узнав о смерти товарища Ленина, она в одиночной камере Гельсингфорсской тюрьмы на клочке бумаги по памяти нарисовала портрет Владимира Ильича, о том, как она сейчас живет и работает в Москве, о том, как Айроксинен в Советской республике строил завод и директорствовал на нем, о том, как Ивар возвратился в Финляндию и работал в подпольи вместе с товарищем Ярви, как он встретился там с Лидией и сначала перешел на другую сторону улицы, чтобы она не узнала, а через день, преследуемый агентами охраны, спасаясь от погони, ночевал у нее в квартире... О том, как Ганнес работал среди финской молодежи, кончал командные курсы, а сегодня, когда я пишу эти строки, дерется под Мадридом в Интернациональной бригаде... О том, как все эти товарищи выполняют клятву, данную Ленину, что они делали и делают для приближения финляндской и мировой социалистической революции, — обо всем этом надо написать новую книгу.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1 Так называли красные белогвардейцев; лахтарь — мясник.

2 Сейм — финляндский парламент. В 1916 году в сейме впервые в истории социалисты получили большинство (103 депутата); этот сейм назывался Красным. Летом 1917 года, в полном согласии с финляндской буржуазией, он был разогнан правительством Керенского. Во вновь избранном сейме, несмотря на увеличение числа голосов, поданных за социалистов, вследствие ряда подтасовок, получили большинство депутаты буржуазных партий. «Красный сейм» способствовал усилению парламентских иллюзий среди финляндской социал-демократии.

3 Нэйти — барышня.

4 Торпари — мелкие крестьяне, арендаторы земельных участков.

5 Ленсман — деревенский полицейский чин.

6 Шюцкор — корпус охраны. Фактически белая гвардия в Финляндии. Строго классовая вооруженная организация финской буржуазии. Вербуетя по преимуществу из городской мелкой буржуазии и кулачества.

7 Войма — военная подпольная организация финских националистов, существовавшая при царском режиме.

8 «В течение лета и осени 1917 года рабочие массы Финляндии, организованные в социал-демократическую партию, интенсивно искали выхода из экономического и политического кризиса, охватившего Финляндию и сильно обострившего и без того тяжелое положение рабочего класса. Октябрьская революция в России указала выход из кризиса, и среди финляндских рабочих началось активное движение за революционный захват власти пролетариатом. 15 ноября, под давлением революционных масс, в Финляндии была объявлена всеобщая забастовка. Однако, спустя несколько дней, 19 ноября, революционный комитет, в состав которого входили представители партийного и профсоюзного ру-

ководства и парламентской социал-демократической фракции, отказался от революционного пути и, ликвидировав «всеобщую стачку», вернулся на путь парламентской борьбы. Во многих районах местные партийные организации и Красная гвардия считали этот шаг неправильным и некоторое время продолжали стачку. Часть левых социал-демократов, входивших в состав руководящих кругов Финской Социал-Демократической Партии, в том числе и О. Куусинен, Сирола и К. Винк, были за переход власти в Финляндии в руки рабочего класса».

(Ленин, Сочинения, том XXIX, прим., стр. 510, 511.)
9 Токой — правый социал-демократ, возглавил летом 1917 года буржуазно-коалиционное правительство Финляндии. Был во время революции в 1918 году в революционном правительстве, затем — подобно Турккия. Виику и Таннеру — стал ренегатом. Сейчас, как и они, входит во II Интернационал.

10 О. Куусинен — видный деятель социалистического движения, вступил в ряды финской социал-демократической партии после революции 1905 года, был членом ЦК финской социал-демократической партии в разные периоды ее существования. После Октябрьской революции в России О. Куусинен занял руководящее положение среди сторонников левого крыла социал-демократического движения в Финляндии и был одним из организаторов финской коммунистической партии. Во время финляндской революции, в 1918 году, О. Куусинен был народным уполномоченным по просвещению. Сейчас председатель президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР.

11 Силтасаривцами назывались левые социал-демократы, по имени гельсингфорсского рабочего предместья Силтасаари — цитадели левых. Силтасаривцы издавали самую распространенную рабочую газету («Рабочий»). Редактором ее был долгое время Куусинен.

12 Сирола — один из активных деятелей финской социал-демократической партии, в 1906 году — генеральный секретарь финской социал-демократической партии, вместе с К. Винком представлял финскую социал-демократическую партию во II Интернационале; в период между двумя революциями работал в Америке, в финской социалистической прессе. Вернувшись в 1917 году в Финляндию, примкнул к левому крылу социал-демократического движения. С образованием финской коммунистической партии вошел в ее состав. В 1918 году, во время финляндской революции, был народным уполномоченным по иностранным делам. Работал одно время наркомпросом Карельской

республики, был членом Контрольной комиссии ИККИ, умер в 1936 году.

13 Братъя Иван Рахья и Юкко Рахья — питерские рабочие. Финские революционеры. Один из них убит белым террористом в 1920 г., другой умер в 1926 г., занимая пост наркома Карельской республики.

14 Пукко — финский нож.

15 Речь И. В. Сталина. Цитируется по книге В. Смирнова «Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг.» Ленинградское областное из-во, 1933, стр. 219.

16 Маннергейм Карл Густав (р. 1857 г.) — финский политический деятель, до 1917 года генерал русской службы. В 1918 году во главе финских белогвардейцев и при помощи иностранной буржуазии подавил пролетарскую революцию в Финляндии.

17 Рабочая революция в Финляндии началась в середине января 1918 года в южной, промышленной части страны, охватив ряд крупнейших центров: Гельсингфорс, Выборг и другие. Ей предшествовала ноябрьская всеобщая политическая забастовка, продолжавшаяся неделю и возглавляемая Центральным рабочим революционным советом. Чтобы подавить рабочую революцию, буржуазное правительство Свинхувуда обратилось за помощью к иностранной буржуазии. Укрепившись на севере Финляндии оно начало в конце января наступление на юг. После жестокой гражданской войны советская революция была в апреле подавлена.

Революционное правительство Финляндии «Совет народных уполномоченных» было выделено «Рабочим исполнительным комитетом». Верховным органом власти был «Рабочий главный Совет», контролировавший деятельность «Совета народных уполномоченных» — власти исполнительной.

18 Рунеберг — знаменитый финский поэт-классик, писавший на шведском языке (1804—1877).

19 Дефибры — машины для растирания дерева в волокнистую массу.

20 Пенни — финская монета, равная 0.01 марки.

21 Сотеси — финский народный танец.

22 Суоми — Финляндия (на финском языке).

23 Тайми А. (р. 1881 г.) — ленинградский рабочий, путиловец, большевик с 1902 года, в царское время был в тюрьме и ссылке за революционную работу. Во время пролетарской революции в Финляндии был народным уполномоченным по военным делам. В 1928 году арестован финской охранкой за революционную подпольную ра-

боту в Финляндии и осужден на пятнадцать лет каторги, которую отбывает до мая 1940 года, когда вместе с т. Антикайненом, в результате победы РККА он был освобожден и переправлен в СССР.

24 Закон 31 января. По существовавшему порядку в Финляндии прислуга нанималась в ноябре на год, причем хозяин получал право распоряжаться нанятым лицом по своему усмотрению. Если нанятый на службу уходил с места, хозяин имел право приводить его обратно при помощи полиции. По желанию хозяина прислугу можно было за уход присудить к денежному штрафу и тюремному заключению. Этот отвратительный порядок, напоминающий древнее рабство, был отменен рабочей властью декретом от 31 января.

25 Фермопильское ущелье — узкий горный проход в Греции. В 480 г. до нашей эры его защищали 300 спартанцев от вторжения персидской армии. Спартанцы задерживали наступление персов до тех пор, пока не были истреблены поголовно.

26 Люфт — здесь свободный ход даранки руля.

27 По-фински: «Да здравствует».

28 Пуникки — краснушки, красные коровы — так называли красных белогвардейцы.

29 Стриндберг — знаменитый шведский романист и драматург (1849—1912).

30 Хайама — (умер около 1123 г.) знаменитый персидский поэт и ученый. Особенно популярны его четверостишия (рубаи), переведенные на все языки.

31. Меньше чем через год в Лондоне на заседании палаты общин во время своей речи о белом терроре в Финляндии депутат оппозиции высоко поднял над головой именно этот кнут, демонстрируя его почетному собранию. Ну, а Коски, принимая во внимание его роль, был приговорен только к трем годам тюрьмы, а затем даже входил в социал-демократическое правительство Таннера. Таннер вместе с социал-демократом военным министром открыто принимал военный парад белогвардейских дружин, приуроченный к восьмой годовщине въезда в Гельсингфорс палача рабочих, генерала Маннергейма. Где был в этот час Коски? Вероятно, на правительственной трибуне.

32 Ярви не пишет, что его за это выступление изъяли из казармы и посадили в тюремную камеру на две недели.

33 Приведенные здесь выдержки из письма к товарищу Ленину цитируются по сборнику «Финляндская революция» (ГИЗ, М., 1920, стр. 25—31).

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

I. Ковбой.	5
II. Отец и сыновья	9
III. Айно снимает передник.	13
IV. Хлеб	15
V. Обида пастушонка	19
VI. Сервиз	23
VII. Дочь хозяина	27
VIII. Непонятное известие	31
IX. Конец забастовки	34
X. Посланец Ленина	39
XI. Ялмар отдает лошадей	47
XII. Записка в Петропавловскую крепость	51

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

I. Мать будит сыновей.	61
II. Чемпион французской борьбы	64
III. Женский батальон смерти	74
IV. Первые победы	83
V. Прощание	88
VI. Слезы Ивара	94
VII. Две встречи	103
VIII. Ночь на фронте	109
IX. Ялмар подбирает Марту	122
X. Дела на бумажной фабрике	127
XI. Айно получает фотографию	134

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

I. Поздравление народного уполномоченного	143
II. Сигрид	150
III. О тех, кто не продал своей шпаги	156
IV. Фермопильское ущелье	169
V. Взрыв	181
VI. Я тоже за мир!	188
VII. Решение	196
VIII. Последний вечер в городе	203
IX. Марта! Марта! Марта!	213

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ

I. Айроксинен стоит на часах	221
II. Айно хочет извиниться	226
III. Комендант Льдины	236
IV. Атака женского батальона	239
V. Русская женщина в черном	244
VI. Мы можем крепко бить	246
VII. Но я командир	252
VIII. Суд	255
IX. Прощание с Мартой	260
X. Конец фельдфебеля	265
XI. Ивар, что ты сделал?!	268
XII. Рагнар и Симха в плену	272
XIII. Два социал-демократа	279
XIV. Ивар приходит из разведки	282
XV. Этого не забыть!	282

ПЯТАЯ ЧАСТЬ

I. Колонна входит в город	284
II. Последний митинг	289
III. Рагнар приносит золото	294
IV. Ремонт «Тезея»	298
V. Гороховый суп	306

VI. Айно выполняет приказ	314
VII. «Храбрецы»	318
VIII. Сигрид остается на посту	323
IX. Ярви идет навстречу лахтарям	326
X. Баррикада у Нового моста	332
XI. Шлюпка в Финском заливе	341
XII. Персидская поэзия	350
XIII. Последняя встреча братьев	355
XIV. Дневник Ярви	359
<i>Клятва постскриптум</i>	364
Примечания	370

